НЁМАН

7 / 2017
ИЮЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 325-85-25, заместителя главного редактора — 319-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 304-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРУКОВ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 13.07.2017. Формат 70 ×108 $^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 17,29. Тираж 1474. Заказ

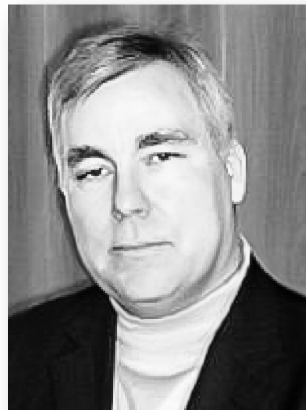
Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

16 +

Сергей ТЕЛЕВНОЙ
При участии Дениса Логинова, моего внука.



Я — не заморыш!

Повесть

Глава I

Перед тем как я возник на свет

Мне четырнадцать лет, зовут Кирилл. Имя дали в честь деда, ничего оригинального… А так-то у меня по жизни кликуха — Заморыш. Обидно, конечно, но я был таким всегда. Даже когда еще не родился, уже был заморышем.

Поселок, где я появился на свет и живу, называется Лесостепной. От леса здесь в окрестностях — редкие лесополосы, которые каждый год пожары изводят. Ну, а степь — прямо за окном, выветривается пыльными бурями. А вдалеке виднеются горы. Вот такая моя малая родина, как сейчас говорят. Нет, конечно, если про наш поселок кино в стиле фэнтези снять, то — да! Кадры будут здоровские. Но это сейчас не по теме. А вообще наши края по телику называли «неоднозначным регионом». Потому что бывшая «горячая точка» недалеко. От нас в ту сторону летали «вертушки» — вертолеты, значит.

Короче, перед тем как я возник… Моя будущая мама — тихая, вся в комплексах, семнадцатилетняя — была студенткой сельскохозяйственного техникума. Технарь, значит, по-нашему.

Мой будущий папа только что закончил профтехучилище и работал в местном колхозе трактористом.

В общем, со всех сторон — не фонтан… Ну, понятно, в нашем поселке, который «ни к селу ни к городу», какой может быть «фонтан»?

Не представляю, как мама познакомилась с моим будущим папой при ее комплексах? Вообще — фантастика! Она катастрофически боялась подходить к парням. Но познакомили их как раз технари, чтобы приколоться.

— Давай для хохмы сведем Иринку с Костей, — ржали одногрупники. — Интересно, что эти пионеры будут делать?

— Вот Иринка, — показали моему будущему отцу мою будущую маму с грустными серыми глазами. — Она просто мечтает о тебе!..

— А это Костя, он влюбился в тебя с первого взгляда! — представили мою родительницу будущему же моему бате, и все хором заржали.

Ну, примерно так это у них происходило. Нельзя сказать, что моя мама влюбилась в папу. Он просто ей понравился. Папа был высоким парнем, только очень худым. Наверное, на тот момент рост — это было его единственное достоинство. Хотя нет, не единственное — он еще хорошо ремонтировал мотоциклы. Я-то понимаю, что это классно, а маме тогда было все равно. Она просто обрадовалась, что на нее обратил внимание такой высокий парень. Точнее, повелся на чьи-то приколы. Моя будущая мама конкретно боялась, что к ней больше никто не подойдет…

— Ничего, что худой. Были бы кости, а мясо нарастет, — сказала ее подружка Галя, которая все про всех и всегда знала. Она была старше мамы, уже окончила медучилище и работала в местной амбулатории медсестрой.

Честно говоря, мой будущий папа был даже не худой, а просто тощий. И девчонки на него, конечно, тоже не обращали внимания. Но пацаны, у которых были мотоциклы и мопеды, относились к нему нормально. То есть, посмеивались, конечно, над ним. Но папа соображал в технике, и потому его сверстники особо не доставали.

Вот такие у меня намечались предки.

Когда они познакомились, бате было восемнадцать лет. Но в армию его пока не брали из-за дефицита веса — 55 кг при росте 185 см. Хотя тогда гребли всех подряд — была война в Чечне.

Родственники папы настаивали, чтоб он быстрее женился и «сделал» двух детей. Тогда полный отмаз — в армию не заберут. Так что мои будущие папа с мамой познакомились, можно сказать, в нужное время.

Молодой тракторист подъезжал к техникуму на собранном своими руками мопеде-драндулете, пыхтевшем синим дымом. Его постоянно преследовал запах солярки и бензина. Мама тогда стеснялась сказать ему об этом «букете», а девчонки воротили нос.

— Фу, чем воняет?! — над несуразной парочкой откровенно насмехались. Может, это моих будущих родителей и объединило.

Короче, окончания маминой учебы в техникуме дожидаться не стали — чего в пионерах ходить-то? Во-первых, надо было долго ждать — еще два года. Во-вторых, это ничего не меняло. Карьеру после техникума мама не могла сделать по умолчанию. Она должна была стать технологом по хранению и переработке зерна. Но к тому времени все колхозы разваливались, зерна собирали крохи. Ушлые председатели сдавали его на спиртзаводы, а не на элеватор. Он, этот элеватор, где могла бы работать мама, закрылся и угрюмо торчал на окраине поселка, как чернобыльский саркофаг. Так что маме все равно негде было работать и нечего хранить. Значит, одна дорога — замуж.

Короче, женились… Мой дедок — Кирилл, мамин отец, хоть и был вечно в легком подпитии скотник, понимал, что дочке надо справить свадьбу «как у людей». Правда, у него были свои планы на замужество дочки. Дед Кирилл хотел, чтобы на маме женился молодой зоотехник с их фермы Мишка — кривоногий, мохнатый. Маме он точно не нравился. Но дед Кирилл не настаивал на зоотехнике. Пусть будет этот тощий тракторист Костя. Лишь бы дочке было счастье. По поводу свадьбы: «Решил — сразу действуй», — сказал дед. Он набрал долгов на целый год и замутил гулянку на полпоселка.

— Чтоб не хуже, чем у людей! — сказал дед и сделал.

Не знаю, какая получилась свадьба. Говорят, классная. Я, понятно, не видел, потому что должен был по планам появиться на свет только через девять месяцев. Я и мой брат-близнец, а может, сестра. Как выйдет.

— Главное, чтобы было двое детей, тебе полный отмаз от армии, — резонно сказали батины родичи. — А пока ты, Костя, вес не набирай.

Отцовская родня ходила к бабке-шептунье, которая рассказала, как сделать, чтобы их невестка, то есть моя мама, понесла двойню. Начали считать-вычитать, родословную перебирать — есть ли у кого в роду двойни? Оказалось, что нет… Но стараться надо. Зелье всякое заваривали, травы под перину клали…

Мне четырнадцать лет, и я давно знаю, что дети — хоть двойня, хоть тройня — не в капусте находятся. Ну ладно, это для «категории 16+», как

говорится. Короче, народные средства не помогали — я с братом-близнецом не рождался. И с сестрой-двойняшкой не рождался. И даже — один… Вот так ☹

Папины родичи стали подумывать о смене невестки:

— А что, если женить Костю на Вальке? Мать-одиночка, и детей двое… Усыновит их, и все путем, все законно.

О как придумали! Что, это были бы мои сводные братья? Или как там их называть? Хотя, я бы тогда не родился… Даже заморышем. Кому бы они были братья? Кстати, сейчас «сводные братья» — Амбал и Хлюст рулят в нашей школе. Но о них потом.

У деда случился разрыв сердца из-за… теленка

Повестка из военкомата бате, между тем, пришла. Я честно скажу: папа в принципе отнесся к этому спокойно — надо, значит, надо… Между прочим, он в детстве мечтал в суворовское училище поступить, а потом офицером стать. И когда повестку получил, в принципе был готов идти в армию.

Но старики думали иначе. Чтоб не «сиротить» дочку, то есть мою будущую маму, дед Кирилл, который еще не расплатился с долгами за свадьбу «как у людей», пошел «решить вопрос». А к кому ему идти? Даже с женой не мог посоветоваться. Она, то есть моя будущая бабушка, после очередного запоя деда Кирилла бросила его и уехала в большой город свою жизнь по-нормальному налаживать.

Вот дед Кирилл, ни с кем не посоветовавшись, пошел решать вопрос к начальнику своему — заведующему колхозной МТФ Трофимовичу. Это не Морской Торговый Флот, как можно подумать, а молочно-товарная ферма, где коров доят, молоко, значит, добывают.

— Трофимович, у тебя связи, авторитет, — обратился дедок к завфермой. — Выход на военкоматских есть. Зять-то у меня реально больной желудком, но ведь затаскают по комиссиям, загребут в Чечню. А дочка моя как? Только ведь поженились. Ты ж, Трофимович, сам на свадьбе молодым прилюдно обещал: если какие проблемы, то обращайтесь.

— А что ж они не обращаются?

— Ну, сам понимаешь, считай, еще малолетки, — стал отмазывать дедок моих сильно стеснительных будущих родителей.

— Ну уж и малолетки, — хмыкнул Трофимович. — Свадьбу играть не малолетки, а вопросы решать — малолетки. Так не бывает…

— Ну, Трофимович, уважь. Должником твоим буду…

— Да ты и так мой вечный должник! Постоянно под градусом, комбикорм да молоко на ферме приворовываешь. Что, думаешь, я не знаю?.. Другой бы на моем месте тебя давно выгнал с работы, а я все терплю…

— Ну, так я ж пашу как трактор, Трофимович! Я же безотказный в работе.

— Ладно, трактор безотказный… Есть у меня завязки в военкомате, попробую, — вздохнул тяжело заведующий МТФ. — Иринку-то свою пришли ко мне. Поможет мне с месячишко учет молока вести. Как у нее с грамотешкой?

— С грамотешкой-то нормально, техникум заканчивает. Только ты, Трофимович, не того... Не балуй, хоть ты и мой начальник, а дочку в обиду не дам. — Дедок сжал мозолистыми руками отполированные вилы. Те, которы-

ми сено раздают скоту и навоз, извиняюсь, в стойлах убирают. С четырьмя острыми зубьями.

— Слушай, ты пришел вопросы решать или как? Ладно, — смягчил тон завфермой, — будем думать. Раз Трофимович обещал, значить, Трофимович сделает. Выйду на самого военкома!

Короче, связался заведующий МТФ с каким-то военкоматским, чтобы отмазать батю моего от армии. Хотя папа реально тогда болел желудком, и был у него дефицит веса, я ж говорил. Но отмазывать все равно надо было.

Знакомец Трофимовича оказался не военкомом, а всего лишь толстым прапорщиком из этой конторы. Короче, переложил он, этот прапорщик, папку с документами куда следует. Точнее, куда не следует, ну, и про него, про моего будущего батю, военкоматские как бы забыли. Понятно, что и завфермой, и военкоматский прапорщик помогали скотнику отмазать зятя от армии не задарма.

— Значит, так. Выходишь в ночное дежурство, — дал распоряжение моему деду Трофимович. — Двух телочек красно-пестрой породы выведешь через задние ворота. Там будет ждать тебя машина. Твое дело погрузить животину и держать язык за зубами. Сам понимаешь, это лично для военкома, у него в степях брат-фермер скотину держит.

Дедок мой Кирилл, вечно подвыпивший, пошел ночью на ферму по-трезвому и вывел двух телочек. В условленном месте, за скирдой соломы, ждала «буханка» — это уазик типа «скорой помощи». Два ведущих моста — я сейчас разбираюсь. Прет по полям, по пустырям, как танк!.. Ну, сейчас не об этом. Короче, погрузили двух телочек в эту самую «буханку». А моему деду и говорят мохнатые мужики с золотыми зубами:

— Эй, зоотехник, давай еще одну телочку… Это между нами, никому не болтай.

Дедок мой был простым скотником, а не зоотехником. Потому он даже загордился, когда его так назвали. Зоотехник же на ферме тоже большой начальник! Потому дед и пошел за третьей телочкой — опять же, долги за дочкину свадьбу не все отдал.

Мохнатые с золотыми зубами тут же рассчитались за третью «лишнюю» телку. Правда, чуть недоплатили — сказали: «Потом…» Все вроде прокатило спокойно…

Трофимович списал, понятно, двух телочек как падеж. То есть, что они издохли. А что тут такого — скот на колхозных фермах, бывает, дохнет, это люди умирают. И то не все — некоторые дохнут.

Дед мой, скотник Кирилл, умер. Только успел расплатиться с долгами — и тут же разрыв сердца. После того, как «таблетка» увезла трех красно-пестрых телочек мясомолочной породы в голую степь. Там жили в основном чабаны, к которым милиция, тогда она так называлась, в одиночку не совалась. Но она, милиция в виде помощника участкового, молоденького сержанта, разведала про угон скота все. (Этот участковый, уже в чине, возникнет еще в нашей с мамой жизни.) Пропажа телок подтвердилась — все указывало на скотника, который дежурил в ту ночь. Потом к деду на ферму приехала группа захвата с автоматами. А он взял и умер прямо на работе — разрыв сердца. Вот так ☹

Трофимович на похоронах сказал:

— Кирилл — настоящий мужик, хорошо умер, никого не потянул за собой.

Помощник участкового, который там тоже был, спросил:

— А кого он должен был потянуть за собой?

Завфермой прямо на похоронах нагло так засмеялся:

— Догадайся с трех раз…

Молоденький сержант недогадливый оказался. Но потом по службе у него поперло — звездочку на погоны получил, участковым назначили и все такое.

Кесарю — кесарево, а кесаренку… лужа безденежья?

Короче, через год, уже после смерти деда Кирилла, предстояло родиться мне. Как оказалось, одному. В подробности вдаваться не буду — это для категории «16+», а я — «14+»... Одно скажу: скорее всего, я был самым дохлым, извиняюсь, сперматозоидом. Мама тогда заканчивала технарь — то есть, сельхозтехникум, и постигла науку — как хранить зерно. А папа в это время из колхоза ушел — там вообще не платили. Работал он газонокосильщиком в райцентре в «Зеленстрое». Все лето и всю осень косил траву вдоль дорог и на газонах — глотал пыль и копоть. Вообще-то, это была единственная газонокосилка у них на работе, так что бате повезло. Видать, от придорожной пыли и выхлопных газов, которые глотал отец, я и вышел заморышем.

Мама, вынашивавшая меня, зубрила бесполезную технологию переработки зерна. Видно, сильно перезубрила, потому к учебе у меня стойкая аллергия. Это врожденный инстинкт. Или приобретенный?

Короче, тут все понятно: если я такой — без тяги к учебе, то виноват в этом, наверное, мамин сельхозтехникум, а заморыш — потому что батя выхлопных газов и пыли наглотался. Я так стал думать давно, еще когда в первом классе учился, потому что всезнающая медсестра тетя Галя сказала:

— Это мама в техникуме переучилась и отбила охоту к учебе у дитяти еще в утробе, а отец выхлопных газов наглотался, вот и результат.

Кстати, когда я родился, тетя Галя посмотрела на меня и сделала вывод:

— Этот — не жилец…

Я на нее не в обиде. Она ж медичка. А сказала так, потому что я был как вялый огурец — худющий и сморщенный, да еще синий.

К тому моменту, как мне появиться на свет (уже затравленному маминой зубрежкой и нанюханному папиным бензином), мама моя лежала в больнице на сохранении плода. Плод — это, значит, я.

Не помню, как я барахтался в утробе матери, но… запутался в собственной пуповине. Про это я услышал лет в пять, когда между собой разговаривали соседские тетки. Я тогда смотрел на свой пупок и не представлял, как можно в нем запутаться. Оказалось, пупок — это не пуповина. Ну, плавал я плавал в маминой утробе, как космонавт в невесомости, и запутался. Пуповина, которая вовсе не пупок, обвилась вокруг моей шеи.

Представить это трудно, а выпутаться вообще невозможно. Короче, пришлось извлекать меня на свет божий другим путем. Это называется — кесарево сечение. Ну, подробностей не будет. Это вообще для категории «18+», а мне, напомню, только 14 лет. Вот так я появился на свет.

Назвали меня Кириллом — в честь деда, понятно. Молоко у мамы от переживаний пропало. Это я почему знаю? Да старшие рассуждали обо мне: он чахленький такой, потому что молока детского не видел. Искусственник ☹

Я как родился чахлым заморышем, так и живу. С первого класса на уроках физкультуры, когда все выстраивались в одну шеренгу, я был последним.

Ну, или предпоследним. Мы с рыжим Денискои были одного роста и каждый раз менялись, чтобы не было обидно. У него кликуха была и есть — Рыжий. Ему больше повезло. А я — Заморыш ☹ Но это, может, не потому, что искусственник, отравленный зубрежкой и придорожными выхлопами, а потому что такая генетика. Так, кажется, выражается биологичка Наталья Анатольевна — моя классная руководительница. У бати дефицит веса — и у меня тоже. Реально именно из-за этого отца в армию не взяли, а не потому, что он «косил» от службы.

Кстати, про отцовские гены. Он же у меня высокий, потому и маме понравился. А я до класса пятого был самым маленьким в классе, даже Рыжий меня обогнал. Но потом батины гены проснулись, и я так попер в рост, что к девятому классу стал самым длинным в классе. Но вот кликуха Заморыш осталась. Конечно, лучше бы — Длинный, но…

А когда я родился, досужие тетки, мамины подружки, которые вовсе и не подружки, говорили обо мне:

— Он кесаренок, да еще искусственник. Ну что ты хочешь? — как бы успокаивали они мою маму.

— Кесарята — они гиперактивные и слабовольные. Потому что трудностей изначально не испытали, — поясняла маме незамужняя тетя Галя, которая медсестра.

Я, когда начал чуть-чуть соображать, задумался сначала про гиперактивность. Знал, что такое гипермаркет. Хотя потом оказалось, что это не гипермаркет, а просто магазин. Ну, какой гипермаркет может быть у нас на окраине поселка Лесостепного?! Однако назывался он — «Гипермаркет»!

Короче, «гипермаркет» и «гиперактивный» для меня было одно и то же. Поэтому я маму настырно тянул в гипермаркет. Гиперактивно так тащил — за «киндер-сюрпризами» и всякими чипсами. А она, как всегда:

— Кирюша, у мамы нет денег, — и смотрела на меня грустными глазами.

— А где они? — резонно спрашивал я.

— Спроси у своего папы слабовольного, который алименты не платит, — это не мама так отвечала. Это ее сердитая незамужняя подружка Галя. А мама объясняла:

— Ну, просто безденежье, сынок.

Безденежье мне казалось почему-то какой-то большой лужей в стиле фэнтези. Ее, лужу, нельзя перейти и нельзя опрокинуть, чтобы вылить… Короче, про гипермаркет и про безденежье я рано усвоил.

А про слабую волю, мою и папину, я тогда ничего не представлял. Потом мне казалось, что моя воля — это такой косматый и оборванный мужик, который тянет лямку, но не сильно упирается. Ну, как бурлаки на Волге. Вот так представлялась мне воля. Тогда я еще и про бурлаков не знал — просто видел картину. Они, эти бурлаки, похожи на бомжей, если честно. Вот и воля у меня наподобие бомжа, потому и слабая.

Про папину волю, какая она из себя, не могу ничего сказать. Но в отличие от тети Гали, думаю, что воля у него все-таки сильная. Потому что он сам хоть худой, но жилистый. И работать мог сутками.

Вот такая у отца была сила воли. А у меня — как у вялого бомжа. Может, у всех кесарят такая воля?..

Теперь понятно, как мне, кесаренку — слабовольному и гиперактивному — сложно в этой жизни? Да еще с вечным маминым безденежьем.

Я потерял не родившегося брата, мама с папой расстались ☹

К тому времени, когда я только начал чуть соображать, папа с мамой расстались. Может, у них прошла любовь... Так бывает: и у взрослых, и у моих ровесников. А может, мама с папой много слушали всезнающих родственников и незамужних подруг, которые талдычили каждая свое.

— Она тебе не пара, — говорили отцу про мою маму. — Какая-то нерасторопная, забитая, и песня у нее дебильная…

Мама уходила в край огорода и пела сквозь слезы «дебильную» песню:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься.
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься…

Почему пела про речку, не знаю. У нас только канал имени какого-то революционера. Вот… А про отца доброжелатели с другой стороны жужжали:

— Он тебе не пара! Неудачник, тряпка, слабак.

Примерно так говорили им друг о друге, и даже похлеще. Там вообще было непечатное. Но я не буду здесь все писать — это ж мои мама и папа! Я их люблю и уважаю, хотя им об этом не говорю…

А тут еще облом! После меня, как планировалось, должен был родиться второй брат (или на крайний случай — сестра). А они не рождались, время поджимало, и папу могли забрать в армию, — а там Чечня... Чего они, эти непонятные родственники, боялись? У папы все равно определили дефицит веса. К тому же он сам был не против отслужить. А родня хотела второго ребенка. И случилось! Мама уже собиралась родить мне брата. В это время она ездила в вечно набитом и трясущемся автобусе на бухгалтерские курсы в райцентр. Еще мой дед Кирилл все говорил ей:

— Дочка, иди на курсы бухгалтеров. Будешь учетчиком на ферме. Лафа им в конторе сидеть!

Дедушка, как я рассказывал, к тому времени уже умер, а мама возьми и послушай его. И ездила в райцентр на бухкурсы в вечно переполненном автобусе.

— К техникумовскому диплому еще и бухгалтерские курсы, это уже кое-что, — объясняла мама свое решение и осторожно помышляла об институте.

Так вот, ехала она в трясущемся автобусе и мечтала о высшем образовании. Но на этот раз не просто трясло автобус. В него врезался какой-то придурок на самосвале и завалил его в кювет. Маму там чуть не задавили. Но обошлось без жертв. Хотя, как без жертв? Маму увезли в больницу и сразу положили на сохранение. Это у нас семейное, что ли? Она со мной лежала на сохранении. Меня сохранила, правда, я запутался в пуповине. (Я уже рассказывал об этом.) И с братом моим мама попала на сохранение после аварии. Но не сохранила ☹ А то ведь был реально брат.

Может, потому, что не сохранили мне брата, а отцу второго сына, родители мои и расстались. Они и до этого расходились, потому что со всех сторон, как я уже говорил, говорили им друг про друга всякие пакости. Вот и расстались. А потом один раз встретились прямо на улице, обнялись. Мама плакала, отец еле сдерживался. Я, мелкий, рядом стою, а батя слезы вытирает маме

ее зеленым длинный сарафаном. Я рядом стою и тоже реву. А они думали: куда идти? С одной стороны им мозги выносят, с другой нервы выматывают. И жилья своего нет…

Я не знаю подробностей, только не дали им, маме с папой, вместе жить. Наверное, судьба такая, как говорят старики. Я часто задумываюсь, почему случается все так, а не иначе? Может, от воли зависит, которая, например, у меня наподобие бомжа-бурлака. Или реально судьба такая?

Она, судьба, мне кажется суровой теткой в сером балахоне, как в фильмах-фэнтези. Руки скрестила, губы поджала и смотрит сверху. Потом извлекает свой когтистый перст (перст судьбы, значит) и указывает, куда надо идти. А на самом деле — туда и не надо. Потому что от этих указаний все время возникают какие-то проблемы. У нас с мамой — тоже.

Я обо всех проблемах рассказывать не буду, потому что мама всегда говорит: «Кому нужны чужие трудности», — она даже слово «проблема» старается не произносить. Но они, эти проблемы, все равно возникали.

Короче, судьба с когтистым перстом делала житуху моих родителей несладкой. Вот они и разбежались. Папа подался на Урал, в Пермский край. Почему туда? Один мужик в Лесостепной приезжал, он шахтером в тех краях работал — в Соликамске. Говорил, там хорошие бабки платят. Кстати, этот мужик, как потом оказалось, дед моего лучшего друга рыжего Дениски. Я о нем еще расскажу. А папа до шахты не доехал, в Перми остановился. У шахтеров должно быть железное здоровье, а у отца желудок больной. Потому зацепился он в Перми. Большой город — большие возможности, от кого-то я слышал.

А вот тетя Галя всезнающая говорила, что в тех краях половина людей — менты, половина — зэки. Или бывшие менты и бывшие зэки. Отец ни к одним, ни к другим не относился, потому его постоянно кидали… У бати были золотые руки, и этими руками он кому-то квартиры под евроремонт отделывал, кому-то дачи с деревянными балясинами строил, кому-то иномарки ремонтировал. Короче, крутился. Но денег отцу скопить не получалось, потому финансами он помочь мне не мог. И даже не всегда ему удавалось звонить на Новый год и в мой день рождения. То телефон украли у отца, то баланс не пополненный. Но я не верю, что он слабак и неудачник и что забыл про меня. Просто так гадина судьба распоряжается.

Маме все говорили, особенно незамужняя всезнающая подружка Галя:

— Подавай на алименты!

А она всегда отвечала:

— Пусть Костя станет на ноги, он и без алиментов будет сыну помогать. — Но убеждала мама в этом скорее саму себя. — Он же отец моего ребенка — не чужой человек. Как я его буду наказывать?..

— Ну и дура! — это про мою маму.

А я считаю, что мама не дура. Просто у нее сердце мягкое. И это, думаю, хорошо для женщины.

У меня вот сердце тоже мягкое, но для пацана, считаю, это плохо. И воля наподобие бомжа слабая. Тут есть объяснение — потому что я кесаренок. И учиться мне неохота, и лень посуду помыть, и зарядку не хочется делать… Безнадега.

А вот если бы сохранился у меня младший брат и если бы мама (сильно мягкосердечная) с папой (не очень удачливый) не расстались, тогда другое дело! Но…

Глава II

На стадионе вместо Звездной Звезды — бараны и зоотехник

Короче, мама с мягким сердцем — это хорошо. Она и батю жалеет, и меня. Но пацану в наше время с мягким сердцем — никак нельзя. Особенно если оно мягкое, как подушка, от которой трудно отрываться. И с волей слабой — тоже нельзя, однако приходилось.

Но вот после майских праздников решился я: с большим трудом в 6 утра оторвал от мягкой подушки свою всклокоченную голову и, не умываясь, побежал на стадион. 9 мая парад смотрел по телику. Сила! Хорошо бы в военный институт поступить и стать офицером. Но там физподготовка, математика, физика… Поэтому надо бежать на стадион — качаться, закаляться. Пока — физподготовка, а физика с математикой потом как-нибудь.

Вот и стадион. Он, правда, вытоптан козами и овцами. Бывают козлы, но реже. Я ж рассказывал, что мы живем в поселке, который — «ни к селу ни к городу». Тут перемешались ветхие фабричные трехэтажки с частным сектором. А у частников хозяйство, скот — мелко-рогатый и крупно-рогатый.

Хотя, если честно, меня на стадион погнала все-таки не воля, а вот что. Случайно узнал: там по утрам занимается она!

Кто она и какая из себя? О-о-о! Волосы вьющиеся, синие глаза, веселая, заводная. Короче — красивая, и зовут ее Лена. Ну, Звездная Звезда! Для удобства буду звать ее Ленка. Потому что если Лена — это какие-то телячьи нежности, не по-пацански. Ленка — моя одноклассница. Отец у нее — местный воротила. Зовут его Артем Артемович или Завмаг. У него — тот самый гипермаркет. Точнее, просто поселковый магазин, который называется «Гипермаркет».

Кстати, я не сказал, что в это время — в 6 утра — мамы уже дома не было. Она ушла на подработку в офис к Завмагу — мыть полы. Вообще, по жизни она инженер. Институт, как и мечтала, закончила. Днем мать работает в райцентровской конторе — в производственно-техническом отделе (ПТО). Чертит там всякие схемы, сочиняет техзадания и пишет техусловия. А по утрам и по вечерам моет полы в офисе у Завмага. Ей надо еще успеть вернуться домой, привести себя в порядок и к 9 часам — в свой ПТО.

А я в это время бежал трусцой по стадиону — ноги еле переставлял. Ленки почему-то не было видно. Но вот бывший колхозный зоотехник, небритый мужик из частного сектора, выгнал своих коз и баранов пастись возле стадиона. Те норовили попасть на футбольное поле.

— Ты что животину мою пугаешь! — строго сказал он мне, когда я пробегал мимо стада.

Зоотехник немного знаком, зовут, кажется, дядька Мишка. Это тот, которого когда-то мой дед Кирилл хотел в женихи маме. Но не сложилось… «В этой жизни» мама у него покупает иногда козье молоко, когда я болею. Целебное, говорят, но скажу по-чесноку, на вкус гадкое. Я ответил мохнатому мужику на его предъяву:

— Здрасьте… Я не распугиваю…— Мне показалось, что я это сказал заискивающе. Аж самому противно стало.

А он:

— Ты мне зубы не заговаривай! Мать с утра тряпкой машет, а ты дурью маешься.

Откуда он, козел, знает, что моя мама полы моет? Обидно мне стало за мать-поломойку. На втором круге я ему крикнул:

— Моя мама — инженер ПТО!

— ПТУ-ПТУ… Тебе только в ПТУ. — Он мне вслед еще сказал что-то про цвет моих соплей. Ну, не буду повторять — противно и обидно. У меня часто бывает насморк. Про ПТУ — он, может, и прав. Это профтехучилище, где на каменщиков, трактористов и слесарей учат.

Мама грозится мне часто:

— Не будешь хорошо в школе учиться, пойдешь в ПТУ на слесаря.

Слесарь в принципе — это хорошо. Я технику люблю. Что меня пугать?.. Хотя вот если бы офицером стать, это — да!

А за «соплю» я решил отомстить этому предводителю баранов. Обидно ведь… Но обиднее вот что: она — Звездная Звезда Ленка — так и не появилась на стадионе. Ведь волю и сердце я для нее тренирую, для Ленки. Чтоб ее покорить! Ленка мне очень нравится, аж до помутнения. Ну, она всем нравится. Понятно: стройная, красивая, синие глаза, вьющиеся волосы. Просто супер! Почему бы и не нравиться всем?

Звездная Звезда к тому же отличница. Завмаг, ее пахан, даже репетитора по английскому ей нанимает. А другие учителя и без того с ней возятся. Завмаг же незаменимый человек для школы. Мероприятия спонсирует, учителям подарки нехилые делает…

За Ленкой ухлестывают все пацаны школы. Ну, так мне кажется. По крайней мере, старшеклассники. Она даже на переменах отпочковывается от своих и тусуется с одиннадцатиклассниками. Там Ленка в кругу пацанов, кажется, покуривает. Ну, не буду наговаривать. А то получается — я стукач.

Кстати, про курево девчат завела речь на родительском собрании еще весной — под конец третьей четверти — тетя Галя. У нас в классе ее племянница Маришка учится:

— И сама курит, и наших девочек подбивает! — возмущалась бездетная мамина подруга по поводу Ленки.

— Ну, это не трагедия, — сказала наша классная Наталья Анатольевна. — Такая форма самоутверждения. С ее внешними данными это, конечно, излишество. Сигареты просто баловство — не более чем желание быстрее повзрослеть, привлечь внимание старших ребят.

Так наша классная Ленку оправдывала.

А я бежал себе и думал про Звездную Звезду. Расстроенный, что на стадионе ее нет, я с досады шуганул животных, которые лезли на стадион. Те — врассыпную. А дядька Мишка за это палкой в меня запустил. Конечно, не докинул))) Ха-ха!.. Я перемахнул через низенький ржавый заборчик и побежал к дому. Вот такая первая зарядка у меня получилась. Но все-таки взбодрился…

Мне показалось, что и сердце у меня как бы тверже стало, и воля железнее. Я Ленке это все равно продемонстрирую. Как? Подумаю. Пацану с мягким сердцем и слабой волей — нельзя. Девчата сразу крест поставят. Известно.

«Меню подростка» и прогорклые орехи для ума

Я, честно скажу, пытался и раньше в школе характер проявлять, потому что осторожно мечтал стать офицером. А военным характер твердый надо иметь! Но классная не поняла моих намерений. На родительском собрании выдала моей матери:

— Ваш Кирилл стал неуправляемым! Упрямый, грубый, раздражительный, — высказывала она. — Надо что-то делать!

— Да все они такие, — вступалась за меня мать рыжего Дениски, который, в общем-то, тоже балбес. — Переходный возраст, трудные подростки.

Она работает воспитательницей в детском доме и, наверное, знает, что говорит.

— Вы знаете, не надо обобщать, — строго повела головой в сторону Денискиной матери классная.— Я педагог со стажем, всякое было. Я понимаю, субъективные трудности, физиология и все такое… Кирилл такой худой, дерганый, всклокоченный, и потом… прыщами своими озабочен.

Хорошо, хоть она не сказала, что я заморыш.

— Кстати, ваш Денис тоже не подарок, — перешла классная на Дениса.— Возможно, родителям надо подумать о сбалансированном питании. Подойдете после собрания, я вам дам соответствующую информацию. Обратите внимание, что у нас район йододефицитный. Это отражается на умственных способностях. Элементарно орехи грецкие детям своим давайте…

Мать тогда спешила после родительского собрания в долбаный завмаговский офис — полы мыть. Сунула листок в сумочку и только поздно вечером вспомнила о нем. Это была ксерокопия «Меню подростка». Там завтрак, обед полноценный, ужин легкий и два перекуса: яйца, фрукты, орехи, сок, молоко, мясо, рыба, овощи, творог, кефир, снова мясо… Ну, ни фига себе! У меня аж слюнки потекли.

А мать сидела над этим драным листом и беззвучно плакала…

— Ма, не плачь, — сказал я и больше ничего не мог выдавить из себя.

— Ты уроки сделал, мучитель? — спросила она сквозь слезы.

Я не хотел окончательно расстраивать мать и, конечно же, соврал:

— Да сделал, сделал. Нам мало задавали…

Мама вдруг тихо, глядя мимо листка с «Меню подростка», запела старомодную, кажется, времен моего деда Кирилла песню:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься.
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься…

А у меня на уме почему-то закрутилась иная:

Девочки и мальчики,
дуры и обманщики….

Дурацкая, но прикольная песенка мешала думать: что мне предпринять, как раздобыть этот паразитский сыр, мясо, рыбу? Может, и правда, поумнею после орехов и сыра, начну хорошо учиться? Тут я еще озадачился: а что сама мать есть в обед на работе? Чай, бутерброд с маргарином? Ну, у нее в отделе такие фифы сидят — все на понтах. Там с маргарином лучше и не показывайся — запрезирают…

Пока я думал про сыр-мыр, у мамы зазвонил телефон. Через приоткрытую дверь из ее комнаты я слышал мамино:

— Какие орехи? Ты что, Галина! Неудобно… — Потом, спустя время: — Ну, пусть прибегает… Может, ее Кирилл встретит? Не надо? Ну, хорошо.

Я не понял, о чем речь, только догадался, что к нам кто-то прибежит. И мне не надо никого идти встречать. Ну, уже хорошо.

В нашу дверь постучались — звонок давно не работал. Это оказалась моя одноклассница Маришка — племянница всезнающей тети Гали.

— Вот орехи, против йододефицита, — с порога сообщила Маринка, зыркнула в мою сторону и убежала.

Я вскрыл гремучий пакет, и мне тут же захотелось избавиться от своего йододефицита, повысить интеллект и зарядить железом мою не очень железную волю.

Мама позвонила тете Гале, опять виновато извинялась и говорила «спасибо». Я в это время колол орехи при помощи двери — закладывал их между косяком и дверью — хрясть! Готово!

— Ты что ж творишь, бестолочь! — прикрикнула на меня мать. — Дверь и так расшаталась, а ты… Лучше б взял отвертку да подтянул петли.

— Мам, ну потом эти петли подтяну, — отмахнулся я.

Погрыз ядрышки, они мне показались горьковатыми. Мама тоже попробовала — орехи оказались старыми. Я съязвил:

— На тебе, боже, что мне негоже!

— Дареному коню в зубы не смотрят, — ответила мне в тон мама. — Надо свои иметь.

Она высыпала содержимое на газету. Там оказалось даже несколько проклюнувшихся ростков.

— Наверное, где-то в сырости орехи держали, — разочарованно сказала мама. — А давай их посадим, Кир?

— Да поздно уже… Спать охота.

— Как возле телевизора тупо до полуночи сидеть, так спать неохота, — с укоризной сказала мать и сама начала отбирать орехи, которые, на ее взгляд, можно было посадить.

Я напрягся и психанул — фигней среди ночи занимается матушка.

— Мам, ну давай завтра, что ли?..

Мать не ответила. Мне с великой неохотой пришлось присоединиться к ее дурацкой затее. Я смотрел на мать — она казалась мне одержимой! Мы с ней в ночи под фонарем набрали песка в соседнем дворе. Насыпали в ящик из-под рассады, натыкали орехов туда, присыпали и поставили на подоконник.

— Представь, Кир, если все орехи взойдут, это будет целая роща! — И добавила торжественно: — Роща Кирилла!

Название мне понравилось☺ Мы оба очень устали. Я рухнул на кровать и только успел представить эту рощу — на пустыре за нашим домом, сразу провалился в сон. А там, надо же, мы с Ленкой прохаживаемся. Ну, и Маринка тоже виднеется в конце аллеи — это же она принесла орехи. Фигня, конечно, мне представлялась, лирика какая-то кисельная. Я даже во сне это осознавал. И в том же сне я понимал: вот посадили мы с мамой орехи, почти до часу ночи не спали — значит, сила воли во мне укрепилась.

Хотя, конечно, она, сила воли, не шибко-то могла закалиться от одной посадки орехов. Потому я и хотел бегать на стадионе. Долго готовился и тут решил! И первой была злополучная пробежка с разгоном баранов… Ну, я рассказал об этом уже.

Физику прогулял — напоролся на Амбала: надо добыть сигареты

Короче, после пробежки и разгона баранов пришел я в школу. Конечно, опоздал, блин.

— Можно? — просунул голову в дверь.

— Этот в своем амплуа… — не оборачиваясь в мою сторону, сказала классная. Я просочился вдоль стены за свою парту. Естественно, моя парта — последняя.

Ленка проводила меня снисходительным взглядом и усмешкой. Или мне показалось? Ну, хорошо, хоть взглянула.

На перемене девчонки смеялись и ехидненько так смотрели в мою сторону.

— …А я вижу, он там своими макаронинами размахивает…

— Чем-чем?

— Макаронинами… Посмотри, у него руки-ноги, как макаронины, — громка рассказывает Ленка. — Макаронинами и так, и этак — за козами гоняется…

— За какими козами?

— Да там у нас один скотовод коз и баранов пасет возле стадиона.

— Ну и компашка! Ха-ха-ха!..

— Я увидела эту козлоферму и, естественно, не побежала на стадион. Стою за кустами, смотрю и ухохатываюсь. А он там — макаронинами скотину распугивает… Ха-ха-ха…

Короче, это Ленка про меня так прикольно рассказывала. Все ржали. Я бы тоже ржал, если бы не знал, что это про меня.

— Девочки, он же просто гадкий утенок, — вмешалась тихоня Маришка, середнячка и мышка. У нее и кликуха такая — Мышка. Это, кстати, племянница тети Гали, которая нам орехи дала.

— Ой, мышка, ты все еще сказки про гадкого утенка читаешь?!

— Как раз ей по возрасту…

— А ты почитай, там еще есть сказка про мышку-норушку…

Маришка умолкла, я — отдалился от Ленкиной стайки. Злился не на Ленку, а на Маришку — чего это она, мышка-норушка, вздумала меня защищать! Обойдусь без ее помощи…

Однако про макаронины и коз, хотя, вроде бы, правда и со стороны смешно, но обидно. Еще этот дядька Мишка со своим мелко-рогатым скотом, блин… Следующий урок какой? А… физика. Забыл про нее, да и учебника нет у меня. Кто-то стибрил или я сам посеял. Короче, в отместку за макаронины и коз я решил… прогулять следующий урок.

За школьной котельной кучковались старшеклассники, прогуливали уроки целой толпой.

— Эй, глист, иди сюда! — подозвал меня Амбал из 11-го класса.

Подхожу.

— Курить хочешь?

— Ну да, — признался честно.

Я, вообще-то, уже покуриваю, иногда приходится окурки подбирать.

— Тогда давай закурим. Сегодня курим твои, — сказал Амбал.

— У меня нету…

— Это твои проблемы, — лениво сквозь зубы процедил Амбал.

Я молчал, весь сжался. Но страха показывать не хотел.

— Значит, так, заморыш, иди и раздобудь курева.

— А где я его возьму? — спросил, не обращая внимания на обидное погонялово. Заморыш — это как будто не про меня.

— Ты что-то напутал, — так же медленно процедил Амбал. — Я говорю, раздобудь курева… А где — это твои проблемы.

Амбал — это, кстати, сын Вали, матери-одиночки, на которой хотели женить моего отца. Мелькнула мысль сказать Амбалу, что мы почти братья, но потом мне аж самому противно стало. Я понял, что сегодня не мой день. С утра — «макаронины», сейчас — «глист», «заморыш»... Лучше б на физике остался, слушал бы про закон Джоуля, как его там, Ленца. Или что мы сейчас проходим? Но делать нечего, стал соображать, как смыться из этой компании.

— Ну, я пошел…

— Куда?

— Сигареты добывать…

— Если смоешься, тебе трындец, — процедил Амбал.

— Давай я с ним, — вызвался из компании Хлюст. Это младший брат Амбала. — Посмотрю, как он будет добывать курево.

— Ну, смотри, смотрящий, — дал добро Амбал брату.

Я пытался соображать, как быть. Где брать сигареты? И вообще, как сделать так, чтобы Амбал отвязался?

— Время пошло, — процедил Амбал.

— Ты что загрузился? Бабок нет, что ли? — это смотрящий за мной Хлюст дал о себе знать.

— Ну нет, конечно… Откуда у меня деньги? — огрызнулся я зло.

Хлюст хоть и старше меня года на два, но даже я, заморыш, с ним справлюсь. Тот смеялся, скалил прокуренные зубы. Врезать ему промеж глаз, что ли? Я посмотрел на него со злостью. Мысленно отследил полет моего кулака — прямо в челюсть! Но… не решился. Брат же Амбала…

— Ладно, ты не кипешуй, — примирительно сказал Хлюст. — Могу подсказать, где взять сигареты.

— Где?

— Сейчас в «Гипермаркете» будут товар разгружать, подойди, попросись помочь. Там грузчик Сергей. Он мужик с понятиями, хотя и бухарик.

— Не, я в «Гипермаркет» не могу…

— Что, слабо?

— Там у них в офисе матушка моя подрабатывает. Продавщицы увидят, донесут ей…

— Не увидят, мы со двора зайдем. Я знаю, в какое время машины с товаром приезжают.

Мы, как и обещал Хлюст, зашли в «Гипермаркет» со двора. Дядька Сергей сидел, откинувшись, на каких-то ящиках, курил.

— Кажется, бухой, — говорит Хлюст. — Если бухой, это хорошо. Он не любит работать, когда вмажет. Дядь Сергей, я тебе помощника привел.

Грузчик смотрит на меня оценивающе:

— Ты что такого чахлого мне притащил? Он же батон колбасы не поднимет.

Хлюст одобрительно засмеялся вместе с дядькой Сергеем:

— А ему колбасы не надо, ему пачку сигарет, — в тон продолжил Хлюст.

Разговор про колбасу был лишним. Мне и так жрать хотелось, а сейчас аж голова закружилась и затошнило.

Но тут грузчик яростно задергал бровями, замахал ластами:

— Брысь отсюда, Завмаг идет…

Хлюст метнулся за ящики, а я не успел.

— Что здесь делает этот заморыш? — спросил у грузчика хозяин магазина, он же — отец Ленки Артем Артемович. — Э-э-э… Стоп, ты кто? Из Ленкиного класса, что ли? — обратился ко мне.

— Да он, это самое… — хотел внести ясность грузчик Сергей.

— Помолчи, да? Опять с утра набухался? Я тебя обещал выгнать с работы?

— Обещал, — согласился грузчик. — Но я этих заморышей сюда не звал.

— С тобой разберусь завтра. Штраф обеспечен. Иди машину разгружай.

Грузчик поспешил смыться с глаз долой, а я остался.

Завмаг дал 100 рэ — я вместо сигарет купил… сосиски

Зажатый между ящиками, я скукожился под взглядом хозяина магазина. Тучный Завмаг навис надо мной, реально, как туча!

Потом он отстранился, как-то склонил голову, рассматривая меня.

— Так ты с моей Ленкой учишься, — присмотрелся: — Костин сын, что ли?

— Ну да, сын я его… С дочкой вашей в одном классе…

— Как он там, батя твой? Мы тоже с ним одноклассники.

— Отец нормально, — соврал я. У бати, кажется, было что-то опять ненормально. Потому что он уже несколько месяцев молчал. То хоть иногда звонил или в «Одноклассниках» писал, сейчас совсем умолк.

— Он классный спец, на все руки мастер, — сказал Артем Артемович. — Мне «мерина» ремонтировал, никто не брался, а он ремонтировал. Без диагностики.

Мне было приятно, что тучный Завмаг так уважительно говорил об отце. «Мерин» — это, между прочим, «мерседес», а не какой-нибудь «жигуленок». А то все говорят о нем — об отце моем: неудачник, размазня. Мама, правда, всегда уходила от таких разговоров. Наверное, все-таки она его, моего батю, любила. Я так думаю. Ну, или жалела…

— У тебя, что, проблемы? — спросил тучный Завмаг.

— Нет.

А Завмаг как будто не расслышал:

— С Амбалом, что ли?

— Нет никаких проблем…

— Ты мне тут не втирай мозги. Раз Хлюст привел тебя, значит, от Амбала…

Я промолчал, понял, что Завмаг меня раскусил.

— Цена вопроса? — спросил он.

Я сначала не врубился, о чем это он.

— Что Амбал с тебя хочет?

— С меня — ничего…

— Ну да. Рассказывай мне. Наверное, дань собирает сигаретами или за «лирикой» послал? Честно говори!

Ни фига себе, Завмаг все знает, даже — про таблетки «лирика».

— Честно? За сигаретами, — признался я.

— Ну, это еще куда ни шло… На, держи. — Он сунул мне в карман сторублевку и легонько подтолкнул к выходу: — Дуй в школу!

Я рванул от Завмага прочь, даже «спасибо» забыл сказать.

Проблема, кажется, решена: куплю сигареты в ларьке за углом и отдам Амбалу.

Но в школу мне идти не хотелось. Скинул эсэмэску рыжему Дениске: «Забери мой портфель».

В ларьке хотел купить сигарет для Амбала. Тетка оказалась злая:

— Тебе нет 18 лет!

— Я не себе…

— А кому?

— Отцу…

— Брешешь! Что, менты подослали проверить, продаю ли малолеткам сигареты? Меня не проведешь!

Я угас и завис над витриной… Вспомнил «меню подростка», которое наша классная передала матери: «сыр-мыр», «мясы-колбасы». Сильно хотелось жрать…

— Тогда сосисок дайте… Самых дешевых, для кошки.

— Знаем, для какой кошки, — хмыкнула продавщица.

На 100 рэ получилось прилично. Выскочил из ларька, за угол и давай терзать сосиски в целлофане. Эта клеенка не шибко поддавалась, но я справился. Наелся от пуза! Больше половины еще осталось. Мысль пришла про мамины бутерброды с маргарином.

Вскочил в маршрутку, которая до конторы ПТО ходит. Сидел, трясся на заднем сидении. Вдруг сообразил: расплачиваться нечем: ё-моё! При выходе я попытался прошмыгнуть мимо водителя, не заплатив.

— Э-э-э!. Ты куда, прохвост? — водитель захлопнул дверь перед носом. — А платить кто будет?

— Дома деньги забыл, — пролепетал я и вдруг, сам неожиданно для себя, распахиваю пакет с сосисками: — Вот только это есть.

— Ты что, придурок, офигел? — маршрутчик от сосисок опешил. — Ты за кого меня держишь? Оборзела пацанва…

— Я за него заплачу, — сказала какая-то тетка, которой тоже надо было выходить из маршрутки. — Может, он детдомовский, — и сунула водителю десятку.

Дверь распахнулась.

— Ты и вправду детдомовский? — спросила тетка, знакомая на лицо, — из нашего поселка.

— Нет, — огрызнулся я и рванул прочь.

Детдомовским обозвала… Ну, сегодня вообще меня с ног до головы облажали: то макаронина, то заморыш, то глист. Теперь — детдомовский.

Короче, заскочил в мамкину контору. Офис называется. Как раз обед. Все разбрелись. Одна очень взрослая тетка пирожок с чаем наяривала. Мама за своим столом — просто чай. Без ничего.

— Мам, привет!

— О… сынок? Ты что здесь? Почему не в школе? Что случилось?

— Да ничего не случилось. Учительница заболела, — соврал я как обычно.

— А зачем пришел?

— Мам, на! — протянул пакет с сосисками. — Вот, тебе принес…

— Это что?

— Сосиски, — почему-то прошептал я.

Маманя моя сразу не врубилась.

— Нет, это что? Откуда?

— Сынок на обед маме принес, — вмешивается толстая тетка, ее коллега.

Мама вдруг заплакала:

— Ты что меня позоришь!

— Мам, я хотел как лучше…

— О, такими сосисками я котят кормлю, — вставила свои пять копеек очень взрослая тетка.

Мама совсем психанула и выскочила из кабинета. Я — за ней. Но сосиски не забыл.

…Потом я видел: очень взрослая тетка с пирожками из окна за нами наблюдала. А мы с мамой в беседке во дворе конторы сидели. Я ей честно все рассказал по Завмага, про сосиски, даже про «мерина», который батя ремонтировал. Про Амбала — не стал, зачем мать еще больше расстраивать?

Потом мы ели сосиски, мама улыбалась. Гладила меня по голове:

— Кормилец мой! Моя надежда!..

Мне было неудобняк, я высвободился из-под ее руки:

— Ну ладно, мам, что я, маленький?

Действительно, я не маленький, и реально мне пора становиться кормильцем. Надо с Завмагом поговорить, может, он что-то предложит. Вот если бы вместо грузчика Сергея! Я, допустим, заморыш, макаронина и все такое. Но на самом деле я хоть худой, но жилистый. Как батя! Я смогу!

В это время я старался не думать об Амбале. Но мысли о нем все равно одолевали: как я с ним буду рассчитываться, как сигареты ему подгоню? Да, все-таки придется к Завмагу идти, просить какую-нибудь работу. Вот если бы отец Артему Артемовичу позвонил, попросил бы за меня… Или хотя бы просто мне позвонил. Если б я работал, у меня бы сила воли укрепилась, характер тверже стал — бойцовским был бы. Ну и деньги имелись бы…

На лестнице без перил, как… после первого моего пьянства

На следующий день я должен был встать рано. Надо бегать, тренироваться, силу воли закалять и все такое… Как мучительно я вставал! Потому что с вечера долго не мог заснуть. Мама вечером передвигала на подоконнике ящик с посаженными орехами, что-то там подсыпала типа удобрений. Я уже остыл от идеи про «рощу Кирилла» или хотя бы аллею. Орехи почему-то не прорастали, а мама все с ними возилась. Потом начала греметь посудой. Опять, наверное, ненавистный суп с макаронами собралась варить.

Ленку кудрявую вспомнил — Звездную Звезду. Точнее, я ее никогда не забывал. Но сейчас про макаронины вспомнил, как она обозвала мои конечности. Ну, ладно, посмотрим еще. Я встал, пошел на кухню. Это меня гнал пищевой рефлекс — даже на макароны.

— Мам, ты что тут изобретаешь?

— Да уж изобретаю… — Она вздрогнула от неожиданности и поспешила свернуть листок с ксерокопией «Меню подростка». А на тарелке красовалось что-то аппетитное, похожее на пиццу. В основе — «кошачьи» сосиски, которые мы не доели.

— Дай попробовать, — не выдержал я и тут же разозлился на себя: что-то много думаю о жратве.

— На ночь есть вредно, — с улыбкой предупредила мама.

— И не есть тоже вредно, — попытался сострить я, оправдывая свою прожорливость. — Вкусно!

Уплел практически всю пиццу и ушел спать. Долго думал об отце: а что он там ест? Наверно, все всухомятку да пивом запивает. У него же так и остался дефицит веса. Желудок больной, а он все всухомятку. И еще пиво, блин!..

Честно скажу, я и сам уже пробовал выпивать. Пацаны пиво предложили, я не отказался. Да и неудобняк — что я, совсем лох? Конечно, прикольно, весело становится, уроки — пофиг, Ленкино пренебрежение — пофиг, все — пофиг! Мама, когда учуяла запах пива, устроила скандал.

— Ты что творишь, паразит! У тебя наследственность, знаешь, какая?

— Она у меня нормальная, — пытался я успокоить мать. — Да я даже ничего не почувствовал. Ни в одном глазу…

— Сейчас ты у меня почувствуешь! — она начала колотить меня кулаками по спине, я быстро увернулся. Мама заплакала: — Ты понимаешь, что можешь стать алкашом? Понимаешь, что жизнь исковеркаешь и себе, и мне? Тебе мало примера отца и деда?

— Они не алкаши, — попробовал я вступиться за них.

— А ты — станешь, ты еще ребенок! Ты еще… — Мама в бессилии упала на диван и заплакала навзрыд. Вот такие воспоминания о моем первом «пьянстве».

Я и сам понимал, что это может плохо кончиться. У бати-то проблемы из-за этого. Вот если бы он не пил, если бы мы жили все вместе — отец, мать, я… Нормально бы питались. Мама вон из ничего может готовить всякую вкуснятину. Да и пива отец тогда столько бы не пил. Вместе жить лучше. А что, бывает, сначала родители расходятся, а потом сходятся…

На сытый желудок приснился мне отец. Как будто мы у него на даче, которую он собственноручно строил из бруса. Какая-то деревенька под Пермью, кажется, Мошни. Ну, правда, это не дача, а простой кусок земли и домик, но с мансардой. Я эту дачу видел на фотке, которую отец выставил в «Одноклассниках». Реально лестница, конечно, внутри помещения. Но мне она снилась почему-то снаружи и без перил. Вела лестница на балкончик. Во сне же отец на токарном станке вытачивал деревянные балясины для лестничных перил. Батя ж у меня мастер на все руки. Лестница крутая, я по ней взбираюсь, а отец говорит:

— Подожди, Кирилл, я установлю перила, а то свалишься.

— Не свалюсь, пап! Я хоть и худой, но жилистый, как ты. И ловкий! Так и сказал ему во сне: «ловкий». Даже как-то неудобно стало, что хвастаюсь. В жизни, понятно, я вовсе не ловкий, а неуклюжий. Но во сне сноровисто взбирался по лестнице к кудрявой Ленке. Она вроде как бы на балконе, вся из себя такая… Я обернулся, глянул вниз, а там отец с мамой обнялись и оба улыбаются. А рядом как бы я стою — маленький. Откуда я взялся? Я же на лестнице без перил… А Ленка смотрела на всех нас свысока — во сне, понятно.

Тут зазвенел будильник и как бы спугнул всех — отца, маму, Ленку. Они улетучились, а я снова провалился в сон. За эти десять минут мне снова успела присниться та же лестница. Она вела на тот же балкон, но там уже стояла Маришка. Я даже во сне осознал, что большее ее не называю мышкой. Она паниковала, умоляла:

— Кир, осторожно, прошу тебя…

— Да все нормально! — успокаивал я, а самому — страшновато.

Маришка уцепилась за дверной косяк, прижимаясь к стене, протягивала мне руку.

— Еще немножко, держись, Кир!

А меня какая-то неведомая сила тянула к краю лестницы. Я вовсе не хотел красоваться перед Маришкой. С другой стороны, жаль, Ленка не видела меня, хотя бы во сне. Голова кружилась, как от пива. Вдруг какой-то звук взорвал пространство сна, я сорвался с лестницы и…

Это надрывался противный будильник. Мама уже ушла на подработку — полы мыть. Я все-таки решил бежать на стадион. «Посмотрим, у кого макаронины», — подумал я решительно, разочарованный поведением Ленки, как во сне, так и по жизни. Вперед, на стадион, закаляться! Хотя там, на стадионе, скорее всего, этот зоотехник дядька Мишка с баранами, а Ленки нет… Ну и фиг с ним, если он со своей отарой, я побегаю по пустырю за домами. А что? Кросс по пересеченной местности — нормально.

Я побежал трусцой, огибая лужи, пытался думать: к чему этот сон с лестницей без перил? Если бы сегодня нормальный сон мне приснился — с подсказкой, где взять деньги, другое дело. А то всякая непонятная лабуда снилась: лестница без перил, Ленка на пьедестале, Маришка руку помощи протягивает... Хотя, опять же, мама с батей вместе приснились. Это, по ходу, нормально.

На мойку не воткнулся, еще и грузчика из-за меня уволили. Блин!..

Короче, побежал я трусцой. Напротив «Гипермаркета» шипела и фыркала, как ужаленная, автомойка. Даже в такую рань здесь уже пара машин — проезжие, судя по номерам. Местные стараются сами мыть свои колымаги. Я подумал: может, на мойку податься? Решил сразу зайти и спросить.

В кабинке администратора сидела… та тетка, которая в маршрутке заплатила за меня. У-п-с... Она, кажется, матушка Амбала и Хлюста. Этого еще не хватало. Я хотел было повернуть назад — на стадион.

Но тетка меня заметила:

— О, старый знакомец… Ты чего?

— Это самое, — замялся я. — А хозяина как найти?

— Придумал… В такую рань его здесь не бывает. Только вечером появляется — деньги забирает. А тебе он зачем?

— Вообще, хотел на работу…

— Ты? Тебе-то лет сколько?

— Четырнадцать…

— О… Шибко малой еще, дите, считай, — измерила меня тетка взглядом. — Нам тут самим нечего делать. Вот скоро погода установится, грязь сойдет, машин меньше станет, нас половину разгонит, — с досадой сказала она. — Наверное, с меня и начнут. Вон, видишь, девки — молодые да здоровые... А сидят без дела.

Я глянул в сторону девок, гнездившихся на длинной скамье возле мойки в ожидании машин. Все такие фигуристые, заразы, но некрасивые и курящие.

— Так ты все-таки детдомовский или нет?

— Нет, у меня родители есть.

— Я так и поняла… Детдомовские только попрошайничают возле магазина или мойки. А в школу что не идешь?

— У нас первого урока нет, — соврал я и понял, что в школу сегодня действительно не пойду. Но надо домой вернуться, переодеться и взять портфель, чтобы мама не заподозрила. — Ладно, я вечером зайду…

— Так ты его, хозяина-то, можешь в «Гипермаркете» найти. Завмага знаешь?

— У-п-с… А что, это его мойка?

— Ну да, скупает все вокруг потихоньку…

Это меняло дело. Я решил пойти в «Гипермаркет» к Завмагу. Он же одноклассник батин, хорошо о нем отзывался. Вчера сто рэ дал, чтоб я отмазался от Амбала. А я сосисок купил. Плохо, что он Ленкин отец. Не по кайфу както… Воспоминания про Амбала совсем на меня нагнали тоску. Я нырнул через приоткрытые задние ворота в складские помещения «Гипермаркета». Грузчик Сергей медленно перегружал с поддона на тележку коробки.

— Здрасьте, дядь Сергей, давайте я вам помогу! — Не дожидаясь ответа от мрачного грузчика, я схватился за коробку.

Фу, блин, и здесь макароны. Плохая примета, а что делать…

— Ну-ну… — одобрил мой пыл дядька Сергей. Сам распрямился, руки в боки, и оценивающе смотрел на мою работу. Я старался изо всех сил — хоть и чахлый кесаренок я, но гиперактивный. Именно так закаляется воля, мысленно подбадривал я себя. С макаронами расправился быстро. Дядька Сергей потащил тележку в торговый зал. Я, уставший, присел на какие-то коробки, прикрыл глаза — голова кружилась.

— Ты, вижу, можешь упираться. — Я с трудом поднял веки, надо мной тучей навис Завмаг. — Но кто тебе разрешил заходить на склад?

— Я вас искал, — мне пришлось невольно встать. — Ну, и заодно решил помочь дядь Сергею.

— Ему уже никто не поможет…

Я молчал и понимал, что у грузчика, моего «работодателя», будут проблемы.

— Вы его из-за меня выгоните? — выдавил я из себя. — Не надо, пусть работает…

— Ну, защитничек нашелся. Ты свои проблемы не можешь решить, а еще за кого-то хочешь вписаться. Он мужик взрослый, пусть сам за себя отвечает.

Завмаг изучал меня тяжелым взглядом. Я даже невольно втянул голову в плечи.

— Ты что, думаешь, он заценит, что за него, взрослого мужика, вписался малолетка?

— Нет, наверно, — неуверенно ответил я.

— То-то же… А ты, вообще, почему не в школе? Что, опять первого урока нет?

— С чего вы взяли?

— Так ты ж моему бабью с автомойки лапшу на уши с утра навешал. — Я не успел подумать о предательстве тетки-администраторши, как Завмаг еще огорошил: — А ты с Амбалом решил проблему?

Артемович, хоть он и говорил, что мой отец нормальный мужик и его одноклассник, мне совсем разонравился. На фиг я на склад пришел? Надо быстрее отсюда валить…

— Так почему не в школе? Как тебя… Кирюха?

— Кирилл, — с некоторым вызовом ответил я.

— О как! Кирилл Константинович, значит, — передразнил меня Завмаг. — Только давай, рассказывай по-чесноку.

— Если по-чесноку… — замялся я, готовый выложить Завмагу все свои проблемы: и про безденежье, и про невыученные уроки, и про Амбала, и даже про равнодушную его дочку Ленку. — Если по-чесноку, то это мои про-

блемы, — угрюмо сказал я, помня мамину присказку: «Кому нужны чужие трудности».

— Ты не изображай из себя крутыша, — хмыкнул Завмаг. — Знаю я твои проблемы — и про Амбала, и про Ленку мою. Но это разве проблемы… — И сразу без паузы: — Костя, отец-то твой, как?

— Нормально… постоянно звонит мне, деньги присылает, приглашает на каникулы приехать на Урал. — Я это так торопливо и убедительно выпалил, что аж сам поверил.

— Не трынди старшим, — лениво сказал Завмаг. — Номер телефона его дай мне.

— Зачем?

— Хочу рассказать ему, какой ты раздолбай…

— Я не раздолбай, — огрызнулся я и хотел было, уклоняясь от тучного Завмага, выскочить между ящиками и сквозануть со склада.

— Да не дергайся ты, — успокоил меня Завмаг. — Хочу станцию техобслуживания вместо мойки открывать. Костя, батя твой, нормально рубит в машинах…

— Он сюда, в этот колхоз, не вернется, — вступился я за отца.

— Ты-то откуда знаешь? Думаешь, там он мед, да еще ложкой, хлебает? Рассказывай мне басни. Мы везде чужаки, как только из поселка выедешь. Везде туземцы, хоть белобрысые, хоть рыжие, хоть черные…

Наверное, Завмаг был прав. Я дал ему телефон отца и уже представил, как батя мой, худой, но жилистый, орудует каким-то хитроумным ключом во внутренностях завмаговского «мерседеса», а все мужики вокруг столпились и говорят: «Ну, Костя дает! Мы, блин, неделю мудохались, а он за час «фашиста» починил».

Честно говоря, я давно отцу не звонил, на телефоне нет денег. И он не звонит. Наверное, тоже нет денег.

Блин, опять про эти бабки… Что-то у меня утро какое-то неудачное. И на мойку не воткнулся, и Завмаг на складе поймал, и дядьку Сергея из-за меня выгоняют с работы ☹

Завмаг сообщил: мой отец… в реанимации

— Да, с Костей, с отцом твоим, мы в школе дружили, — задумчиво сказал Завмаг. — Ну, как дружили?.. Толстяк и тощак — так нас обзывали. Я, сам понимаешь, толстяк, Костя, значит, тощак. Обидно… Доставалось нам в классе. И ты знаешь, от кого больше всего?

— Нет, не знаю, — пожал я плечами. — Откуда мне знать.

— Батя твой, значит, не рассказывал. Ну да, когда бы он тебе мог рассказать… От Сергея, грузчика моего. Здоровый как бык был. Обидно, да?

— И теперь вы его выгоняете за это? — Я испытывал непонятные чувства: с одной стороны, грузчика, считай, из-за меня уволили, с другой, как оказалось, он батю моего в школе доставал.

— Да нет, не из-за этого уволил. Пьет он. А с пьяного какой спрос? Как уволил, так и приму. Для Сергея встряска нужна, тогда он бросает пить. Это уже не первый раз.

— А за что он на вас с отцом наезжал?

— А за что на тебя Амбал наезжает? Закон жизни, Кирилл Константинович. У сильного всегда бессильный виноват — как в басне Крылова.

— Неправильный закон, звериный, — с обидой за отца, за себя, ну и за Завмага, который был в школе толстяком, сказал я.

— Этот закон не отменить, нравится он или не нравится. Но жизнь в конце концов все расставляет по местам. — Он обвел каким-то театральным жестом свои владения. — Вот так! Ну, батю твоего мы вытащим. Он мастер-золотые руки.

— Да! Золотые руки! — с гордостью сказал я.

— Вот сейчас прямо мы и позвоним ему. Есть, Кирилл, еще один закон жизни — хороший: решил — сразу действуй. Давай номер батиного телефона.

Артем Артемович извлек из кармана такой крутой сенсорный телефон — целую лопату! У меня аж дух захватило. Я невольно нырнул к себе в карман и ощупал свою кнопочную древнюю «нокию», похожую на обмылок. Не стал вытаскивать, чтобы уточнить номер телефона отца. Надиктовал на память.

Завмаг позвонил моему бате:

— У нас с Уралом два часа разница, самое время, — сказал как бы мне Артем Артемович. — Але… але… Это кто? Фу ты, черт… Не туда попал! Ты что за телефон подсунул? — буркнул Завмаг.

Я вытащил все же свой обмылок, убедился: номер надиктовал правильно.

— Это отца телефон, отвечаю, — я повторил снова батин номер.

— Але… Это телефон Кости?

На том конце, кажется, ответили «да».

— А мне нужен он сам… Как его услышать? — в трубку что-то долго говорили, я, естественно, не слышал, но лицо хмурого завмага становилось просто мрачным. — А Костин телефон у вас как оказался? — И через паузу: — Вы жена его новая? — Завмаг озадачился. — Где он сейчас находится? В реанимации? А что с ним случилось?

— Кто в реанимации? — схватил я Завмага за рукав, но уже сам понимал, что с отцом что-то произошло.

— Батя твой в реанимации… В аварию влетел. Так что, Кирилл, держись…

Я выскочил из склада и помчался куда глаза глядят. Потом понял, что бегу домой. В голове пульсировало: «Что же делать?.. Что же делать?..»

Мама была уже дома и собиралась на работу.

— Мам, папа в аварию попал! В реанимации лежит… — выпалил я.

Мать оцепенела.

— Как, попал в аварию? Ты откуда знаешь?

Я сбивчиво рассказал, что ему звонил Завмаг, а с его телефона ответил кто-то другой (я не стал говорить, что это была батина новая жена).

— Что же делать, что делать?.. — мама растерялась.

— Надо ехать, — выпалил я.

— Куда, к кому? Сынок, это, считай, на край света! Да и семья у него другая… А у меня — работа…

— При чем тут другая семья, мама? — я вроде даже прикрикнул на нее. — Я его семья!

— Так! Успокойся, Кирилл, — мать, кажется, приходила в себя. — Это тебе не на рынок в райцентр съездить — сел на маршрутку и через полчаса на месте. Три тысячи километров — к лешему на кулички! Где денег взять на поездку? И кто поедет? Я?.. Ты?..

Мама задала слишком много вопросов, и все — сразу. У меня не было на них ответов, кроме одного: кто поедет? Конечно, я! У меня и паспорт есть, билет спокойно можно купить на поезд… Только вот за какие шиши?

Мать между тем торопилась на работу, а мне надо было в школу. Хотя, какая школа? Я даже не знаю, какие сегодня уроки. Да и Амбал там с Хлюстом… Блин, что делать?

— Быстрее шевелись, Кирилл! В школу опоздаешь! — Мать это сказала по инерции, догадываясь, что в школу я не пойду. — Вечером что-то придумаем. Попробую с работы дозвониться до больницы.

Я не могу ждать вечера, надо действовать сейчас. Ехать зайцем на поезде? Нереально. На первой же станции менты выцепят. Автостопом? В принципе, можно… Но все равно хоть каких-то денег на дорогу надо наскрести. Грабануть банк? Смешно… Попросить у Завмага? Ну, он может дать на упаковку сосисок для кисок — типа спонсор. А на дорогу?... Короче, полный трындец ☹

Нет, конечно, если бы все представить, как в кино в стиле фэнтези, то — да, захватывающее путешествие могло бы случиться. А в реале?

Глава III

В поисках денег: мои «авгиевы конюшни» — реальные

С этими мыслями я вышел на улицу. Мимо меня со стадиона в сторону частного сектора зоотехник дядька Мишка гнал на пустырь свое небольшое стадо: овцы, козы. Наш дом — семейное общежитие, где мы живем с мамой, находится рядом с частниками.

И тут пришла мысль: а что если зоотехнику предложить свою помощь по хозяйству? Раздумывать было некогда. Я вспомнил слова Завмага: решил — действуй! И я решил действовать. Мы поравнялись с зоотехником. Он заметно прихрамывал и опирался на корявую палку.

— Здрасьте, дядь Миш. А что у вас с ногой? — Мне показалось, что я это сказал заискивающе, мне стало противно, я ощутил себя бесхарактерным заморышем.

Зоотехник, не ответив на мое «здрасьте», удивленно посмотрел на меня:

— Ну, подвернул я ногу, а тебе-то что?

— Дядь Миш, а вам по хозяйству помощь нужна? — выпалил я, подавляя в себе всякие дрянные чувства и напрягая свою «стеснительную» волю. Своим вопросом я зоотехника явно озадачил.

— А с чего это ты вдруг захотел мне помогать по хозяйству?

— Ну, вы же ногу вывихнули, а я бы мог что-то делать. Мне деньги очень нужны, — честно и прямо сказал я.

— Всем они нужны, — дядька Мишка что-то соображал, на его небритой и хмурой физиономии этот процесс явно отображался. Он не стал спрашивать, как все взрослые, про школу: почему, мол, пропускаешь? Сказал, как бы обрадовавшись и с вызовом:

— А есть у меня для тебя работа! Ты, вообще, вилы в руках держал когда-нибудь? А то вы, общежитские, как городские — к колхозному труду не приучены. Вы все в телевизор да компьютер пялитесь, работать не хотите…

— Конечно, держал! У меня дед Кирилл скотником на колхозной ферме работал, — я вспомнил деда, которого давно нет в живых и которого я при

жизни не знал. Понятно, что он не мог научить меня работать вилами. Но для зоотехника это был аргумент.

— Дед Кирилл? Ну да, помню такого! Пахал, как трактор, но и бухал… — Дядька Мишка, давший такую характеристику моему покойному деду, присмотрелся ко мне повнимательнее, как будто хотел увидеть дедовские гены. — Короче, так… Надо будет убрать навоз из сарая. За зиму накопился… А то я, видишь, ногу подвихнул, не могу пока сам.

— Хорошо, — согласился я с радостью, не рискнув при этом спросить: сколько заработаю. Для начала надо получить работу. Дядька Мишка доковылял до своего дома с тыльной стороны, я — следом. Мы отправили животных в загон. Энтузиазм мой исчез, когда зоотехник завел меня в низенький сарай, где он держал овец и коз.

— Короче, надо все почистить и навоз вывезти в конец огорода, — сказал дядька Мишка. — Вот тачка, вот вилы.

— Ну, блин, авгиевы конюшни, — невольно вырвалось у меня, как только представил, сколько навоза надо перевезти.

Про конюшни я припомнил из мультика о подвигах Геракла. Интересно, а в тех древнегреческих конюшнях такой же позорный запах был? Зоотехник не дал мне додумать:

— Ты, пацан, меньше базарь. Хочешь заработать, давай вкалывай, нет — свободен.

Я воткнул вилы в спрессованный слой навоза. М-да… Полный отстой. Мама говорит, что труд еще ни одного ребенка не испортил. Но дерьмо нюхать, ну, блин… Нагрузил одноколесную тачку. Повез в конец огорода. Меня кидало из стороны в сторону, еле удержал этот «агрегат», чтобы не опрокинуть.

За мной равнодушно наблюдал огромный лохматый пес, сидевший на цепи у калитки. Мне, честно сказать, боязно было проходить мимо этой псины.

— Он в тебе своего признал, — успокоил меня дядька Мишка. — Да и вообще, он детей не трогает.

Я внутренне запротестовал против того, что меня за дитё признает даже пес. Однако продолжил возить навоз — управлять тачкой приловчился, да и принюхался.

Зоотехник расположился рядом под навесом. Вынимал щипцами из старых досок гвозди и ровнял их на маленькой наковальне. Конечно, лучше бы я это делал. Но…

— Что, мамка-то твоя еще в ПТУ работает? — спросил зоотехник.

— В ПТО — производственно-технический отдел, — с нескрываемой обидой за мать сказал я.

— Ну, в ПТО… Какая разница, — хмыкнул скотовод. — Скоро их будут сокращать. Мне один знакомый говорил. Он какого-то начальника из райсовета возит, или как там теперь — из администрации. Развелось их, всяких шишек и шишечек, в компьютерах сидят, работать не работают.

Мне не хотелось с этим скотоводом спорить, у меня от усталости реально подкашивались ноги. Но что этот скотовод имеет против моей матери?

— Мать не сократят, она незаменимый специалист, — устало сказал я. — На ней висят и техусловия, и информационное обеспечение…

— Незаменимых нет, есть незамененные, — сказал дядька Мишка что-то заумное. — Я вот тоже на колхозной ферме работал зоотехником незаменимым. А потом этот сраный Трофимович разорил хозяйство, всех коров под

нож пустили, а меня — на четыре стороны. А я, между прочим, сельхозтехникум на «отлично» закончил. Начинал работать на ферме с твоим дедом. Он — скотником, я — зоотехником…

— Ну, да вы говорили. Дед как трактор пахал.

— А то! Нормальный был мужик, трудяга. Точно, пахал как трактор, не то что ты… — Он оценивающе окинул меня взглядом. — Правда, на стакане сидел… А Трофимович долбаный загнал деда твоего в гроб.

Я, конечно, помнил по рассказам старших про деда Кирилла, про мамину свадьбу, про долги, про угнанных телочек с колхозной МТФ.

— А ты говоришь — незаменимые… — Зоотехник снова взялся за молоток и продолжил ровнять кривые гвозди.

Усталость валила меня с ног, не хотелось ни говорить, ни слушать. Я снова ощутил себя заморышем. Может, это от йододефицита? Я вспомнил про «Меню подростка» и с тоской подумал, что никогда не смогу стать офицером.

Амбал грозился меня «посадить на счетчик»

Внезапно дядька Мишка остановил свое нехитрое занятие, взял в горсть кривых гвоздей и важно изрек:

— Уволят, не уволят мамку твою — это как судьба сложится… Вот возьми гвоздь. На сучок попадет и пошел вкривь и вкось. — Он продемонстрировал мне толстый кривой гвоздь. С каким он важным видом это сделал!

— При чем тут судьба? Мать незаменимый специалист, — повторял я свое.

— А вдруг какой-нибудь криворукий плотник молотком по шляпке сдуру не так ударит? Вот судьба и наперекосяк…

Когда дядька Мишка заговорил про судьбу, она мне вновь представилась старой каргой с когтистым указующим перстом, а не кривым гвоздем. Это у бывшего зоотехника судьба — гвоздь под молотком. А моя, блин, карга когтистая. Вот, негодяйка, на навозную кучу меня закинула. Ух, как работать неохота, но надо! На какие же шиши до бати добираться аж на Урал? Тут из детства возникла лужа безденежья — не переплыть. Но преодолевать надо — силу воли закалять, характер ковать!

Я устал по-черному, руки онемели, ноги не хотели двигаться, ныла спина — реально ощущал себя заморышем. Куда делать моя врожденная гиперактивность? В душе у меня зашевелилась ненавидеть к зоотехнику. Вроде мужик он нормальный, с дедом моим работал, хвалил его, мол, пахал как трактор. За это я простил скотоводу вчерашнее — и что палкой в меня запустил, и что обозвал соплей. Но усталость возбуждала злость на дядьку Мишку. Чертов эксплуататор детского труда!

— Все! Больше не могу, — выдохнул я чуть ли не со всхлипом.

— А надо через «не могу». В жизни все делается через «не могу», если чего-то хочешь добиться, — назидательно сказал скотовод. — Ладно, давай перекусим.

Он расстелил на ящике газету, налил в кружку козьего молока и отрезал ломоть хлеба. Я вспомнил из детства, что козье молоко горькое, но целебное. Ладно, может, один хлеб буду есть.

— Иди руки помой. Возле колодца умывальник, — сказал дядька Мишка.

Я с брезгливостью отдраивал свои руки, принюхивался к ним… Позорно, если будет навозом от меня вонять. Вновь и вновь намыливал ладони — вдруг Ленку встречу, а от меня вонизм идет!

Эти мысли, впрочем, аппетита мне не убавили. Я жадно набросился на еду, козье молоко мне показалось не таким уж горьким. Хотя я первый раз глотнул — сосредоточился на вкусовых ощущениях.

— Что, горькое? — улыбнулся дядька Мишка, кажется, первый раз.

— Ну, есть немного…

— Оно как лекарство. Все, что человека лечит, горькое, — философствовал дядька Мишка. Я молча уплетал нехитрую снедь, уже не принюхиваясь к своим рукам.

После перекуса работать вообще не хотелось. Моя воля в виде бомжа-бурлака совсем скукожилась и забилась в дальний угол души. А где же еще воля живет? Именно, там…

Дядька Мишка, не обращая внимания на мою волю, подгонял:

— Давай, шевелись! За сегодня надо закончить все. Где, по-твоему, животина будет ночевать?!

— А что, ваши козы темноты боятся? — попытался я сострить.

— Не умничай! — цыкнул на меня скотовод. — Сам напросился работать. Хоть будешь знать, как рубль достается.

Я устал как собака, отвечать не хотелось. Повез очередную тачку навоза в конец огорода.

— Эй, Кирюха! — кто-то окликнул меня. — Подойди к забору.

Сквозь щелястые доски я увидел… Хлюста. Ну, блин…

— Чего тебе?

— Привет от Амбала! — хихикнул Хлюст. — Должок за тобой.

— А тебе-то что?

— Ладно, меньше базарь. Слушай сюда, — Хлюст поманил меня сквозь щель пальцем.

— Ну?

— Когда будешь уходить, откроешь в сарае изнутри засов. Понял? Амбал сказал так. И не дай бог, если ты этого не сделаешь, Амбал посадит на счетчик… А может, еще на что-то, — хихикнул Хлюст и исчез в зарослях.

— М-да, блин… — подумал я вслух, возвращаясь с пустой тачкой в сарай.

— Что ты там бурчишь? — оторвался дядька Мишка от своих кривых бесконечных гвоздей.

— Да, блин, замудохался я, сил нет, — сказал практически правду я.

— Не ной! Надо дело до конца доводить! Пупок не надорвешь.

Это была ошибка зоотехника — про пупок. Мне показалось, что это намек на пуповину, в которой я запутался в утробе матери, и потому появился на этот свет кесаренком. Я оскорбился и окончательно разозлился на дядьку Мишку. Честно, я не хотел открывать на ночь сарай. Но раз так, раз я кесаренок в пуповине — получи, фашист, гранату! Я продолжил с остервенением ковырять навоз. Когда скотовод отвлекся, я потихоньку отодвинул задвижку на дверях. Так что с тыльной стороны можно было без труда проникнуть в сарай. Я, честно говоря, чувствовал угрызения совести — дядька Мишка, хоть и вредный, но дал мне возможность заработать, да и про деда Кирилла хорошо говорил. Но с другой стороны — Амбал!.. Понятно, что он собрался грабануть скотовода — увести барашка, а может, и целое стадо.

В голове роились всякие мысли. Про Амбала, который меня «посадит на счетчик» или еще куда, про то, что как только обнаружится пропажа, скотовод

поймет: открыл изнутри сарай я, и тогда на меня навесят кражу. Ну, блин, влип…

Работу, однако, закончил.

Зоотехник дал неплохие деньги — примерно, на 3 кг кошачьих сосисок.

В принципе, я был доволен. Но мысль про оставленный открытым на ночь сарай не давала покоя. Ну, и про отца, который в реанимации, я не мог забыть — деньги-то зарабатываю на дорогу к нему. А тут еще и про мать какие-то мысли мрачные ворочались в башке, про ее судьбу, про то, что в ПТО будут сокращения… Везде «кривые гвозди», про которые говорил дядька Мишка.

Мать… забрали в ментовку и уволили с работы

В то время, когда я пахал в «авгиевых конюшнях» дядьки Мишки и ощущал себя неисправимым заморышем, у мамы на работе происходило полное скотство! Вот:

— Ирина, тебе шеф передал, чтобы ты написала заявление на полставки, — сказала толстая тетка из маминого отдела, которая вечно жевала лапушистые пирожки.

— Не поняла…

— Ну что непонятного… У нас в отделе сокращают одну единицу.

— А почему я? У меня ребенок несовершеннолетний.

— А у меня два совершеннолетних! Это еще хуже.

— Хуже чего? — уточнила мама.

— Иметь двух совершеннолетних детей. Вот чего! — с надрывом сказала тетка.

— А я лично не говорю, что дети — это «хуже»! — Мама тут же вспомнила, как попала в аварию и потом не смогла выносить ребенка — моего брата, значит. Она всегда об этом помнила.

— Если тебе лучше, а мне хуже, вот ты и пиши заявление.

У мамы подкатила к горлу обида, она еле сдерживала слезы, тем более вспомнила о неродившемся сыне. Мать, которая считалась незаменимым специалистом, не стала спорить с лапушистой теткой, а пошла прямо к шефу.

— Во-первых, я сказал, чтобы твоя коллега написала заявление. Она пенсионерка, — уточнил шеф. — Во-вторых, почему у вас в отделе постоянные склоки? Почему вы вечно недовольны?

— Про склоки — это не ко мне. Я лично работой довольна, но недовольна зарплатой.

— Недовольна зарплатой? Пиши заявление и «досвидос»! Ищи, где зарплата лучше… — Шеф так и сказал — «досвидос», а с виду еще такой солидный, при галстуке.

Тут случилось непредвиденное! В кабинет шефа ворвалась лапушистая тетка.

— Ах ты, сука! Побежала жаловаться на меня! — и всей тушей набросилась на маму. Мать едва увернулась от этой массы. Тетка рухнула на ряд стульев, разметав их по кабинету, как спичечные коробки.

— Нет лучше зрелища, когда бабы дерутся, — спокойно произнес шеф и нажал «тревожную кнопку». У директора была такая тайная кнопка на случай нападения террористов или бандитов. Заставили всех начальников поставить эту самую «антитеррористическую защищенность».

Мама попыталась помочь лапушистой тетке подняться, обнаружила, что та рассекла при падении бровь. Мать испачкалась кровью и в ужасе отскочила:

— А-а-а!.. Боже мой, у нее рана, надо «скорую помощь»! — Тетка валялась на директорском полу и горько, по-девчачьи плакала.

Мама снова попробовала помочь подняться своей коллеге, которой в этой жизни хуже, чем ей, потому что она с двумя совершеннолетними детьми.

Дверь директорского кабинета распахнулась, вбежали бравые ребята в полицейской форме, прибывшие по сигналу «тревожной кнопки».

— Что здесь произошло?

— Что, не видите! Обеих забрать! Бабье совсем охренело!..

— Так она сама… Вы же видели! — попыталась оправдаться мама.

Полицейские пытались оторвать от пола рыдающую лапушистую тетку.

— Нужна «скорая помощь»…

В это время в кабинет к директору зашел старший участковый и поздоровался за руку с шефом. — Ну, у меня чуйка на такие дела. Проезжал мимо, смотрю, наши ребята из отдела. Я за ними, а тут, оказывается, мои подопечные. Я свою забираю, ей не нужна «скорая помощь».

«Своей» оказалась моя мама.

— Пройдемте, гражданка, — взял под руку маму старший участковый. — В отделе разберемся…

— Э-э-э… А работать кто будет? — вдруг спохватился директор, но было поздно.

В своем кабинете старший участковый собрался составлять протокол на маму — шелестел бланками, искал ручку. Теперь это был целый майор полиции, который начинал службу помощником участкового у нас в поселке. Он когда-то раскрыл дело о хищении колхозных телок скотником Кириллом, то есть моим дедом.

— До чего ж ты, Ирина, докатилась? — укорял он маму. — Видишь, тетку-то эту, коллегу твою, «скорая помощь» забрала. Вся в кровянке, да и на тебе кровь…

— Я не докатилась… Я вам сейчас объясню… Я запачкалась…

— Все в письменном виде. Пиши, как было, — сунул он какой-то бланк маме. Она впала в ступор и только плакала.

— Пиши, ты что, неграмотная? — прикрикнул участковый. — А еще высшее образование имеешь!

Мама не могла унять слезы. Но не из-за тетки. Просто она вспомнила своего отца — моего деда Кирилла, значит. Она с ненавистью посмотрела на старшего участкового. Тот все понял, потому что все помнил…

— Ну, ты, Ирина, не слишком-то расстраивайся, — примирительно сказал старший участковый. Потом добавил: — Зла не держи за отца своего, за Кирилла-скотника. Не моя вина в том, что он помер. Работа у меня такая. Понимаешь…

Полицейский долго молчал — думал, видимо, о том деле, когда на скотника Кирилла навесили чуть ли не полстада высокопородных телочек, которых, понятное дело, не нашли. Он и тогда знал, что это работа Трофимовича — зав. МТФ. Да… Но скотник дуба дал — так случается. А Трофимович-то, прохиндей, так в итоге полколхоза и приватизировал… М-да… А его, сержантика, после этого дела, повысили по службе — участковым поставили и звездочку младшего лейтенанта кинули. И фигурировал он во всех начальничьих докладах и рапортах как раскрывший крупную кражу.

А мама моя все думала об отце — то есть о дедушке моем Кирилле. Хоть и простым скотником он был, а понимал, что дочке надо образование дать. Вот бы сейчас радовался, что она, Иринка, получила-таки институтский диплом. Пусть и заочно. Но с другой стороны, если бы она не ездила на эти бухкурсы, если бы в аварию не попала, может, был бы у нее второй сынок. Может, с Костей бы не разошлись. Но такая судьба. У мамы она, судьба, наверное, не когтистая тетка с указующим перстом. Но все равно не жалует.

Мамину задумчивость полицейский понял по-своему:

— Успокойся и поезжай домой, а протокол завтра допишем. Сделаем как надо, — бодренько так сказал участковый и засуетился: — Давай я тебя отвезу, что ты будешь на маршрутке тащиться?

Мама хотела отказаться, но когда встала, у нее начали подкашиваться ноги. Участковый это увидел:

— Я тебя отвезу, не стесняйся. Это мы — без проблем. Что мы — не люди?

Мать тряслась в милицейском уазике и думала: «Это батя меня выручил. Уже нет в живых его пятнадцать лет, а вот выручил. Ну надо же, забыла. Как раз завтра его день рождения. В церковь сходить надо — помянуть отца».

Мама, которая не отличалась особой набожностью, ехала домой и улыбалась про себя: она четко понимала, что ее оберегает кто-то свыше. На работе, между тем, спешно оформляли приказ об увольнении сотрудницы-хулиганки «по собственному желанию». Даже юриста стороннего привлеки. «Зачем пятно на репутации предприятия? — здраво рассудил тот. — Да и место освобождается без сокращения». Директор с удовлетворением согласился.

Водка мамы, сирень Маришки, мои разборки с Амбалом

Милицейский уазик подкатил прямо к окнам нашего общежития и с визгом затормозил. Я, вернувшийся от дядьки Мишки-зоотехника, уставший и озабоченный, как раз шарил в холодильнике насчет чего-нибудь погрызть. Глянул в окно и обомлел: менты! За мной? Так быстро? Ни фига себе! Еще же ничего не произошло! Из уазика… вышла мама. Почему ее привезла полиция? Почему она так рано с работы?

Хлопнула входная дверь, мать вошла.

— Ты почему не в школе?

— Я заболел, — сказал я почти правду, потому что чувствовал себя фигово — от усталости и от переживания. Мать не стала ничего расспрашивать, а ушла в комнату и рухнула на постель, не раздеваясь. Я понял: что-то не так.

— Мам, что случилась? Почему так рано с работы? — В ответ молчание. — Мам, ты чего? — я потихоньку потряс ее за плечо. Она резко встала:

— Ничего… Уже ничего!.. Ни-че-го… ни-че-го… — механически повторяла она. Открыла холодильник, достала полбутылки водки, стоявшей с незапамятных времен, налила себе. Посмотрела сквозь меня. У нее были странные, как бы невидящие глаза — припухшие, заплаканные. Мать залпом выпила водку. Вообще-то, за ней этого не водилось, она непьющая. Разве что иногда пиво.

— Не бойся, Константинович, мать твоя алкашкой не станет.

Я как раз этого забоялся, у нас в общаге со злоупотреблением у многих проблемы. Да и дед мой, говорят, был большой любитель выпить. Опять же, батя… Ну, это не наша с мамой тема, надеюсь.

— Мам, ты чего? — по-другому я не мог сформулировать своего удивления.

— Я снимаю стресс… Меня увольняют… Меня в тюрьму сажают, — ответила она притворно пьяно. А может, и правда, так быстро развезло. — Все, оставь меня. — Она ушла в комнату, заперлась там и заплакала навзрыд.

Я остался на кухне и слушал через закрытую дверь ее рыдания. Слушал и переваривал: «…увольняют, в тюрьму сажают…».

Мне было невыносимо жалко маму, и батю было жалко. Я ведь и о нем все время, он же в больнице, в реанимации. В итоге стало и себя жалко… Комок подкатил к горлу, и слезы сами потекли. Но я не плакал, слезы — они сами… Нет, я не плакал. Мне уже четырнадцать лет, я практически мужчина. Мягкое сердце пацану никак нельзя иметь. Мужчине плакать позорно.

Я сильно и надолго зажмурил глаза, стараясь не выпускать слез. Уткнулся в ладони — пытался прекратить свою слезоточивость. Так и заснул за столом. Это я понял, когда мне стал сниться странный, но знакомый сон. Я взбираюсь по лестнице без перил. Внизу — папа, мама и я маленький.

Мать мне:

— Ой, осторожно!..

— Подожди, Кирилка, я сегодня же поставлю перила, — говорил снизу папа.

А на балконе (или на постаменте?) — Ленка. Я знал, что это сон, потому что и во сне думал: «Как это? Маму уволили, папа в реанимации, но в то же время — они вдруг внизу? И опять эта Звездная Звезда!»

Встал, умылся. Прислушался — мама тоже перестала плакать. Я осторожно приоткрыл дверь — она спала. Ну, хорошо, подумал я.

Противно зазвонил мой сотовый. Я его не любил по многим причинам: на нем почти всегда не было денег, он был допотопным — кнопочным, а не сенсорным, как у всех, на него нельзя было закачать нормальные игры. Этого хватало, чтобы не любить мой телефон. Он и сам это понимал, потому редко звонил. А что ему звонить? Кто с заморышем хочет говорить? Я вот и сейчас удивился. Сначала попытался рассмотреть на маленьком, потрескавшемся экранчике номер. Ни фига не было видно. Но отвечать надо — слишком настойчиво и противно верещал телефон — не разбудить бы мать.

— Алло, слушаю…

— Привет… Выйди, поговорить надо, — это был голос Маринкин. Глянул в окно — никого.

— Ты, что ли, Маринка?

— Выходи, надо что-то важное сказать…

Когда я вышел во двор, из-за кустов сирени, которая только начала цвести, возникла Маринка.

— Привет, Кир…

— Привет… Чего надо?

— Тут такая тема, — начала она взволнованно, шепотом и как бы не на своем языке. — Я нечаянно подслушала… В общем, Амбал со своей кодлой сегодня ночью хочет у дядь Миши барана стащить. Это Ленка им шашлык заказала. На спор, что они для нее…

— У зоотехника, говоришь?

— Ну да…

— И что?

— А то, что они тебя подставят… Я все знаю, ты сегодня работал у дядь Миши и изнутри открыл сарай…

Я не стал расспрашивать Маринку о других подробностях, потому что и сам понимал — они, Амбал и его кодла, меня конкретно подставляют. А Маринка на меня так странно смотрела, у нее, оказывается, красивые глаза, как у моей мамы. Дурочка, влюбилась, что ли, в меня? Мне стало как-то неловко, но и приятно… Наверное, не такой я уж и заморыш. Так, ладно, это — все лирика, розовый кисель. Что делать с открытым сараем на скотном дворе?

Маринка сорвала гроздь распускающейся сирени, нервно крутила веточку и все смотрела на меня, странно так смотрела. Я старался на нее не обращать внимания. Тут что-то надо решать, а она… Вот именно, розовый, даже сиреневый кисель.

— Кир, давай пойдем к дяде Мише и все скажем. По-честному…

— Что я, лох последний, что ли?

— При чем тут лох! Это Амбал тебя хочет подставить, как последнего лоха. — Она была убедительна и даже, кажется, красива — вся, не только ее глаза. Хотя, какое мне дело до ее красоты?

Тут из-за угла дома появился рыжий Дениска с моим портфелем.

— Привет, что вы тут, любовь крутите?

— Фу, дурак! — фыркнула Маринка, развернулась и быстро пошла прочь.

— А фигурка у нее нормалек, — оценил Дениска.

— Дэн, ты что несешь!

— А что, ревнуешь? — Дениска задорно смеялся. — Да ладно, все знают, что она за тобой бегает.

Я хотел треснуть Дениса своим полупустым портфелем, но он увернулся.

— Ладно, ладно, успокойся… Амбал про тебя спрашивал, что-то они замышляют.

— Да знаю, что они замышляют. — Я вкратце рассказал Денису ситуацию.

— М-да… — только и сказал он.

— Короче, я иду к Амбалу, там разберемся…

— С кем? С Амбалом? Ты разберешься? — Денис глубоко усомнился.

— Посмотрим… Ты не вписывайся, но будь со мной рядом.

Я подумал о маме, которая выпила водки, про отца, который после аварии весь в гипсе. А тут еще Амбал. Короче, везде засада ☹

Как я мутузил Амбала на глазах у Ленки и его кодлы

Уже совсем стемнело. На меня навалилась усталость, как будто сам Амбал придавил своей тушей. Слишком много за один день событий: «авгиевы конюшни» у дядьки Мишки, мамины непонятки с работой и полицией, появление Маринки с сиренью. Теперь вот рыжий Денис как свидетель моего будущего позора.

Я, дурак, ляпнул про разборки с Амбалом, хотя и сам не знал, как это будет выглядеть. Понятно, что, если сойтись с ним один на один, он меня отмутузит по полной программе. Не пойти к Амбалу? Конечно, Денис поймет правильно. У меня прямо на поверхности души ворочался страх наподобие бородавчатой лягушки. Фу-у-у…

Я напряг свою волю, которая так и оставалась типа бомжа-бурлака в стиле фэнтези. Но у меня сжались кулаки и где-то внутри встрепенулась мощная птица под названием смелость. Она, моя смелость, была похожа на орла. Ну что я напридумывал? Страх в виде лягушки, смелость — орел… Полная белиберда. А почему орлы лягушек не едят? «Так! Характер бойцовский надо формировать», — внушал я себе.

— Кирюха, ты что, загрузился? — это рыжий меня окликнул. — Давай не пойдем, ну его на фиг, этого Амбала.

— Я вот тоже думаю… Сегодня так у зоотехника навкалывался, сил нет, — готовил я себе отступление. — Да и мать… Как там она?

— А что с ней?

— Да, есть проблемы… — Я не стал Денису говорить про то, что мама выпила водки, про участкового. — Короче, Дэн, подожди меня, портфель отнесу.

Я вошел в подъезд, поднялся на ступеньки и приоткрыл дверь нашей квартиры. Оттуда слышалась любимая мамина песня:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься.
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься…

Мать прервалась:

— Это ты, Кирилл?

— Да, мам, я…

— Что ты там гремишь?

— Да у Дениса велосипед сломался, ключи ищу.

У нас на шкафу в прихожке был ящик, где хранился разнокалиберный инструмент: молоток, щипцы, ключи и прочие железки. Я, честно говоря, искал не ключи для велосипеда, а что-нибудь поувесистее, чтобы долбануть Амбала по мозгам. Разводной ключ взять, что ли? Или молоток? Нет, так можно Амбала и убить. Я окинул глазами кухню. О!.. Скалка, которой мама иногда раскатывала тесто для пирожков и вареников. Вспомнил про ее знатные пирожки с капустой, и захотелось хавать. Пошарил по холодильнику — ничего, кроме майонеза. С хлебом — пойдет. Густо намазал ломоть, взял скалку. Она удобно легла мне в руку.

Вышел на улицу.

— Будешь? — спросил у Дениса и протянул ему хлеб с майонезом.

— Ешь сам, тебе силы нужны, — он рассуждал правильно.

— Это что? — спросил Дэн про скалку.

— Орудие пролетариата.

Денис понял.

Я знал, где может сейчас находиться Амбал со своей кодлой — в школьной котельной, которая разместилась в полуподвале. Отопительный сезон закончился, но у них откуда-то были ключи от котельной.

Подошли. Из котельной доносился ржач. Кажется, и девчачий визг.

Всю дорогу я обдумывал, что скажу Амбалу и что с ним сделаю. Во-первых, скажу, что я не глист и не заморыш. Во-вторых, что я ему ничего не должен — ни одной сигареты, ни полспички. В-третьих, звездану скалкой по голове! Не в висок, конечно. Не дай бог убить. А прямо по кумполу, чтоб отрубился!

Мы с рыжим Денисом спустились вниз по ступенькам. Прислушались… Амбал, конечно, был здесь! Там живо обсуждали шашлыки из баранины.

Амбал раскинулся в допотопном кресле боком к входу, потому нас не увидел. По кругу — его кодла, человек пять-шесть, среди них детдомовские пацаны. М-да! Я не имел никаких шансов… Мне захотелось сквозануть отсюда, но… встретился глазами с Ленкой! Она — здесь? Ничего себе! Звездная Звезда причудливо взгромоздилась на широкий подоконник. Над всеми — как всегда, на высоте, на пьедестале…

— Оба-на! Иди-сюда-стой-там! — Это Хлюст увидел меня.

— Пошли отсюда, — шепнул мне Денис, стоявший рядом. Честно говоря, я хотел этого и даже ждал от рыжего таких слов. Но тут Амбал лениво повернулся в мою сторону:

— Ну, ты, глист, тебя кто сюда звал? Что надо?

— Никто не звал, сам пришел, нужно поговорить , — выдавил я из себя, перебарывая мандраж. Правой рукой под мышкой нащупал скалку, это чуть успокоило.

— Ты, наверное, хочешь рассказать, что сарай у дядьки Мишки оставил открытым, — Амбал нагло ухмылялся. — Ну ладно, будем считать, что пачку сигарет ты отработал…

Моя решительность окончательно улетучивалась — я забыл «домашнюю заготовку»: про то, что я не глист и не заморыш. Но я все же помнил, что должен звездануть Амбала скалкой по голове. Лишь бы не в висок! По кумполу — и вырубить его…

— Кирюха тоже хочет шашлычка, — подала голос с подоконника Ленка.

— Хавку надо заслужить. Если Хлюст возьмет его с собой, может, свою косточку и получит, — сказал Амбал под недружный хохоток своей кодлы.

То, что пацаны смеялись не особо дружно, меня немного успокоило. Не все, видно, здесь так уж безоговорочно поддерживают Амбала. Это был толчок к действию! А еще — Звездная Звезда! Я, может, для нее ореховую аллею посадить хочу, а она… Пусть посмотрит, как я сейчас урою Амбала! Конечно, это не по-честному — я со скалкой, а он — с голыми руками, сидит, расслабился. «По-честному, не по-честному…», — это было похоже на отговорки.

Я выхватил скалку и с лету врезал Амбалу! Он, скотина, успел отвернуться, и удар прошелся вскользь. Амбал вскочил, ошарашенный. Я продолжал колотить его скалкой, видно, удары мои не сильно достигали цели — все по рукам, по плечам. Амбал начал хаотично отмахиваться и кричать:

— Мочи его, глиста! Что стоите, козлы…

— Пусть один на один, один на один! — рыжий Денис тоже кричал, расставляя руки и как бы удерживая пацанов. Те, впрочем, только расступились, а Ленка с пьедестал визжала, поджав ноги:

— Хватит, хватит!..

Здоровяк Амбал все же сильно зацепил меня своим огромным кулаком. Я отлетел прямо на ящик с песком под противопожарный щит. В ушах звенело, перед глазами плыли радужные круги. Из носа хлынула кровянка. Уже мало что соображая, я швырнул горсть песка в лицо Амбалу, наседавшему на меня.

— А-а-а… Тварь… Глаза мои! — завопил Амбал, закрывшись ладонями.

— Мочи Амбала!.. — крикнул кто-то мне.

У меня не было сил. Скалка валялась поодаль. Я устало пнул Амбала ногой. Он неожиданно скрючился и свалился, продолжая кричать:

— А-а-а!.. Глаза мои!..

Спасительница Маришка привела на разборки грузчика, в итоге — боевая ничья

Ошарашенная Звездная Звезда Ленка, поджавшая ноги на подоконнике, вдруг крикнула:

— Атас, кто-то идет! — из полуподвального окна она увидела, как промелькнули чьи-то ноги.

Но было поздно. На пороге появился дядька Сергей — бывший грузчик из «Гипермаркета».

— Эй, шелупонь, вы что тут беспредел творите?! — рявкнул он со ступеней.

— Кирюха, рвем когти, — дернул меня за рукав Дэн.

— А-а-а… Кто тут? — орал Амбал. — А-а-а, мои глаза… Воды, твари, дайте!..

Уволенный грузчик подрабатывал сторожем в школе и знал, где находится кран с водой.

— Кирюха, валим отсюда, — тащил меня Денис. Я не мог идти: сопатка разбита, глаз заплыл, внутри все нестерпимо болело так, что хотелось плакать. Но мужчины не плачут…

— Я тебя, щенок, урою… Я тебя размажу!.. — Это орал Амбал, который кое-как промыл свои глаза. Осознание того, что он сейчас действительно может урыть и размазать, придало мне сил — я вроде даже побежал по ступенькам, поддерживаемый Денисом. Мимо нас шмыгнула Ленка…

Чуть поодаль от школьной котельной за деревьями стояла Маришка — все еще с дурацкой веточкой сирени.

— Кир, что с тобой… Ой, ужас! — испугалась она. — Пошли к нам… Теть Галя моя медсестра все-таки…

Нет, эта девчонка — не мышка-норушка, подумал я.

— А ты откуда знала, что мы здесь? — спросил Денис Маришку.

— Что, у меня глаз и ушей нет? — фыркнула она. — Я и дядь Сергея сюда прислала. Он был у теть Гали, у них же отношения…

— Спасительница! — как-то неопределенно сказал Денис. Я в их диалог не вмешивался, сил едва хватало тащить ноги.

— Да, спасительница… Амбал и его кодла могли Кира убить! — горячилась Маришка.

— Между прочим, никто и не вписался за Амбала. Все стояли и смотрели, как Кир его звезданул по башке, — отметил довольный Дениска.

— А эта… королевишна Ленка тоже там была, да? — спросила с явным осуждением в голосе Маришка.

— Была, — как-то нехотя ответил Денис.

…Мы зашли к Маришке, которая жила в частном секторе недалеко от школы. Возле колодца я немного отмылся. Маришка и Денис помогали.

На шум у своего колодца вышла из дома тетя Галя:

— Батюшки!.. — всплеснула она руками. — Что случилось?

— С лестницы упал, — промямлил я, перед глазами поплыли круги. Я рухнул без сознания. В другой реальности явственно увидел лестницу — ту самую, которую делал мой отец и на которую я часто во сне поднимался.

— Кирилл, смелее! Видишь, я сделал перила! — сказал отец, и я шагнул на эту лестницу.

Как потом оказалось, меня уложили у тети Гали — прямо во дворе под навесом. Позвонили маме, та молниеносно прибежала.

— Надо «скорую» и полицию вызвать, — сказала тетя Галя.

— Может, полицию не надо? — засомневалась мама, вспомнив свои сегодняшние события на работе и разговор с участковым.

— Как не надо? Ее сына искалечили, а она — «не надо»! — возмутилась тетя Галя.

Появившийся тут же дядька Сергей отрезал:

— Ментов — не вызывать. Пацаны сами разберутся.

Все согласились. «Скорая помощь» приехала достаточно быстро. Молодой фельдшер бегло осмотрел меня, перебрасываясь медицинскими фразами с тетей Галей:

— Гематома, ссадина… Повреждения носа нет, — как-то весело рассказывал о моих «трофеях» фельдшер. — Ничего смертельного. Понятно, пацанские драки. Он худой, но жилистый. До свадьбы заживет.

Мне это понравилось — худой и жилистый, как про батю… Ну, и про свадьбу тоже.

Только уехала «скорая помощь», тут же подрулил старший участковый, хотя никто его и не вызывал:

— Ну и семейка! Вроде тихие-тихие, а две драки за один день учинили, — устало констатировал полицейский.

Тетя Галя, не знавшая о маминых приключениях на работе, вступилась за нас:

— Нормальная семейка! Только неполная…

— Вот и я о том же. Была бы полная, проблем меньше было бы. Безотцовщина…

— А вы лучше следите, чтоб отцы-беглецы алименты платили!

— Это не по адресу. Есть суды, есть судебные приставы, — спокойно разъяснил участковый и обратился ко мне: — Так, сегодня ты рассказать что-то не в состоянии, — вздохнул он. — Давай завтра. Жду тебя в опорном пункте… С мамашей.

— А протокол составлять будете? — вмешалась тетя Галя.

— Разберемся…

— Они бы сами разобрались, командир, — вмешался стоявший в стороне дядька Сергей. — Делов-то, пацаны подрались. Тем более — боевая ничья.

Старший участковый вопросительно посмотрел на бывшего грузчика:

— Если есть что-то заявить по существу, завтра в опорный пункт…

— Нет уж, без меня, — дядька Сергей выкинул перед собой ладони, как бы защищаясь.

— Вот и я так думаю, что лучше без тебя, — заключил участковый.

— Сережа, пойдем, — сказала тетя Галя и увела грузчика в дом.

Мы тоже вышли со двора тети Гали.

Маришка, провожая нас за калитку, по-серьезному, не так, как в дурацкой рекламе, сказала:

— Все будет хорошо!

Дениска, который все это время не отходил от меня, как бы невпопад ответил:

— Ну, Амбал обломался с шашлыками…

— Да, точно, облом у них, — согласился я и спохватился, как бы мама не стала расспрашивать. Но она, видно, не обратила внимания на несостоявшийся шашлык — не в теме была. А то бы еще и ей объяснять. Хорошо, что не спрашивает, почему я в котельной оказался. Надо что-то придумать правдоподобное.

Дома мать меня осмотрела и успокаивающе сказала:

— Мужчину синяки украшают …

— Мам, мужчину шрамы украшают!

— Ну да… И синяки тоже, — улыбнулась она через силу. — Фингал, конечно, у тебя завтра будет знатный. Как в школу-то пойдешь, что Наталье Анатольевне, скажешь?

— Утро вечера мудренее, — сказал я и сам удивился своей мудрости. Расспрашивать меня, что я делал в котельной, мама не стала. Ну, если спросит, наплету ей что-нибудь про «зашел воды попить».

Все, спать! Я провалился в сон. Невероятно, но мне снова снилось: я поднимаюсь по лестнице, теперь уже с перилами. Внизу мама с папой. И, как мне показалось, Маришка рядом с ними — с дурацкой сиренью в руках. Странно…

— Сын, как перила? — спросил отец.

— Нормальные, — ответил я.

В этот раз на пьедестале Ленку не видел, да и вообще никакого балкона-пьедестала не помню… Куда я взбирался, сам не понял — не в небо же?

Я сам начал верить, что Амбала отмочил, — трудная победа за мной

Утром в школу не пошел, так как нас с мамой вызвал участковый. Отправились в опорной пункт полиции, я в — темных очках. Там уже сидели: Амбал, Хлюст, кто-то из детдомовских пацанов с воспитательницей — Денискиной матерью и… Ленка. Тут же был ее отец.

Участковый сразу отпустил детдомовских:

— Я с вами отдельно проведу профилактическую работу.

— Ой, спасибо, — сказала Денискина мать. — У нас работает кабинет профилактики. Мы вас ждем, товарищ майор!

Денискина мать поспешила вытолкать из кабинета своих детдомовских воспитанников.

— Ну да! В детдоме меня особенно ждут, — сказал с сарказмом участковый и обратился к нам: — Ну что, хулиганье, скажете?

Никто ничего не хотел говорить, все завидовали детдомовским, которые так просто отделались. Амбал, понимая, что от него ждут первого слова, сказал:

— Да все нормально, претензий не имеем.

— Претензии я к тебе имею, — сказал участковый.

Он нас долго отчитывал. Говорил про вредность курения, про коварство «лирики», про… шашлык из ворованной баранины.

Мама, к счастью, не поняла, о чем речь.

Потом в дверь заглянула тетя Валя — администраторша с автомойки, мать Амбала и Хлюста.

— Валентина, я же тебе сказал, сам разберусь, — сурово произнес Завмаг. — Иди работай…

— Пусть послушает, раз пришла, — сказал участковый.

— Товарищ майор, — с чувством обратился Завмаг к участковому. — Может, дети подождут за дверями, а мы тут по-взрослому?

— Ну да, дети… — с недоброй улыбкой посмотрел на нас участковый. — Ладно, марш за дверь, — скомандовал он нам.

Мы гурьбой вывалили в коридор. О чем говорили взрослые, не было слышно. Хлюст прильнул ухом к двери.

— Ну что там? — с деланым равнодушием спросил Амбал. Хлюст только прижал палец к губам: «Т-с-с…».

— Короче, я уже сказал, что претензий не имею, — обратился Амбал ко мне. — А ты, заморыш?

— Тоже не имею, — с удовлетворением ответил я, стараясь глядеть прямо в красные глаза Амбала. Убедившись в наличии приличного синяка и на его физиономии, добавил: — Но я не заморыш…

— Что-то ты раздухарился, — с тихой угрозой произнес Амбал. — Ты вчера поступил не по-пацански, понял?

— Понял, — я краем глаза видел Ленку, это мне придало сил. — Но на «понял» меня не бери.

— Да ты не понтуйся перед Ленкой, — засмеялся Амбал. — Она же знает, кто есть кто…

Распахнулась дверь кабинета участкового:

— Быстро заходите, — тетя Валя смешно замахала ластами рук.

— Так! Я тут с вашими родителями поговорил. Мне их жалко по-человечески. И вам не хочется портить жизнь, — участковый медленно обвел взглядом нашу ватагу. — Но некоторые по-человечески не понимают.

Из-за стола грузно встал Завмаг:

— Вас, сопляков, товарищ майор, можно сказать, от тюрьмы спасает, а вы не понимаете.

Он долго читал нотации: про тяготы жизни (и смотрел на меня), про зловредную «лирику» (и смотрел на Амбала), про то, как трудно родителям добывать хлеб насущный (и смотрел на свою дочку). Потом почему-то перешел на товарно-денежные отношения, низкую платежеспособность населения, маркетинг. Словечек всяких наговорил — фиг поймешь. Сказал, что сейчас такое время, когда человек человеку — волк.

— А вы друг другу не должны быть волками погаными. Жизнь и без того на вас таких зверей напустит, что мама не горюй! — И завершил тем, с чего начал: — Товарищ майор вас, считай, из тюрьмы вытащил. Должны понимать это…

— Задача участкового — не сажать в тюрьму, а оберегать от нее! — пафосно сказал майор.

Короче, нас отпустили. Звездная Звезда стремглав побежала в школу — от отца подальше. Амбала и Хлюста тетя Валя по очереди бессильно колотила кулаком по спине: «Мучители… Мучители!..» Они удалились. Моя мама окинула меня любящим взглядом: «Мужчина!» Мне было приятно слышать. Я еще вспомнил, как мама называл меня «кормилец». Я расцвел!

— Ирина, вот опять ты поощряешь раздолбайство своего сына, — сказал Завмаг, но потом добавил: — Хотя, конечно, орел! Пойти против Амбала, хоть и с дубиной?!

— Не с дубиной, а только со скалкой, — уточнил я. У меня душа пела — орел в виде смелости распирал крыльями грудную клетку.

— Ирина, — окликнул мою маму майор, выглянув из кабинета. — Зайди, надо порешать еще одну задачу.

Мама вернулась в кабинет участкового, а Завмаг продолжал:

— Бывало, нас с твоим батей тоже целая кодла метелила. Мы ж с ним одноклассниками были, я говорил: тощий и толстый, — он осекся. — Короче, за одного битого двух небитых дают. Как он там, батя твой?

— Не знаю, не звонил, — признался я. У меня, как всегда, не было на телефоне денег. К тому же, если отец в реанимации, кто ответит?

Завмаг набрал батин номер:

— Здравствуйте… Это номер Константина? Как он там? Кто я ему? Я его родственник, — преувеличил Завмаг, мне это понравилось.

— Выписали из реанимации, говорите? Нужен уход? Понятно…

Как раз вышла мама.

— Ну, что он там еще? — спросил ее Завмаг, кивая на кабинет участкового.

— Все нормально, — улыбнулась мать. — Дедушка Кирилл помог.

— В каком смысле дедушка Кирилл? — удивился я. — Он же давно умер.

— Вот так и помог… Участкового совесть замучила. Признал, что несправедливо на папку моего навесили «хищение в крупных размерах». Вот сердце дедушки твоего и не выдержало такой несправедливости.

— Слышал об этом случае, — сказал Артем Артемович. — Загнали в гроб мужика, царство ему небесное!..

— В воскресенье, кстати, у дедушки нашего день рождения, — сказала мама. — Надо сходить в церковь, помянуть…

До сих пор за матерью я особой набожности не замечал. А тут…

Мама поехала на маршрутке в ПТО увольняться. Я поковылял домой. Не в школу же с такой физиономией!?

— Кир! — Я обернулся, меня догоняла Маришка. — Привет.

— Привет.

— Ну, что там? — она кивнула в сторону опорного пункта полиции.

— Нормально. А ты что не в школе?

— Сейчас большая перемена, — радостно сказала Маришка. — Вся школа жужжит про тебя и Амбала! Как ты его отделал.

— Да ладно…

— Ну, я побежала, — она сорвала веточку вездесущей сирени и помчалась в сторону школы, смешно запрокинув набок голову.

— Дура какая-то, — посмотрел я ей вслед и чего-то заулыбался. Разбитые губы мешали улыбке, но я весело пошагал домой.

Зазвонил телефон. Это был рыжий Дениска.

— Кир, привет!

— Привет, Дэн!

— Ну, ты как?

— Нормалек!

— Слушай, тут вся школа в шоке! Все перетирают, как ты Амбала мочил.

— Да ладно, Дэн… Ты-то видел, как это было.

— Да круто было! Ты вообще героин. Ну, пока!..

— Пока…

Я, кажется, загордился. Интересно, как там Ленка? Наверное, про макаронины мои уже не рассказывает! Я и сам начал верить, что действительно отмочил Амбала. Может, буду офицером спецназа!

Как мы с Денисом внесли свою лепту

В воскресенье хотелось поспать. Но мама разбудила.

— Константинович, мы же в церковь сегодня.

— Мам, ну это без меня…

— Как, без тебя? У дедушки Кирилла ведь день рождения, я ж говорила…

— Да не по кайфу как-то с синяком…

— И мне неудобно, — призналась мама. — А вдвоем — нормально. Очки черные наденешь.

Церковь в нашем поселке Лесостепном, который «ни к селу ни к городу», начали строить лет несколько назад. Я видел ее издалека. До купола строительство еще не дошло. Но службу там уже проводили.

Мама накинула легкий платок, и мне показалась такой необычно красивой — прямо мадонна какая-то. Я аж загордился ею.

— Мам, ну ты у меня красавица!..

— Да брось ты… Придумал. Лучше перекрестись, — и сама неумело это сделала. У меня и вовсе не получилось.

Во дворе на подмостках и весь в лесах стоял каркас купола. Мастера еще не все золоченые пластины прикрепили. Сегодня они не работали.

— Красиво… — с благоговением сказала мама.

— Да, классно, — согласился я.

Служба в недостроенной церкви шла в подвале. Сошли по ступеням вниз. Там был полумрак и не так чтобы красиво. Подвал же… Поп (ну, или батюшка, как там правильно?) был молодой и здоровый. Говорят, он служил в «горячих точках». Народу немного — старушки в основном.

И мы с мамой.

Священник мощным голосом читал молитву. Я вслушивался, но ничего не соображал. Глянул на маму — она буквально внимала… Ну ладно, это для нее, значит, нужно. Да и деда Кирилла, главное, помянуть. Пусть…

Ко мне подошла какая-то старушка и потихоньку тронула за плечо:

— Сними черные очки, — шепотом сказала она, — грех.

— Мне нельзя, у меня травма.

— Вижу, какая травма…

На наш шепот начали оборачиваться люди. «П-с-с…» Среди них я увидел классную — биологичку Наталью Анатольевну. Ничего себе! В платке ее трудно было узнать. Или мне показалось? Я быстренько выскользнул из церкви.

Во дворе увидел… рыжего Дениску.

— О, Дэн… Привет. Ты что тут делаешь?

— Да елочки поливаю. Дед весной приезжал из Соликамска, привез, посадил. Елочки с Белой горы, Уральского Афона.

— А что такое Уральский Афон?

— Ну, монастырь там, под Пермью, Белогорский. Святое место…

— Дэн, и ты во всю эту лабуду веришь? Святое место и все такое?..

— Ну… — Дениска неопределенно пожал плечами. — Я тут елочки поливаю. Говорю же, дед мой попросил. — Рыжий, кажется, смутился и обиделся.

— А это где — Соликамск?

— В Пермском крае. Дед там живет, он шахтером был, сейчас на пенсии. Приезжает к нам каждый год. Вот привез елочки.

Ну да, отец тоже хотел в Соликамск — шахтером, как Денискин дед. Но по здоровью осел в Перми.

— Так они, елочки-то, засохнут. У нас такая жарюка.

— Не засохнут. Дед сказал — из святых мест. Просто надо поливать постоянно, — рыжий хмурился и явно не хотел говорить об этом.

Я поспешил замять тему и переключился:

— Так что, ты говоришь, там, в школе?

— Да я же тебе рассказывал. Все в шоке, что ты Амбала отметелил!..

— Эй, пацаны! — донеслось откуда-то сверху. — Поднимайтесь сюда…

На верхотуре, на недостроенной колокольне стоял мужик с мастерком в руках.

— А… Это дед Геннадий… Он тут все время работает, — пояснил рыжий.

Мы с Денисом поднялись. Я насчитал сорок ступенек — трудно! Забрался, огляделся. У-у-у, кайф! Наш поселок Лесостепной был виден как на ладони. Вон наше общежитие проглядывает сквозь деревья, огороды и сады частников зеленеют, и крыши, крыши… На окраине поселка маленький ремзавод торчит ржавыми трубами — давно не работает. Поля примыкают к поселку — бывшие колхозные, а сейчас арендаторские. Но зеленые… Им, полям, наверное, все равно — колхозные они или арендаторские. Тракторишко какой-то там снует.

У меня аж голова закружилась, как от пива. Вспомнилось наше «пьянство». Или, может, потому что утром не поел нормально — поэтому головокружение?

— Ну, пацаны, — обратился к нам дед Геннадий. — Вы даже не представляете, какое богоугодное дело сейчас будете делать.

— А что нужно-то? — спросил рыжий.

— Надо мне кирпичи подавать… Видите, они закончились, а я один. А как одному кладку вести?

Если честно, работать не особо хотелось, да и тело у меня все болело от вчерашних разборок с Амбалом и от «авгиевых конюшен» дядьки Мишки.

— А в воскресенье грех работать, — я вспомнил, что мамина подружка всезнающая тетя Галя говорила ей, что стирать в этот день нельзя.

— Если трудишься во имя Господа Бога, то можно и нужно, — сказал дед Геннадий. — Так мы только укрепляем связь с Творцом.

Он говорил как-то возвышенно, витиевато и не очень понятно, даже неудобняк было слушать. Но мне понравилось, что дед Геннадий ничего не сказал про очки и про фингал, который, конечно, трудно было скрыть.

Мы с Денисом начали подавать кирпичи на строительные подмости деду Геннадию.

— Наденьте перчатки, — сказал дед.

— Мы что, белоручки какие-то?..

— Это техника безопасности, — строго сказал дед Геннадий.

— Он настоящий инженер-строитель, — как бы оправдывал его Дениска.

— Моя мама тоже инженер, между прочим.

— Да знаю... Ты сто раз уже говорил… Инженер — не миллионер, — хихикнул Денис.

Работали, наверное, час-полтора. Руки гудели от напряжения, спину ломило. Я очень устал. Конечно, вчерашняя пахота у зоотехника, махаловка с Амбалом, а тут еще сегодня — кирпичи… Да и Денис тоже уже с трудом управлялся.

— Давайте, пацаны, — подбадривал дедок. — Еще немного. Вот так каждый вносит свою лепту.

— А можно, мы сами хоть по кирпичу положим? — попросил Дениска.

— Конечно, — улыбнулся дед Геннадий. — Мои почетные подсобные рабочие...

Мы с рыжим уложили по несколько кирпичей. Это со стороны кажется, что легко делать кладку стены. А мы по шнуру кирпичи укладывали, и то немного накосячили. Дед Геннадий поправил.

— Вот так! Ну, вы свою лепту внесли. Богоугодное дело сделали. Идите, пацаны, теперь я сам справлюсь, — и отпустил нас.

Как раз из церкви выходили люди. Среди них наша классная — биологичка. М-да… Я, оказывается, не ошибся. Мамы почему-то не было…

Мы спустились по гулким ступенькам, смотрели с Дениской снизу вверх, пытались найти в стене будущей колокольни свои кирпичики. Дед Геннадий помахал нам сверху мастерком.

Глава IV

Ехать к отцу мы решили вместе: мама и я

Вот и мама вышла из церкви. Она была какая-то странная.

— Мам, ты чего такая? Помянула дедушку Кирилла?

— Да, помянула, — задумчиво сказала мама. — И о болящем муже помолилась. Значит, о твоем папке непутевом. Вот так, Константинович… Отца-то твоего выписали из реанимации, уход нужен…

— Да, мам, я знаю. Завмаг говорил. Конечно, нужен уход. Я собираюсь к нему ехать — автостопом.

— Каким еще автостопом? Ты что!..

— Очень просто, бесплатно. Тормозишь попутную машину и вперед!

— Сын, это ты сам тормозишь! Соображаешь, что говоришь? Кто тебя отпустит?

— Весь мир так путешествует! Мам, ты от жизни отстала!..

— Детский лепет какой-то.

— Это не лепет. Я на первый случай и денег заработал у зоотехника.

— У какого зоотехника? Михаила, что ли?

— Ну да… Вывозил у него навоз из его «авгиевых конюшен».

— Откуда?

— Ну, из сарая, где овца его и козы.

— Так, значит… Помощник, кормилец, — мама улыбнулась. — Это хорошо, что ты готов ехать к отцу и даже деньги смог заработать. Но батюшка сказал, чтобы ехала я. Первая жена — от Бога… Так и сказал: «Ну что ж, что в разводе. Он же отец твоего сына».

Я, честно говоря, обалдел от решения мамы. Она, конечно, была недовольна, что отец не платит алименты. Хотя я никогда не слышал от матери, что он негодяй. Просто неудачник… Бывает. Это тетя Галя возмущалась: «Родили вдвоем дитя, вдвоем и содержать надо… По справедливости!» И вот сейчас мама вдруг решила к нему, к моему больному отцу, который не платит алименты, ехать сама. Ничего себе!

— Мам, это ты точно про поездку говоришь? — осторожно спросил я. — Ты же и меня берешь?

— Тебе надо школу хоть как-нибудь закончить.

— А деньги на дорогу?

— Я увольняюсь, получу компенсацию за неиспользованный отпуск, зарплату, задержанную за два месяца. А на билет церковный староста дед Геннадий выделяет деньги. Батюшка распорядился…

— Ну, прикольно! Странные они, — кивнул я в сторону церкви. — Дед Геннадий бесплатно кирпичи кладет, деньги вот на билет дают… Может, они так заманивают людей в свои сети?

— Дурачок ты еще, Кирилка. Какие сети? Тебе этого пока не понять.

— Так ты мне объясни.

— Я и сама, по правде, не все понимаю… Но батюшка сказал: бери деньги и поезжай к болящему.

«Словечко какое — «болящий»… Он вообще покалеченный после аварии», — размышлял я. Мы подошли к автобусной остановке. Там оказалась и моя классная руководительница. Сейчас она была без платка, похожа на себя.

— Ну и какое сокровище ты прячешь? — спросила она, бесцеремонно сняла мои черные очки и внимательно разглядела меня, даже потрогала синяк как бы на упругость. — Роскошный!..

Я ощутил себя под укоризненным учительским взглядом полным заморышем. А она продолжала, уже обращаясь к маме:

— Ирина, вы не волнуйтесь. Батюшка сказал, значит, надо ехать. Да вы и сами это понимаете. А с этим лоботрясом что-нибудь придумаем.

Короче, со мной решили вот что: оставлять меня одного на три недели до конца последней четверти смысла нет — все равно в школу нормально ходить не буду. Лучше нам с мамой в Пермь к отцу вместе ехать. Классная пообещала организовать в дорогу какую-то справку, заверенную подписью директора и печатью. Пока мы собирались в путь, она сама принесла эту бумагу к нам домой. Для чего — не знаю.

Мне показалось, что Наталья Анатольевна с какой-то радостью делает это. Может, не потому, что я должен повидаться с тяжелобольным отцом, а чтоб избавиться от меня. Или не так? Не знаю…

— Я думаю, что в Перми найдется, например, вечерняя школа, и Кирилл закончит там четвертую четверть, — сказала она и сняла с себя ответственность. Может, и вправду хочет, чтобы я с папой повидался.

— Да, конечно, — с готовностью согласилась мама. — Как приедем, так сразу в школу устроимся.

Мне показалось, что о моей учебе мама сейчас думала меньше всего. Я, честно говоря, тоже.

О тяжелом состоянии отца не говорили ничего. Я так понял, что мать и классная предполагали худшее. Но отца-то выписали из реанимации. И я верил, что он выкарабкается, батя хоть худой, но жилистый. Радость от того, что мы едем к отцу, распирала меня. Я вдруг показался себе таким крутышом, который решил сложный вопрос. Хотя все утряслось без меня.

Только классная ушла от нас, в дверь постучались. Это был дядька Мишка-зоотехник.

— Ирина, вот возьми. Это Косте передачка. При сотрясении мозга — мед и грецкие орехи лучшее лекарство.

— Да ну, зачем!.. — запротестовала мама.

— Возьми. Проведай да возвращайся… Думаю, пора обговорить наши личные дела. — Зоотехник переминался на пороге. — У меня дом, хозяйство. Нужна хозяйка, а ты без работы. Да и твоему оболтусу дело найдется. Он вроде хваткий. — Зоотехник торопливо выложил свои аргументы, не давая маме вставить слово.

— Нашел время… Ты вообще о чем, Михаил? — раздраженно сказала мама. Тут из-за ее спины возник я, мать совсем стушевалась: — Ну, ладно, ладно… Все, мы торопимся. А за орехи спасибо. Пригодятся мужу... — Мать подчеркнуто сказала «муж» и аккуратно закрыла перед дядькой Мишкой дверь.

— Он что, пристает к тебе? — со злостью спросил я.

— Не болтай глупости! — возмутилась мать.

— Козел старый! — Мне вдвойне стало обидно за батю. Он только из реанимации, а этот скотовод со своими орехами к мамке свататься пришел. — Коз-зел…

— Давай, пакуй свои вещи… Книги возьми хоть для вида.

Собрались. Адрес больницы узнали по интернету. Мама звонила в Пермь, но телефон молчал, там же во времени с нами два часа разница.

— Доберемся! — сказала мама с решительностью, которой я от нее не ждал. — Язык до Киева доведет, как говорил твой дед Кирилл. А до Перми — тем более.

На поезде до Перми надо было добираться с пересадками — трое суток. Поезд с вокзала в райцентре отправлялся рано утром — маршрутки в это время не ходят, такси — дорого, пешком — часа полтора. А с двумя огромными сумками вообще не вариант. Попробовал поднять обе сразу, но убедился, что я все-таки заморыш. Хотя, конечно, эти два дня так пахал, да и с Амбалом была махаловка… Потому все тело болело.

Мама обзвонила знакомых — неудачно: у кого-то машина сломалась, кто-то был выпивший, кто — без страховки. Было несколько звонков и матери, в том числе от Завмага. Я не знаю, что говорил ей этот самый Артем Артемович, мамино лицо не выдавало никаких эмоций. Она сказала мне:

— С транспортом решили…

От Маришки пришла эсэмэска: «Кир, счастливого пути! Возвращайся, я жду». И все…

На вокзале опять — полиция: я не террорист, но на гастарбайтера похож

Ночью перед поездкой мне снилась всякая всячина — в стиле фэнтези: когтистая судьба-злодейка, чахлая моя воля в виде бомжа-бурлака, безденежье в форме болотистой лужи. Но папа почему-то не приснился. А я ждал. Ну ладно, скоро и так увижу.

Рано утром за нами заехал сам Завмаг! Я удивился, если честно. Хоть он к бате моему относился хорошо — одноклассник и все такое, но Артемович все-таки капиталист…

Сели в его «мерс» как белые люди. Я, чтобы как-то оправдать пользование «мерседесом», спросил Завмага:

— Этот «мерс» отец ремонтировал?

Завмаг засмеялся:

— Этот-этот…

— Артем Артемович только недавно купил новую машину, — сказала мама с некоторым укором в мой адрес.

Я вжался в сидение и молчал, потому что вспомнил, как поселковые пацаны бегали смотреть крутой «мерс» возле «Гипермаркета». Ну да… Конечно, папа другого «мерина» ремонтировал. Но ведь ремонтировал же! Все не смогли, а он сообразил — без диагностики!

На вокзале к нам сразу подошли полицейские.

— Сними очки, солнце еще не взошло, — сказал один со звездочками, другой рассмеялся.

— И не щурься так, говорят же тебе, солнце еще не взошло, — подначивал полицейский, намекая на мой заплывший глаз.

Сравнили мою разрисованную физиономию с паспортом. Он у меня был новенький, только что получил. В торжественной обстановке. Я, честно сказать, волновался сильно, когда мне его вручали. Тогда у меня было такое ощущение, что раз получил паспорт, так сразу и повзрослел. Но после получения паспорта я резко не повзрослел, не перестал ощущать себя заморышем. Жаль…

И тут, на вокзале, я сильно волновался. Что я, позорник, полицейских боюсь? Я же ростом метр восемьдесят уже, выше сержантика и наравне с его начальником.

Так! Где моя воля, смелость? Как победить страх? И почему, блин, страх мужского рода?

Пока я разбирался со смелостью и волей, мама с некоторым волнением объяснила происхождение моего синяка. Сказала, что мы едем к отцу, который в реанимации, начала доставать справку с печатью из школы.

— Гражданка, не надо нам рассказывать всю биографию вашей семьи, — успокоил ее старший, со звездочками на погонах. — Вижу, что не террористы…

— Но на гастарбайтеров похожи, — неуместно хохотнул другой полицейский.

Наряд удалился дальше проверять отъезжающих и провожающих.

— А при чем тут гастарбайтеры? — спросил я маму.

— Ну, так по разрезу одного твоего глаза определили, — мама мягко улыбнулась, наверное, чтоб не обидеть меня. — Хотя, может, и придется нам на Урале стать гастарбайтерами…

Я с мамой не согласился, потому что представлял, какие они из себя, эти гастарбайтеры. По телику показывали — метут Москву, строчат в каких-то подвалах шмотки, на стройках пашут Рафшанами.

Ладно, мне не до них. У меня — другое. Честно говоря, ехал на поезде впервые. Наш плацкартный вагон сначала был почти пустой. Я, конечно, забрался на верхнюю полку. Думал, сразу засну. Но стук колес мешал.

Мама тоже не спала — даже не прилегла. Все смотрела в окно. Что там виделось, описывать не стану. Простые мелькающие картинки. Но мама, кажется, плакала. Ну почему она все время плачет? Вот вчера, когда отшила дядьку Мишку зоотехника, была решительная. Я вспомнил наставления Завмага: решил — действуй! Мне понравилось. А сейчас чего плачет? Судьбу свою оплакивает или потому что папа — в тяжелом состоянии?

От этих мыслей отвлекла эсэмэска, писал рыжий: «Кир, привет! Ты что, уехал к отцу? Почему не сказал? Мне Мышка сообщила. Ленка спрашивала про тебя. Пока».

Ха-а-а… Ленка спрашивает. А ей какое дело? Пусть с Амбалом тусуется. Хотя, конечно, мне было приятно, что Ленка обо мне вспоминает. А что, у папы Завмага слабо спросить?

А сам Артемович, вообще-то, молодец. Лично приехал в такую рань, отвез нас на вокзал. И о бате говорит хорошо: «Мастер-золотые руки». Зоотехник, конечно, тоже нормальный мужик — и мне копейку дал заработать (ну что ж, что в навозе пришлось копаться — это не так и позорно), и мед с орехами отцу передал, и о дедушке моем Кирилле говорил: «Великий пахарь». Но… оба они, и Завмаг, и зоотехник, мне не нравились тем, что уделяют маме какое-то подозрительное внимание. Дядька Мишка так прямо и говорит: «Личную судьбу надо устраивать». Вот козел!..

А мама между тем спохватилась:

— Как же я забыла Гале сказать. Орехи-то на подоконнике начали, кажется, проклевываться. Засохнут ведь…

— Так ты эсэмэску скинь ей.

— Точно! — И мама написала: «Галя, присмотри за квартирой. Ключ под ковриком. Поливай орехи на окне в ящике».

Мама успокоилась по поводу прорастающих орехов, а я — потому что увожу ее от потенциальных женихов — к отцу моему. Ну и сам сматываюсь от Амбала подальше. С этими мыслями я заснул, точнее, просто вырубился. Спал, как потом мама говорила, часов двенадцать. Она попробовала разбудить меня, не получилось. Даже проводницу позвала, а та пришла почему-то с полицейским, а не с медсестрой. Медики, оказывается, в поезде не положены. Все прислушивались к моему дыханию.

— Просто спит, — сказал авторитетно полицейский. — Видно, у пацана трудный день был.

Он был прав: последний день выдался у меня трудным, и предпоследний — тоже. Главное, и сон у меня был какой-то трудный. Я во сне упорно пытался управлять как бы другим сном: хотел увидеть папу. Не получилось. Я злился на себя — и здесь, как заморыш, не могу справиться даже со сном. Так и не увидел отца. А снились мне, блин, гастарбайтеры из телевизора, как их полицейские вытаскивают из подвалов и — в автобус. Ну и на фиг они мне нужны были, эти мигранты?..

Маленькая Эротика, мамина песня и я — неадекват

К вечеру мой сон прервал шум — на очередной станции ввалилась веселая компашка. Как потом выяснилось, молодежная фолк-группа. В основном девчонки. Красивые! Они разместились рядом с нами. Я свесился головой в проход и наблюдал. Ни одна из девушек не была похожа на Ленку. И на Маришку — тоже. Ха, что это я Маришку часто вспоминаю?

Мне стало совестно: отец мой — только что из реанимации, а я думаю о девчонках. Он, конечно, выкарабкается, он — худой, но жилистый. Но девчата сейчас не в тему. А тут само собой в голове завертелось:

Девочки и мальчики,
дуры и обманщики….

— Девушка, присоединяйтесь, — сказал кудлатый парень из компании, обращаясь к моей маме. Я сначала и не понял, что «девушка» — это к ней. — Прошу к нашему шалашу. — На столике появилась целая упаковка пива.

— По пивасику, красивая… — обратился он к маме запросто. Ну, козел безбородый, туда же. Злился я, а сам смотрел сверку на девчонок — кое у кого виднелась, так скажем, эротика.

— Спасибо, но я пива не хочу, — грустно, однако достойно ответила мама.

— Понимаем. У вас, наверное, серьезные проблемы, — сказала одна из девушек с маленькой эротикой в вырезе кофточки. — Но если вы сейчас не можете разрешить эту проблему, оставьте ее. Решение созреет и придет само.

— Да, конечно, — согласилась мама.

— Проблема с вашим парнем? — кивнула эта Маленькая Эротика в мою сторону и каким-то неуловимым движением рук дала понять, что речь идет о моей физиономии с роскошным синяком.

— Нет, это не проблема, это синяк, — сказала мама девушке, которая, собственно, уже ее не слушала, но мы встретились глазами. У меня заколотилось сердце. «Ё-моё!..» Я пялился на нее, если можно сказать так про мой заплывший глаз. Она беззаботно улыбалась и украдкой посматривала на меня. Из спортивного интереса, наверное.

Тем временем к маме подсел кудлатый балагур с гитарой. Начал перебирать струны.

— Вы, наверное, сельские?

— Ну, в известной степени… — неопределенно сказала мама, а я хотел было уточнить, что мы из поселка городского типа, но сдержался.

— На селе поют еще вот такие песни. Музыка народная, слова народные.

Он начал напевать: «Ты, река ли моя, чиста реченька…»

Фантастика, но эту песню пела моя мама. Она сначала удивилась, потом запела вместе с парнем — негромко, но выразительно, рельефно, что ли… Каждое слово было понятно.

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься.
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься…

Они пели и почти влюбленно смотрели друг на друга. Такого поворота я не ожидал. С одной стороны, я понял, какая у меня мама молодая и красивая, с другой — это «измена родине»! Отец только что из реанимации, а тут песни, влюбленные взгляды! Я про себя возмущался, но боялся что-то предпринять. Блин, я же офицером хочу когда-то стать, а офицеру нельзя быть трусом!

Меня как ветром сорвало с верхней полки, и я очутился перед кудлатым:

— А ну отвали от нее! — В руках у меня оказалась пустая пивная бутылка.

— Ты что, Кирилл… — всполошилась мама.

— А ничто! Отвали!..

— Да я и не подваливал, — попытался сострить певец. — Неадекват какой-то…

— Ребята, пошли отсюда! — это Маленькая Эротика предложила. — Все какие-то проблемные…

Компания быстро перекочевала на другие места полупустого вагона.

— Кирилл, ты что творишь? — закричала мама. — Ты что меня позоришь?

— А что он пристает к тебе?

— Тебе постоянно мерещатся какие-то приставания! — горячилась мать и в то же время переходила на шепот. — Это нормальные человеческие отношения… А ты как дикарь! Что, только что с дерева слез?

Я молчал. Если по-честному, я ревновал мать как бы от имени отца. Батя только что из реанимации, а она… А что она? Ну, дядька Мишка-зоотехник орехов передал, ну, подвез нас Завмаг на «мерседесе», ну, спела мамка песню с этим балалаечником. И все? Кстати, откуда он знает эту песню? А, ну да — это ж фолк-группа, народные песни собирает.

— Мам, ладно, — примирительно сказал я. — Ну, погорячился. Отец же болеет, а мы…

— А что — мы? Я еду именно к твоему отцу, Кирилл, а не своему мужу… Он мне не муж уже десять лет. А я лезу со своей помощью!

— Ну ладно, мам… Тебе даже поп сказал, надо ехать.

— Не поп, а священник! А сказал он так, потому что я спросила, потому что сама хотела.

У меня не было желания пререкаться с матерью, а она продолжала:

— Приеду со своей помощью к бате твоему, а там его жена. И что?

— Мам, ну Завмаг же говорил, что за ним некому присматривать.

— Это пока отец твой больной — некому, а как выздоровеет, так найдутся…

— Мам, ну хватит…

Нас прервала Маленькая Эротика. Она нырнула к столику, выцепила оставшуюся там бутылку с пивом и удалилась без слов. Даже не глянула в мою сторону. Обидно. Мне вспомнилось:

Девочки и мальчики,
дуры и обманщики….

За перегородкой снова зазвучала гитара, снова — песня: «Ты, река ли моя, чиста реченька». Как будто мне назло. А может, это для мамы?

Мы молчали. Я вдруг обнаружил, что до сих пор в руках держу пустую пивную бутылку. М-да… Опять чуть не получился боевик — второй за два дня. Хотя, какой боевик? Я сам себе признался, что бутылкой бы не ударил этого народного артиста. Убить же можно! Он же не Амбал, ничего такого мне не сделал. И вообще, этот парень мог бы меня легко завалить. Я посмотрел на свои тощие руки-макаронины, ощутил себя заморышем с йододефицитом.

Подальше от этой малоприятной мысли я забрался на свою верхнюю полку и попытался уснуть. За перегородкой слышался шум компании. Перед глазами все маячила Маленькая Эротика.

Тут пришла эсэмэска. «Наверное, от Маришки», — с тоской подумал я, явственно представляя за вагонной перегородкой Маленькую Эротику. Даже телефон не достал из-под подушки. Ну что она пристала ко мне, эта Мышка? Так я назвал Маришку впервые за последнее время. Ладно, посмотрю: что там пишет…

У-п-с! Это была… Ленка: «Кир, привет! Как ты? Мы тут все переживаем за тебя». И смайлик в виде сердечка. Я аж разволновался. Надо же, смайлик-сердечко? Может, прикалывается? Я вспомнил «макаронины», «заморыша»… Наверное, хочет похохмить. Что ей ответить? Напишу: «Нормально», безо всяких бабских сердечек.

Оба-на… Батарейка в телефоне полностью разрядилась. Не ответишь Ленке.

Волга есть Волга — без вариантов

От досады, что не удалось ответить Ленке, я заснул. И снилось мне, будто переплываю какую-то лужу, похожую на лужу безденежья из моего детства. Но запутался, в пуповине или в водорослях? Хотя, какие водоросли в луже? И напрягаю я волю наподобие бурлака-бомжа. Барахтаюсь изо всех сил — я ж гиперактивный! А судьба — суровая тетка в сером балахоне, руки скрестила, губы поджала и смотрит сверху. И как бы в стороне — Маленькая Эротика, что за перегородкой в соседнем отсеке вагона. И кудлатый балалаечник, то есть гитарист, в роли рыцаря. Короче, какой-то бестолковый фильм фэнтези.

А за окнами крутился реалистический фильм: проплывали деревеньки, поселки, городки и города. Но я этого не видел — дрыхнул.

Уже весь вагон проснулся. Пассажиры сновали туда-сюда. Звон стаканов с чаем, хлопанье туалетными дверями, лязг, врывающийся из тамбуров. Я неохотно выползал из сна.

Вдруг по вагону пронеслась какая-то необъяснимая волна. Грохот поезда стал гулким и объемным, что ли. Состав вынесло на железнодорожный мост.

— Волга, Волга, смотрите… — многие пассажиры прильнули к окнам, я тоже встрепенулся и прилип к стеклу.

Ну, по моим меркам это была не река, а просто настоящее море! Правда, и море я видел только по телевизору. Но все равно, сравнить есть с чем.

— Константинович, смотри! Волга! — Это мама моя с нижней полки и с восторгом. Если она назвала меня Константиновичем, значит, простила, не дуется на меня.

— Да… вижу! Ну, нехило! Целое море! — не скрывал я эмоций. — Смотри, мам, и корабли настоящие.

— Теплоходы, — уточнила она, — катера…

За перегородкой снова послышалось: «Ты, река ли моя, чиста реченька…» Мама глянула на меня и, улыбаясь, начала тихонько подпевать.

Реально через Волгу переезжаю. Ну, на уроке географии будет о чем рассказать, если что. Неожиданно для себя вспомнил школу. Недавно проходили тему про реки — «внутренние воды», кажется.

Мама сходила к проводникам, за отдельную плату у них можно было зарядить телефон. Взяла и мой. Сразу посыпались мне эсэмэски.

Ха-а-а! Опять Ленка: «Что молчишь, Кир? Все нормально?» И смайлик — сердечко. От Маришки: «Привет, Кир! Сообщи, как дела». Здесь без смайликов-сердечек. Хотя я помню, как она с цветком сирени прибегала ко мне. Зато рыжий Денис наслал всяких — черепа да машинки и просто «Привет». Ну, Дэн, несерьезно. Я ему так и написал: «Пора взрослеть ☺☺☺». Денису тоже четырнадцать лет, и паспорт имеет, а все в машинки играет. Хотя машинки, конечно, прикольные…

Надо Маришке ответить: «Дела нормально. Проехали через Волгу. Сила! Всем привет».

«Не Волга, а Кама. При слиянии — Кама больше Волги, значит, Кама», — тут же последовал ответ от Маришки.

Ну, Мышка удивила! Туфту гонит. Я засомневался, спросил у мамы, все-таки институт окончила.

— Я тоже это где-то когда-то слышала, что Волга впадает в Каму, а не наоборот, — сказала мама. — В месте слияния Кама полноводнее и шире. Значит, географически правильно, что это Кама, а не Волга. А по сути — антисоветчина.

— Чего-чего? Анти… чего? Антисоветчина?

— Ну, это я образно, — засмеялась мама. — Волга — это Волга, без вариантов!

Короче, я совсем запутался. Эта Маришка мозги мне вывихнула.

Кстати, надо и Ленке ответить. Написать этой Звездной Звезде для хохмы, что она не самая красивая? Есть еще красивее? Например, Маленькая Эротика из соседнего отсека. Нет, не буду, может, она и самая красивая. Я написал ей просто: «У меня все отлично!» И все, хватит. Я помню про свои конечности-макаронины, ну и про многое другое.

Ладно, хватит об этих бабах, в смысле, о девчонках. Отец тут тяжело больной, а они лезут в голову. Хотя у меня была уверенность, что батя выкарабкается. Он хоть худой, но жилистый.

— Ну вот, Константинович, Галя скинула мне эсэмэску. Артем Артемович дозвонился до Перми. Косте, папке твоему, лучше. Но весь в гипсе, нужен уход. Написала, что Артемович снова Сергея в грузчики взял, тот пить бросил.

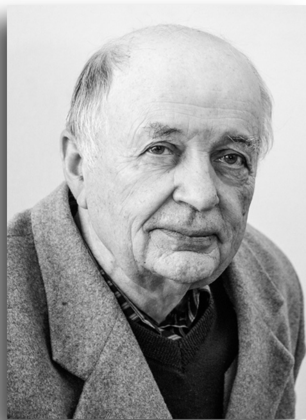
— Ну, все последние новости поселка Лесостепного и города Перми, — посмеялся я, довольный, что отец идет на поправку. Хотя еще перед выездом на Урал мы знали, что отца перевели из реанимации. Хорошо также, что Завмаг снова принял на работу дядьку Сергея. А то грузчик ведь, можно сказать, из-за меня пострадал.

— Ты бы хоть учебник какой-нибудь достал, — испортила настроение мать. — И так школу прогуливаешь. Двое суток балду гоняешь.

Я вытащил учебники и стал лениво их листать, не зная, на чем сосредоточиться. Мысли были о другом. Как я встречусь с отцом? Как он отреагирует на наше с мамой появление? Может, и вправду его жена уже там сидит, а мы — здрасьте, — нарисовались?

«Но это мой отец, мой! Я еду к нему», — так сам себе доказывал свое право. Напряг свою волю в форме бомжа-бурлака, набычился. А она, воля, подстегнула фантазию. И пошло-поехало: из нашего поселка, который «ни к селу ни к городу», прямо над строящейся церковью, где мы с рыжим Денисом работали, поперла воля-мечта меня через Волгу (или через Каму?). Доставила прямо к больнице, где лежал загипсованный отец. Но это — в фантазиях, а в реале поезд нес меня на Урал, конечно, не со скоростью мысли, но все-таки быстро. Ветер врывался в приоткрытое окно и теребил раскрытый учебник географии. Наверное, призывал убедиться, что Волга — это Волга, а не Кама. А я и не стал листать книжку — сказала же мама: Волга — без вариантов.

Окончание следует.



Казимир КАМЕЙША

Моя Неманина

Река

Как призраки во тьме стоят стога,
Молчит земля и птица не взлетает.
Река все та же, те же берега —
И лишь вода в реке уже другая.

Уже азарт ее давно не тот,
Но те же снова суетятся тени.
Над нею ива снова оживет
В весеннем долгожданном пробужденьи.

Какой порыв был и какой размах!
Она неслась вперед что было мочи.
Молитвою плыла в колоколах
И сон с меня срывала среди ночи.

Она была и с накипью беды,
И со слезой, то горькой, то соленой,
Бывала с гневом вздорным, молодым,
И резвою была, и утомленной.

Она вперед стремилась за мечтой
И плот тянула сколько было силы.
Здесь плотогон здоровый, молодой
Состарился и стал больным и хилым.

Я сам когда-то резвым ручейком
Сюда бежал на зов улыбки милой,
Когда девчонка темным вечерком
Здесь ножки свои беленькие мыла.

Когда тонула лодка и беду
Я шапкой рваной вычерпать пытался,
Ты бушевала, будто бы в бреду,
Но я был сильный — я тебе не сдался.

Давно мне что-то страшно за тебя
И страшно за себя порой бывает.
Поешь ты грустно песни про себя,
Верба тебе тихонько подпевает.

Не раз кромсало время берега,
Но русло каждый раз река находит.
Стоят, как встарь, по берегам стога,
Молчат и видят все, что происходит.

Ты будешь мой челнок качать всегда
И летом намывать песок на пляже.
Бежит, струится новая вода,
А вот река, как и беда, все та же.

* * *

Алле

Вечерний мрак ложится под глазами,
Грешу и каюсь — и опять грешу…
Но что бы в жизни ни случилось с нами —
Терпи меня, любимая, прошу.

Хоть это, знаю, так бывает сложно.
Я сам терпел и сам страдал не раз.
Но что прошло, исправить невозможно:
Оно живет, наказывая нас.

Душа все стерпит. Как бы ни устала,
Я — не могу: устану — упаду.
Кому-то рай давай — и будет мало,
А мне — так лишь бы не сгореть в аду.

Чтоб вечно солнце яркое светило
И всех ждала удача впереди,
Чтоб детское лицо смеялось мило,
А женское дремало на груди.

Нет рая на Земле — есть много дряни,
И лжи, и зла, и всяческих преград.
Когда однажды сел не в те ты сани,
То в этом добрый конь не виноват.

Свою имей и долю, и дорогу,
Свой тяжкий крест и свой иконостас.
У каждого своя молитва к Богу
И голос свой у каждого из нас.

Сомнений мрак развеется, я знаю,
Ведь я тебя по-прежнему люблю.
Терпи меня. Прошу тебя, родная.
Как сам себя всю жизнь свою терплю.

Птица ее весны

Памяти Евгении Янищиц

На угрюмом пепелище
Стежка в травы заплыла.
Женя, Женечка Янищиц…
Сколько в имени тепла.

С тихой песней, как с сестрою,
По весне бежит она
В платье легкого покроя,
И сама как та весна.

Если ты в высоком ранге —
Будь попроще, Бог с тобой!
Но, увы, не каждый ангел —
Если крылья за спиной.

У нее ж, как у стрекозки,
Крылья светятся слюдой.
Сквозь дожинки, сквозь докоски
Взлет веселый, молодой.

А над Ясельдой узоры
Гаснут грустно, как во сне.
Черный шарфик Айседоры
Ей приснился по весне.

И судьба весы склонила
Той судьбе ее назло.
Черный шарфик уронила
Ей на белое крыло.

Неманина

За берегом Немана стонут леса
И в небо возносят вершины.
Сплелась колтуном, одичала лоза, —
Уснула моя Неманина.

Мне дикость за верность не выставит счет,
Я берег в беде не покину.
Поет он и плачет, а Неман течет,
Бежит через всю Неманину.

Над ней соловей по весне не поет,
А летом птенцов не выводит.
Беда, что учтиво обходит ее, —
Меня никогда не обходит.

Покрытая тиной, страшнее болот,
Столетней вербе по колено,
Там старая щука из сказки живет,
Покрытая мхом, как полено.

К коряге она приросла чешуей.
А может, ее уже нету?
Что было когда-то великой рекой,
Давно уже кануло в Лету.

Погрузишься в мысли под тенью ракит
Замрешь, как скала вековая, —
И видишь, как лилия свечкой горит,
Крыло стрекозе обжигая.

В свой срок распустилась она или нет —
Я с летом не спорю, однако
Мне этого света хватает вполне,
Чтоб выйти из вечного мрака.

Вспорхну над раздольем твоим, словно стриж, —
И взору предстанет картина.
Что ты не погибла, а гордо шумишь,
Немая моя Неманина.

* * *

Живет на Земле моя мама,
Ходит по белу свету,
Каждое утро упрямо
Ведрами будит планету.

Снова ее оставляю,
Еду в чужие края.
Мама моя молодая,
Мама моя золотая —
Старая мама моя.

Нежно люблю все лесное —
Сам не лесной я давно.
Нет в жизни счастья со мною,
А мама все время со мной.

Легкого видела мало —
Жизнь у нее — не мед…
Живет на Земле моя мама —
Мама меня бережет.

* * *

Отлютует мороз,
Потеплеют прогнозы.
И польются с берез
Золотистые слезы.

Глянет солнце в окно,
Прямо в горницу нашу,
И наполнит вином
Следа снежного чашу.

Вот незримая нить
Вдаль веков убегает.
Что нельзя возвратить —
Память вновь возвращает.

Перевод с белорусского
Михаила КУЛЕША.

Валерьян КИСЛИК

Призрак виллы Медичи

Рассказ

Я бы и сам не поверил в эту историю, если бы не услыхал ее из уст очень близких мне людей, в правдивости и честности которых никогда не сомневался.

С тех пор как мама Насти и Любаши уехала на постоянное жительство в Германию, они пользовались любой возможностью, чтобы хоть раз в году приехать туда повидаться и заодно посмотреть на Европу изнутри.

И в этот раз Настя, найдя дешевые билеты и взяв сына, поехала навестить маму. Но был у нее и еще один резон. Очень хорошая знакомая по Минску, Саша, вышла в свое время замуж за французского фотохудожника и жила в Париже. В том году, о котором идет речь, муж Саши выиграл грант, и министерство культуры Франции отправило его в Рим на виллу Медичи для реализации своего проекта. Как известно, последним владельцем виллы был кардинал Фернандо Медичи, но при наследниках его она была заброшена. Новый расцвет начался лишь тогда, когда в 1832 году по указу Наполеона вилла отошла к Французской академии художеств. Академия предоставляла молодым художникам, получившим Prix de Rome («Римскую премию»), возможность провести на вилле некоторое время, занимаясь изучением античности; тем самым вилла стала местом поощрения искусств.

Если не заниматься углубленными исследованиями, то в общих чертах история виллы выглядит так. На том месте, где сегодня расположена вилла, в конце республиканского периода римский полководец и фаворит Суллы Луцио Луцинио Лукулл велел разбить сады. В прежние времена, как видите, полководцы разбивали не только врага, но и сады. И между 66 и 63 гг. до н.э. приказал построить там большой дом.

Во времена Клавдия некто Валерио Азии разбил там сад с террасой. Жена императора, Мессалина, решила обманом завладеть территориями и с этой целью оклеветала собственника. Желаемый сад не принес ей счастья. Мессалина была там убита солдатами по распоряжению мужа.

Территория виллы находилась в имперской собственности до времен Траяна. С III века и до падения Римской империи территория с постройками и садами переходила от одного влиятельного рода к другому, а с падением империи пришла в запустение.

В 1564 г. участок был приобретен кардиналом Джованни Ричи Монтепульчано. Он пригласил флорентийского архитектора и велел ему построить впечатляющей красоты дом, который бы включал часть более ранних построек. Работы не были завершены: в 1574 г. кардинал скончался.

Двумя годами позже землю со зданием купил кардинал Фернандо Медичи, который нанял еще одного флорентийского архитектора, чтобы тот построил

шикарный дворец. В 1578 г. кардинал стал герцогом Тосканы, так и не успев реализовать свои задумки. А уже в 1803 г. наследники его выставили виллу на продажу.

И вот Саша с детьми жила на этой самой вилле. Настя решила воспользоваться обстоятельством и полетела в Рим. Но все с самого начала стало складываться не очень удачно. Настя надеялась, что сможет отоспаться у мамы и у Саши. Особенно не хватало ей этого послезимнего периода. Но ни у мамы, ни у Саши как-то не получалось. Ну ладно, все-таки Рим, все-таки вилла Медичи. Не очень повезло и с погодой.

Буквально на следующий день, когда Настя возвращалась с прогулки, она неожиданно испугалась: на дороге, ведущей к вилле, увидела очень знакомого человека. Она была уверена, что знает его, но никак не могла вспомнить. Это был мужчина уже в возрасте, с печальным выражением лица. На нем был черный парадный костюм, а руки скрещены на груди. Он стоял вполоборота, и поэтому виден был только его левый профиль. Подумала: не стоит зацикливаться на этом. Ведь когда молодая и красивая женщина всматривается в мужчину, может возникнуть двусмысленная ситуация. И тогда она решила обойти вокруг, чтобы ненароком просто взглянуть мужчине в лицо. Но по мере того как она обходила его, мужчина каким-то образом оставался повернутым к ней левой стороной. Она чувствовала, что вот-вот поймет, кто он, но не могла продолжать эту игру и прошла мимо к вилле. Направилась к массивным чугунным воротам, набрала код, подождала, пока дверь откроется, прошла в нее, зафиксировала, когда дверь, наконец, вернется на место, и успокоилась: все волнения и тревоги остались за чугунными воротами. Не стану углубляться в проблему механизма вспоминания. Но очень часто, а может быть, и всегда, у человека возникает не портрет, а вспоминается какая-то второстепенная деталь, связанная с этим человеком.

И все, может быть, так и осталось бы загадкой, если бы на следующий день она не увидела этого человека на том же самом месте, как будто он его не покидал. И тут поняла, что он как-то будет связан с событиями ее дальнейшей жизни, и поэтому необходимо выяснить, кто же этот человек. И чтобы упростить задачу разглядывания, Настя решила тайно сфотографировать его и в спокойной обстановке, не привлекая к себе внимания, рассмотреть человека.

Время в Риме пролетело быстро, и в четверг Настя должна была улететь в Дортмунд к маме, но в аэропорту случился пожар, рейс отменили и заявили, что могут либо вернуть деньги, либо перерегистрировать на тот же рейс, но на субботу. Пришлось согласиться на субботу. Но невезение не отменяется, а повторяется: в субботу рейс снова отменили. Ни отеля, ни питания компания не предоставила, сославшись на то, что она не виновата в отмене рейсов. Надо было возвращаться на виллу. Опытные люди посоветовали ей брать билеты на другой рейс. Но так получилось, что другой рейс был только до Кёльна, а оттуда надо было бы поездом добираться до Дортмунда.

И вообще, ей уже хотелось домой, в Москву. Кроме всего прочего, в Москве ее ожидал племянник Сашенька, сын сестры Любаши, духовным воспитанием которого Настя занималась с его самого раннего возраста. Сейчас ему исполнилось шесть лет, но в музеи, на детские спектакли и даже в оперу она водила его, как только он созрел для этого. По возвращении в Москву Настя обещала сводить его еще раз в Третьяковскую галерею, многие картины которой он уже знал. К этому времени в Москве потеплело, что способствовало улучшению настроения.

В один из погожих майских дней они направились с Сашенькой в Третьяковку. В музеях и галереях не принято громко говорить, но ребенок выражал свои чувства вслух, когда видел уже знакомую картину. Так они вошли в зал, где находилась одна очень известная картина. В этот раз на ее месте висела табличка: «Картина Пукирева В. В. «Неравный брак» на реставрации». И вдруг как будто молнией прошило: все вдруг срослось, все озарилось ярким светом. Она явственно представила, кто этот человек, и снова испытала испуг, граничащий с обмороком. Грохнулась бы на пол, если бы не свободный стул смотрительницы залов. Проходившая мимо сотрудница галереи бросилась к ней:

— Женщина, вам плохо?

Стакан воды привел Настю в чувство, она протянула руку в сторону таблички и сказала:

— Я догадываюсь, почему картина на реставрации.

Сотрудница галереи не стала задавать вопросы, не стала ничего выяснять, позвонила директору и сообщила, что в зале, где картина Пукирева, есть женщина, которая может что-то сказать по этому поводу…

Примерно за десять дней до этого, когда Настя прибыла на виллу Медичи, произошли следующие события.

Город-герой Тула направил делегацию ветеранов Отечественной войны в Москву на празднование 70-летней годовщины Великой победы над фашизмом. В этот раз решили предоставить ветеранам все возможности, чтобы они почувствовали настоящий праздник. Из всей группы шесть ветеранов выразили желание посетить Третьяковскую галерею. Родились они в Туле, потом война, потом послевоенная разруха, проблем хватало. И так случилось, что в Москве никто из них не был. Просьбу удовлетворили. И понимая, что ходить ветеранам по залам будет трудно, решили, что волонтеры будут возить их в креслах на колесах. Таким образом, они ездили за экскурсоводом по залам и не думали о боли в коленях, а внимательно слушали обстоятельные рассказы о художниках и картинах.

Вслед за своим экскурсоводом они въехали в зал, где никого из обычных посетителей не было.

— Я хочу рассказать вам о художнике, который стал очень известен благодаря, главным образом, одной картине и который, кстати, является вашим земляком. Речь идет о художнике Василии Владимировиче Пукиреве. Родился он в селе Лужники Тульской губернии в 1832 году в крестьянской семье. С малых лет он наблюдал тяжелую жизнь народа, особенно крестьянства, что существенно отразилось на тематике его живописи.

Пукирев первоначально учился в Могилеве у иконописца, затем занимался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Но вошел в историю русской бытовой живописи благодаря одной известной вам картине — «Неравный брак». Картина остро воссоздает драму «бесприданницы», насильно выдаваемой за богатого сановника. Лучшим же свидетелем появления такой картины, о которой заговорило все русское общество, является В. В. Стасов, видный деятель отечественной культуры второй половины XIX века: «Неравный брак», пишет В. В. Стасов, одна из самых капитальных, но вместе с тем трагических картин русской школы. Что может быть проще взятого тут сюжета? Продажа и покупка невесты — это ли не сцена, которую всякий видит чуть не каждый день? И, однако, никто раньше Пукирева не запечатлел ее на веки веков на полотне: так все заняты были греческими героями и христианскими мучениками, будто и тут не герои и не мученики… Все русское общество горячо схватилось за эту картину и сразу же полюбило

ее. Академия принуждена была поскорее присудить Пукиреву профессорский диплом, даром что тут явилось одно из самых волнующих дел: изображение ничтожной «домашней сцены» в размерах самой натуры… Это ли не торжество новой школы? Произнося эти слова, принадлежащие В. В. Стасову, экскурсовод направилась к картине и стала спиной к ней, как обычно, и лицом к слушателям: она знала каждый мазок, каждый штрих на ней.

Проведя рукой по воздуху, она продолжила:

— Как много горя и жестоких страданий приносили подобные браки своим жертвам. Сколько трагедий породили они в прошедшие времена! Тема неравного брака прошла через все русское искусство.

Многих выдающихся мастеров слова, кисти, музыки захватывала эта тема своей трагичностью. А. С. Пушкин затронул ее в повести «Дубровский». С огромной силой отражена трагедия русской женщины в ряде произведений великого толкователя народной жизни Н. А. Островского. И, наконец, свое наиболее глубокое социальное осмысление тема эта получила в творчестве Н. А. Некрасова. Какой неизбывной болью звучат строки о тяжкой женской доле в таких произведениях, как «Страда деревенская» или в поэмах «Кому на Руси жить хорошо» и «Мороз, Красный нос».

Полутемная приходская церковь. Тонут в окружающем мраке предметы церковной утвари…

Она еще долго говорила о главных действующих лицах картины. И уже в завершение своего рассказа обратилась к персонажам вроде бы второстепенным, но тоже важным.

В основу работы над картиной художником было положено действительное событие — история несчастной любви друга Пукирева Варенцова. Как отмечают исследователи творчества В. В. Пукирева, за год до создания картины состоялось обручение богатого фабриканта с молоденькой девушкой из бедной семьи, с некоей С. Н. Рыбниковой, возлюбленной С. М. Варенцова. По неким причинам девушка вышла замуж не за любимого человека, а за богача-фабриканта, на долю же ее возлюбленного выпала роль шафера на этой свадьбе. Лицо шафера было легкоузнаваемо — Пукирев писал его с натуры. В другом же мужчине, справа от невесты, угадывались черты самого художника…

Справедливости ради следует сказать, что Софья Николаевна Рыбникова была дочерью богородского купца, а возлюбленным ее тоже был купец С. М. Варенцов. Но родители предпочли ему более богатого и известного в торгово-промышленном мире купца — А. А. Корзинкина. Было также известно, что Андрей Александрович Корзинкин был человеком расчетливым, но с мягким и доброжелательным характером.

И тут один из ветеранов поднял руку:

— Простите, вы сказали, что справа от невесты художник изобразил себя…

Экскурсовод впервые повернулась к картине и рухнула на пол: ветераны просто не успели подхватить ее. Дело в том, что на картине, где изначально и навсегда была изображена печальная фигура художника, на этом месте был мрак и более ничего! Художника не вырезали — была бы дыра. Он просто материализовался и сам покинул картину! Причем не картину, а церковь, — остался мрак за спиной у художника, куда не проникал слабый свет свечей, заслоняемый им. Дальше все понятно: вызвали полицию, позвонили «на самый верх»…

На самом верху попросили не разглашать особенно происшествие в галерее, хотя понимали (там всегда все понимают и обо всем догадываются), что

отвлечь народ от насущных проблем и от международной обстановки не так и плохо. А руководство галереи понимало все по-другому. Другое время наступило. И по Москве поползли слухи. Сейчас очень многие поверили в чудеса. Не в то, что, мол, жили плохо, а будем жить хорошо. Стали верить в чудеса после того, как развалился «союз нерушимый». Если бы он ушел с картины, то остался бы белый грунтованный холст. Он ушел с венчания, и на его месте осталось темное пространство, не освещаемое слабым светом свечей.

В результате приток посетителей в Третьяковскую галерею значительно возрос. Как показал опрос, повысился как раз за счет тех, кто никогда в галерею не ходил, что послужило поводом для новой волны слухов, подтверждающих чудо. Нет на картине художника, а говорят, что был. Вслед за тем пошли в галерею обычные посетители и приезжие.

Руководству галереи пришлось пойти на небывалый шаг: они обратились в Академию художеств, чтобы лучшие мастера взялись сделать копию В. В. Пукирева на картине, где привыкли его видеть изначально посетители.

Также сначала не поверил в чудо и следователь прокуратуры. Большой опыт в расследовании сложных и запутанных дел подсказывал ему, что здесь наверняка мы имеем дело с криминалом. И первое, что он решил сделать, это провести экспертизу картины и установить, действительно ли она принадлежит кисти Пукирева. Результаты поставили его в тупик: картина принадлежала кисти художника. Несмотря на свой большой опыт, следователь не представлял, с чего же начать. Ведь не опрашивать же персонажей соседних картин, когда они видели художника в последний раз, с кем он встречался или от кого поступали на мобильный телефон художника звонки в последнее время. Художника на картине видели миллионы посетителей галереи, он был во всех каталогах и даже в игре «Мемори» («Третьяковская галерея»).

Следователь привык обращать внимание на какие-то совпадения и видеть связь там, где многие не догадывались о ее существовании. Часто совпадения так и оставались просто совпадениями, то есть дела были раскрыты, а совпадения не нашли объяснения. Так и в этот раз он сразу обратил внимание на то, что художник В. В. Пукирев родился как раз в тот год, когда Наполеон подарил виллу Медичи Французской академии искусств.

Конечно, он мог обратиться к астрологам, и те, построив сложнейшую модель мироздания, объяснили бы все определенным положением планет и звезд или показали, что тогда родилась какая-то сверхновая звезда, а главное, что он должен был во все это поверить, понимая, что это может быть простое совпадение.

Следователь не стал ломать себе голову, он знал, что решить эту проблему невозможно. Значит, он там, на вилле Медичи. Эксперты, посмотрев фотографию, предоставленную Настей, в один голос заверили, что это действительно В. В. Пукирев. Теперь следователь понимал, что художника, прежде всего надо вернуть на родину. И тогда он решил срочно оформить ему паспорт гражданина РФ, дать небольшую квартирку и прописать в Санкт-Петербурге. Он подумал, что художник, который страдал в последние годы жизни нервным расстройством и умер в нищете, не откажется от такого предложения. В Академии художеств стали уже готовить документы на присвоение звания «Народный художник России». Не знаю, как поступили с выдачей паспорта: ведь сделать фотографию анфас было невозможно. Одним словом, вернули на родину.

Прежде всего, художника привезли в Санкт-Петербург. Если вспомнить, в каких условиях он умер в возрасте 58 лет, станет понятно, как он сейчас

был поражен красотой квартиры, уютом, которого не знал никогда в жизни! В первую минуту он даже совсем забыл о тяжелой доле крестьянства и женщин в России. Уже к этому времени его приняли в Союз художников России, присудили звание народного художника и положили пенсию, чтобы мог жить не хуже других народных художников. Дали возможность акклиматизироваться, чтобы можно было, не затрудняя его особенно, выяснить все обстоятельства дела…

Я не очень знаю в деталях дальнейшие события. Говорят, что художник отказался от квартиры, от звания, от пенсии. Он якобы сослался на то, что не может жить в будущем, которым для него стала реальная жизнь. И снова исчез. Впрочем, на этот раз его не стали искать.

Правда, на картине «Неравный брак», что висит в Третьяковке, не то Шилов, не то Глазунов сделали копию портрета Пукирева в профиль. На картине вновь появился В. В. Пукирев, помолодевший на 150 лет, с тем же печальным выражением лица. Слухи постепенно прекратились…

…По правой стороне Невского проспекта, если идти от Московского вокзала к Адмиралтейству, шел человек, старающийся не привлекать к себе внимания. Впрочем, на него внимания никто и не обращал. Пожилых людей почти не было. Люди среднего возраста с озабоченными лицами куда-то спешили. Молодые люди тоже были заняты собой. Почти у всех молодых людей уши были заткнуты наушниками, головы опущены и глаза уткнуты в разного рода чудеса нынешнего века — телефоны, смартфоны, планшеты... Никому не было до него никакого дела. Так он дошел до улицы Бродского, повернул направо в сторону площади Искусств. Теперь стало понятно, что человек, возможно, направляется в Русский музей. Была уже вторая половина дня, и нужно было думать о ночлеге. Знакомых в городе у него не было, но его по привычке тянуло в картинную галерею. По крайней мере, там он чувствовал себя привычно и там мог найти своих знакомых, художников. План его был прост: он хотел найти картину с большим количеством персонажей, чтобы можно было затеряться там и не привлекать к себе внимания. По этой причине он почти не останавливался у пейзажей, проходил мимо портретов и задерживался там, где были массовые сцены. Он не стал останавливаться перед «Бурлаками на Волге» или там, где запорожцы пишут письмо турецкому султану. И костюм не тот, и выражение лица совсем не то.

Рабочий день уже заканчивался, а он так и не определился с ночлегом. Была, правда, как запасной вариант, возможность использовать пейзаж со стогом сена и переночевать в нем.

Неожиданно он увидел картину Репина «Торжественное заседание Государственного совета». Она привлекла его обилием персонажей и красочностью, и он подумал, что может затеряться среди министров, генерал-губернаторов, бывших послов. Он не мог знать всей истории создания картины и по этой причине не учел одного эпизода, имевшего место при этом. Люди, хорошо знавшие организацию Госсовета и процедуру проведения совещаний, отмечают, что чинопочитание было строжайшее: лица, не состоявшие членами Совета, кроме заменявших министров их товарищей, имевших в таком случае право голоса, за стол заседания не допускались, причем даже Государственный секретарь и статс-секретарь сидели за особым маленьким столом, лишь приставленным к столу, занятому членами Совета.

Помощник статс-секретаря В. И. Гурко вспоминал: «Заседания Совета отличались особой чинностью и даже торжественностью, в особенности общие его собрания, чему немало способствовала внешняя обстановка роскошного,

художественно отделанного Мариинского дворца. Общие собрания происходили в изображенном на известной картине Репина круглом, с верхним светом зале, окруженном колоннами, поддерживающими хоры. Устланный темно-красным ковром, уставленный двумя концентрическими столами, покрытыми бархатными, под цвет ковра, скатертями и спокойными обширными креслами, увешанный по окружности в просветах колонн портретами царствовавших за время существования Совета императоров, зал этот, в особенности при вечернем освещении, носил печать не только торжественности, но даже некоторой таинственности. Тут, казалось, было место заседаний какой-либо масонской ложи или совета дожей, скрытого от глаз непосвященных. Не нарушал этого впечатления и состав заседавших. Седые либо лысые, испещренные морщинами, нередко сгорбленные, но при этом все облаченные в мундиры и украшенные орденами, почтенные старцы производили по первому разу впечатление не то исторической живой картины, не то декорации».

В этой обстановке и предполагал затеряться В. В. Пукирев, считая, что никто, даже из специалистов-искусствоведов, не знает всех членов Государственного совета в лицо. Может, он и прав был в этом, но не мог знать любопытного свидетельства статс-секретаря Совета Д. Н. Любимова, оставленного им о работе Репина во время заседания.

«Обстановка юбилейного заседания была необыкновенно торжественна. Высшие сановники империи в полном составе, мундиры, почти сплошь расшитые золотом и серебром, ленты, ордена, присутствие высочайших особ с государем во главе, занимавшим председательское место, все это придавало торжеству исключительный характер. За колоннами круглой залы Мариинского дворца, которая тогда была залой общего собрания Государственного совета, стояли вдоль стен члены государственной канцелярии в парадных мундирах, значительная часть их в придворных так называемых «больших» мундирах, почти со сплошным золотым шитьем. В общем, это имело вид золотой ленты, со всех сторон окаймлявшей залу. Вдоль этой золотой каймы, прерывая ее то тут, то там, небольшого роста человек, с длинными уже седеющими волосами, в черном фраке и белом галстуке, с каким-то особым любопытством рассматривал залу, что-то лихорадочно отмечая в записной книжке. Некоторые члены Государственного совета, издали видя черный фрак и пораженные столь явным нарушением традиций, подзывая членов канцелярии, строго спрашивали: кто это такой?! Те отвечали в большинстве случаев одним словом, вопрошавшие поправлялись на кресле, подтягивались и старались попасть на глаза человеку в черном фраке. Магическое слово, произносимое членами канцелярии, было — «Репин».

Несмотря на популярность картины «Неравный брак», Пукирев все же был менее известным, чем Репин. Но случай с Репным сыграл как раз на руку Пукиреву. Вновь избранные члены Государственного совета, узнав о художнике и полагая, что будет очередная картина, также не возражали по поводу присутствия художника.

Когда в Третьяковке снова вывесили после реставрации картину «Неравный брак», поток посетителей опять возрос. На этот раз люди шли посмотреть, как изобразили вновь представленного художника на картине.

Однако история на этом не закончилась. Это было первое в наше время чудо — одушевление персонажа картины, которое наблюдали не отдельные люди, пусть даже и апостолы, а множество людей.

В скором времени все достаточно быстро позабылось. В наше время с его быстрой динамикой общественной жизни, сложными проблемами повседнев-

ности, люди не склонны долго дивиться чуду, которое неизвестно каким образом произошло и непонятно как исчезло. Даже ученые, заинтересовавшиеся таким явлением, оказались в растерянности: что же тут можно изучать?

Настя тоже пришла в норму, когда неожиданно ее снова вызвал следователь для беседы, но уже не в следственный комитет, а в Третьяковку. Как оказалось, явление это приняло эпидемический характер. Многие персонажи картин покидали определенные авторами картин места и перебирались в другие сюжеты, другие эпохи. В России, люди которой воспитывались в рамках марксистско-ленинской философии, не верили в одушевление персонажей, в материализацию живописи. И если о картине говорили, что художник вложил в нее свою душу, это, естественно, была метафора.

Из вопросов, задаваемых следователем, Настя поняла, что одна из версий предполагает даже вмешательство спецслужб известной нам страны. Но версия эта в скором времени отпала, так как эпидемия охватила картинные галереи многих стран.

В процессе следствия Насте приходилось часто общаться с директором Государственной Третьяковской галереи Зельфирой Исмаиловной Трегуловой, которая была не только высокого класса специалистом, широко образованной женщиной, но и очень приятным человеком.

На самом верху выразили обеспокоенность по поводу происходящих событий, которые могли вызвать брожение в обществе, что было уж совершенно недопустимо в условиях непростой экономической ситуации, и назначили человека, держащего ситуацию под контролем. Следователь обратился даже в Академию наук РФ, где для него собрали физиков, биофизиков, специалистов, занимающихся нанотехнологией. У них тоже возникла версия о недружественном акте против России, но познакомившись с галереями, которых коснулись описываемые события, они отвергли это подозрение. В кулуарах, правда, ученые высказывали мнение, что это явление находится за пределами разумного, то есть не поддается анализу в рамках существующей парадигмы. Нашлись ученые, которые, допустив вмешательство потусторонних сил (они об этом вслух не говорили), посчитали, что одни персонажи, перемещая себя в сюжеты старых мастеров, хотели оказаться в «старом добром времени», другие перебирались в будущее с его потрясающими чудесами техники. Это те, которые мечтали жить в условиях, когда за тебя работают умные машины, а ты занимаешься творчеством (пишешь стихи, картины, снимаешь фильмы, ставишь пьесы и т. д.). Однако очень скоро одушевленные персонажи поняли, что они могут жить только в то время, которое для них определил художник. Все постепенно приходило в норму.

Но однажды утром последовал звонок, и знакомый уже голос сказал:

— Приезжайте.

Следователь позвонил в прокуратуру и развернул машину в сторону Третьяковки. Ему оставалось совсем немного проехать, когда впервые в жизни его охватил ужас: на перекрестке вполоборота к нему стоял мужчина с печальным лицом, которого он уже хорошо знал. Следователь выключил двигатель, приткнул авто к тротуару в неположенном месте и замер. Придя в себя через некоторое время, он понял, что нет никакого способа решить эту проблему. И вдруг внутренний голос подсказал ему обратиться к отцу Дмитрию, чтобы тот освятил картины музея.

Александр РАДАШКЕВИЧ

Летние вещи

Когда-нибудь

Муслиму Магомаеву

Когда-нибудь, в недвижный час, и мы... Не будем.
Но в этих песнях мы живем.
Живем и любим.

И пусть сто раз забудут нас все те... Забудем,
когда заветный звездопад
распорет будни

и ветер наших песен вдруг отхлынет в небо,
где не разминутся вовек,
кто был и не был.

Легла еще одна весна крылом на плечи,
и время временем сердца
томит и лечит,

а завтра грянут за вчера, и в них, как прежде,
цветком взалеют паруса
в морях надежды:

вновь с аргонавтами Орфей в рассвете тает,
и боги в нем с благих небес
души не чают.

И пусть забудут нас все те, пусть мы забудем,
когда безмолвный снегопад
сокроет будни, —

в неверный час в вечерний звон и мы отбудем
туда, где голос этот жив.
Где живы будем.

Летние вещи

Летние вещи по полкам, мы
убираем зиму, мы исключаем
слякоть и отменяем вьюги.
Из рукавов коротких
заспанно машут крылья; шквалы
зеленые, пряные грозы прямо
из шкафа тянут за плечи.
Тропы снопами нежно уложены
чьей-то рукою на нижние полки,
там, где разглажены
все мои жизни.
Средние заняло верное море, и
Ленинград уж в заветной
картонке: сизые зори, млечные
ночи, милой Фонтанки дымный
клубочек. Летние вещи
на вешалках в полдень — из
бытия безвидного — жадно
ложатся в слепые полеты, реют
в матерчатом сне над рекою,
детски обнявшись, сидят под
мостами, где приливы облаков
мочат подол и манжеты
да парусину стареньких туфель;
а в зеркалах шифоньерных,
как на юру березовом,
тот юный ветерок
июльско-белорусский хладно
в висок белобрысый целует,
вечно шев***е***лит
летние вещи.

Иерихонская роза

Мне подарила родная рука
розу песчаных безмолвий:
да охранит она башню печали,
окна от ночи, небо от порчи,
стены от снов и меня от меня.
Сохлый цветок крестоносных
скитаний, пьющий взахлеб
смертоносную жизнь, мне
поселили на счастье и горе
в доме, набухшем от сонма
теней, плывших из смытого

и навсегдашнего через
стеклянный мерцающий лес.

Сохлый клубок, не тебя ли
Мария благословила на вечную
жизнь? Пусть на дворе Рождество
или Пасха, пусть шелестят над
разверстою крышей злые снега,
как седые пески, я заливаю
живою водою остов мечты
или мощи надежды, прах сей
нетленный и чающий тлен,
чтоб зеленело мое upованье из
палестинских безгласных широт
и за века упадали недели.
Мне подарила родная рука
мертвый цветок Воскресенья.

Тень отца

Куда ведешь? Я далее нейду.
«Гамлет»

Это ты упрямо празднуешь
неприкаянную жизнь, ты
глядишь, не отрываясь, из
улыбчивых зеркал, заплывая
тем же морем в ослепительный
провал, где тебя курчавит ветер,
оборвавший якоря. Ты пируешь,
ты горюешь над негаданным
собой и в себя в курортной сени
все влюбляешь, так безбожно,
всех, кого ты не любил, —
не в закатных латах,
в голубой футболке.

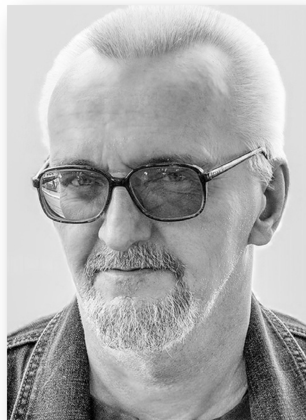
«Облекся ль ты в благоуханье
неба иль в ада дым», так давно
и так далеко я забрался от тебя,
чтобы в зеркале обратном,
с пониманием лукавым, не таясь
и не мигая, ты разглядывал меня.

Эта рваная дорога нас с тобой,
сводя, разводит по сплетаемым
кругам, паутинятся прогалы,

и рассвет оранжевеет, у бездомного
порога рвется лента сновидений:
мама плачет, брат в отлучке,
молча молится бабуся, я
витаю за стихами, чтоб навек
не быть тобою, ты играешь
беззаботно у незнаемого моря,
чтобы вечно мною быть —
и в зеркальных латах, и
в земной футболке.

Лето

Я хочу в иное лето, без начала и конца,
чтоб плацкарт или купе, и над Волгой —
долго-долго, голова чтоб с верхней полки
в дыме счастья, сквозь года, помидор,
вкрутую яйца, и веселые соседи, и
великая страна.
Я хочу, чтоб снились книги, пахли
хлеб и молоко, чтоб кому-то там
пророчил в черной маске мистер Икс:
«Живу без ласки, боль в душе затая»,
чтобы жадно ждали писем и боялись
телеграмм,
чтобы бабушка не сп***а***ла, у окна меня
ждала, в синем фартуке в цветочек,
и мурлыкал на коленях понимающий
Пушок, чтобы вечно пела Мондрус,
нежно руки разводя: «Где-то есть город,
тихий, как сон».
Я хочу в иное лето, вне начала и конца,
чтоб плацкарт или купе, днем Москва,
а ночью Орша, и чтоб Волга долго-долго
с верхней полки, в славе гари паровозной
чтоб по ветру
голова.



Михаил СМИРНОВ

Язык

Рассказ

Языку не повезло с хозяином. Дворник был молчаливый. Вообще забитый. Слова против не говорил. Особенно жене. Возьмет метлу да совок и весь день метет. Убирает мусор, что жильцы возле домов понабросали. А жена в это время любовника приводит, грузчика из соседнего магазина, и начинают они любовью заниматься, если грузчик был в состоянии. Дворник знал, что они встречаются, но молчал и крепче зубы стискивал да быстрее метлой махал. Языку надоело взаперти сидеть, в темноте да в одиночестве, решил он к другому хозяину уйти. Дождался, когда мимо любовник жены проходил, и раскрыл рот, что-то сказал дворнику, а Язык вырвался и перескочил к грузчику. Хозяина-то поменял, а не подумал, что грузчики еще тот народ, особенно если в винно-водочном работают.

И пошла у Языка пьяная жизнь. Утром хозяин откроет глаза, а во рту сухо и такой привкус, словно стадо коров прошло и отметилось. Пока не опрокинет стакан-другой дешевенького пойла, ну, которое в магазине стырит или у бабки-соседки купит, а от него вообще Язык в трубочку сворачивается, вот выпьет, потом начинает куролесить. Да и любовник-то, как оказалось, из него никакой. Язык убедился, когда они ходили к жене дворника. Немного выпьет и начинает хвастаться, а лишку опрокинет, рожей ткнется в тарелку и храпит, пузыри пускает, жена дворника обидится, на пенделях поднимает его и выталкивает взашей на улицу. Надоело Языку в этом гадюшнике жить. Весь провонял, весь ссохся, даже меньше по размеру стал. Понял, что не того хозяина выбрал. И решил опять к другому уйти.

Недолго присматривался. Понравился Языку дальнобойщик, который вино да водку возил в магазин. Бывало, приедет, пристроится возле продавщиц и что-нибудь рассказывает, а те уши поразвесят, а потом, когда очухаются, глядь, а водитель успевает с одной в подсобке побывать, а потом и с другой. Вот это настоящая жизнь, наш пострел везде поспел, так думал Язык. Дождался подходящего момента и быстренько шмыгнул к водиле.

И началась разъездная жизнь у Языка. Думал, будет кататься, на мир смотреть и отдыхать, но оказалось, что ни днем ни ночью покоя нет, круглосуточно пришлось работать, круглосуточно трепаться. Когда водила останавливался, он под машину залезет, высунет Язык, а сам гайки заворачивает. А на Язык-то всякая грязь попадает! Ну, а ежели за рулем, всю дорогу песни горланит или семечки лузгает, а бывало, благим матом орет, если его фуру подрезали. Задумался Язык: так можно и в аварию попасть, без башки остаться, да и самому недолго потеряться. Понял Язык — опять просчитался.

Захотелось Языку спокойной жизни. Такой, чтобы не работать, но всегда быть в тепле и чистоте. Долго присматривался в дороге, к кому бы пере-

браться, пока не увидел на дороге красивую девушку, которая всем машинам улыбалась, рукой махала, видать, легкой дороги желала. Вот она — жизнь красивая! Недолго думая, едва машина притормозила, Язык выскочил и очутился у новой хозяйки. Ну все, можно отдыхать, решил Язык. Но не тут-то было. Оказалось, что Язык-то попал к проститутке, что на обочинах стоят. Ох, пожалел, что от водителя сбежал, но было поздно! А эта девица и водку пила, и курила, и всякую дрянь в рот совала, или ей заталкивали, а потом выходила на обочину и опять водителей заманивала, и так ежедневно, еженедельно, ежемесячно, почти без перерывов на отдых. Исхудал Язык, но стал крепким, гибким и быстрым, приходилось-то много работать, вот и накачал мышцы, но вместе с ними всякие язвочки да болячки появились. Ох, разболелся Язык! Надумал отлежаться в теплом месте, отоспаться, отожраться, да и просто отдохнуть.

Долго присматривался, к кому бы перебраться, а потом в магазине увидел старушку-божий одуванчик. Лучшего не пожелаешь! Ходит по аптеке с клюкой, всем улыбается беззубым ртом — это очень хорошо, что зубов нет, больше места для Языка будет. Пока проститутка стояла, покупала рабочие принадлежности, Язык наблюдал за старушкой, и едва она подошла к прилавку, что-то хотела спросить, в этот момент Язык и перебрался к ней, и стал удобнее устраиваться на новом месте жительства. Вот она, тихая жизнь, начинается!

А бабулька почуяла, что у нее язык-то разболелся, подошла к продавцу, раззявила беззубый рот, вывалила его и показала, а он весь в болячках и язвочках. Ей понавыписывали кучу лекарств. Добралась старушка домой. И принялась лечиться, то брызгает в рот, то мажет, то таблетки глотает, а кушать не кушает — все деньги в аптеке оставила, а до пенсии еще, как до Китая вприсядку. Удивился Язык: как же старуха выживает на эти копейки, какие получает? Даже у дворника было получше, а тут, как бабулька откроет холодильник, сразу плакать хочется — вместо продуктов лекарства лежат, а сама на одном чаю сидит. Бывало, изредка печеньки или кусочек хлеба с самой дешевой колбасой съест — и все на этом. А дети и внуки вместо того, чтобы ей помочь, у нее пенсию забирают. Говорят, что она Святым Духом сыта — этого достаточно!

О-хо-хо, пригорюнился Язык и призадумался. Хотелось вольной, свободной жизни, чтобы жрали от пуза, пили не отраву и лекарства, а хорошее вино да коньяки всяко-разные, и отдыхать сколько хочется, но чтобы тебя уважали, почитали и ценили. У стариков такие привилегии не получишь, они затурканы сегодняшней жизнью. Убедился!

И стал Язык присматриваться, кто лучше живет, к кому можно пристроиться, чтобы больших успехов добиться, но поменьше работать. Долго выбирал. Похудел. Правильно, на постной пище и лекарствах-то не разжиреешь. И вот, когда бабулька отправилась за хлебушком, на перекрестке ее чуть было не сбила огромная машина. Оттуда выскочил здоровенный детина, гора мышц, на жирной шее толстая золотая цепь, на которой можно быка племенного удержать, а он на себе носит, кулачищи, как кувалды, а шея пошире головы будет. Все машины остановились, никто не вылезает, все боятся, но сами внимательно смотрят, как он бабульку материт, кулачищами размахивает и обещает единственную квартиру у нее забрать, потому что пустым пакетом до машины дотронулась.

О, это настоящий мужик! С любым справится. Язык восхищенно поцокал. Да уж, с таким не пропадешь. И едва детина открыл рот, чтобы ряв-

кнуть погромче на старушку, Язык — раз — и прошмыгнул на новое место жительства.

У нового хозяина, бандита с фигурой спортсмена или спортсмена с бандитской рожей, Язык словно на курорт попал. Овощи, фрукты — это немерено, мясо — самое лучшее, продуктами весь холодильник забит. Да уж, это не у бабки жить. Главное, бандито-качок мало разговаривал. Правда, умел материться громко и долго, а вот светские разговоры вести — это не получалось. Может, образования не хватало, может, ума маловато — мозги мышцами заросли. Полдня Язык с ним проводил в спортзале, потом в каких-нибудь клубах трещали с такими же шкафами, затем куда-нибудь ездили, своим видом людишек пугали и бабло собирали, а ночью возвращались, качок бандитский денежки в пачечку укладывал, ворковал, поглаживая, и спать заваливался. И так каждый день, каждую неделю, ежемесячно, пока не попал Язык с ним на бандитскую разборку. И тут, когда вокруг пули засвистели, он понял, что могут не только язык оторвать за лишнее слово, но и голову прострелить. Понял, что у бандитских качков одна дорога — это кладбище. Ох, как не хотелось Языку раньше времени туда попадать! Опять решил хозяина сменить.

Долго присматривался, прислушивался, а встретились случайно, когда бандито-качок навестил своего знакомого местного депутата. Вот она — настоящая жизнь настоящего человека! Всегда в чистеньком ходит. Личного шофера имеет. Все дорогу уступают. А на совещаниях и заседаниях можно в какие-нибудь игры поиграть, а то и подремать в уголочке кресла да за широкими спинами депутатов. Потом в ресторан или в баньку съездить, где спинку потрут девочки-массажистки, а еще заехать на дачку, которая не один мильён стоит, хотя зарплата так себе, если по бумажкам смотреть, но денежный ручеек не иссякает, наоборот, увеличивается, особенно если поближе к столице-матушке пристроиться или, наоборот, на край страны смотаться и податься в слуги народа, там можно творить что душе угодно, а за это ничего не будет, ну почти ничего, потому что ты становишься местным царьком, и все у тебя куплено, схвачено, за все заплачено. В общем, царствуешь за счет государства: хан, бай, барин, князь… Царек, одним словом.

Все, план готов, пора действовать. Пока качок туго думал и так же говорил с депутатом, наш язык быстро переметнулся к местному царьку. И началась жизнь как в сказке. На работу можно не торопиться. Депутат позвонит, скажет, что задерживается по делам, а сам на широкой кровати нежится. Потом завтракает долго, почти до обеда, затем заезжает в парикмахерскую, где волосенки пригладят, причешут, смажут, затем еще куда-нибудь заскочит, к вечеру появится на работе, подмахнет две-три бумажонки, вопросы, какие нужно решить, свалит на плечи помощников. А там, глядишь, уже вечер наступил. Опять банька или бассейн, потом надо погонять в бильярд или в картишки переброситься. Ну, сдуть несколько тысчонок зелени нужному человеку — это же сторицей вернется. Снова заскочить в ресторан. Посидеть, выкушать что-нить вкусненького, домой вернуться и сказать, что очень сильно устал, и быстрее на диван или в кресло забраться и сидеть, вспоминая прошедший день, или строить планы на следующий день.

Хорошо жилось с депутатом! Все было, чего душа пожелает. А чего не было, но стоило захотеть, как по щучьему велению появлялось. Но депутат был честным. Все, что попадало в руки, он себе не оставлял, а оформлял на родственников, как ближних, так и дальних, будь то дачка, квартира, и не одна, землица, кусочек берега морского — все для родни, все, а себе брать нельзя, потому что депутат — это слуга народа и жить обязан, как народ, и не

лучше, а то, что на машине и с охраной ездит, так это по работе положено, он же для людей старается. Язык стал холеным, важным, медлительным. Любил порассуждать на умные темы, даже если не знал их, даже если никого рядом не было. Главное — говорить: много, долго и без перерыва, тогда все посчитают тебя самым умным, самым государственным человеком.

Покатался Язык как сыр в масле, а потом заскучал. Казалось бы, все есть, но чего-то не хватало. Простора не хватало. Эх, развернуться бы на всю страну! Эх, подмять бы под себя все и всех! Язык отъелся на депутатских харчах, заматерел в спорах, поднаторел в делах и почуял, что одного депутата мало. Почуял, что сможет не только с людьми уживаться, но и всему живому передать и рассказать, всем, кто ходит, бегает, плавает и летает. Любому подаст пример, как можно жить. Хоть барану, как ворота пробивать, или прогнуться пониже, лишь бы польза была, хоть медведю, как пасеку разорить, мед сожрать, и чтобы за это ничего не было, хоть попугая обучить, как надо разговаривать, с кем и что говорить. В общем, всему, что шевелится. Понял, что его ждут великие дела. Эх, вот бы развернулся…

Вскоре представился такой случай. Депутата пригласили на открытие мясокомбината. Правда, комбинат-то старый, но в его покраску были вложены немалые народные средства, а депутату нужно было показать, как он ночами не спит, все заботится о своем народе, как всех любит и уважает. На встречу пришел народ. Помощники пригласили первых попавших, пообещали каждому по куску мяса выделить, лишь бы они в ладоши похлопали и для отчетности отписались. И там, когда устроили показательное забивание, Язык увидел тощего, голодного старого быка — кожа да кости, которого заводили на скотобойню. И понял — вот этот случай, где он покажет на примере, на что способен. Что сможет даже быка-бедолагу обучить всему, и тот начнет копеечку в стойло приносить, а не только старую солому переводить на отходы. Язык почуял силу великую. Бросился к быку, чтобы знания передать и подучить. Повыше захотел подпрыгнуть, а в этот момент мясник взмахнул ножом — и полетел наш Язык на землю. Мимо пробегала голодная собака. Схватила Язык и проглотила. Теперь смотрит на всех умными глазами, а ничего не может сказать. Потому что язык сожрала. Дура.

Здесь лето длится сотни лет

Андрей КЛЮЧНИКОВ

Русалка

Я видел сон: среди полей
Горело пламя.
И стаи белых журавлей
Прощались с нами.

И ты плыла, как плыл рассвет
С лучами солнца.
Здесь лето длится сотни лет,
Стадами овцы

Идут в поля, и черный лис
Сидит у дуба.
И от росы прозрачен лист,
И шепчут губы

О том, что слаще яда нет,
Чем запах воли.
Но сон ли это или бред?
Я знаю, помню,

Как я вошел в густую гладь
Объятий звездных
И позабыл, как мне дышать,
Что значит воздух.

И опрокинутый волной,
Я вмиг проснулся.
Ах! Я ведь чуть речной водой
Не захлебнулся.

* * *

Напиши мне вечер золотой,
Чтобы кисть твоя мой век продлила.
Чтобы над моею головой
Черная луна не восходила.

Нарисуй мне белые цветы,
Чтобы в них душа плыла к закату.
Чтобы от волшебной красоты
Я не ощутил в душе утрату.

И тогда багряные тона
В реку опусти иссохшей кистью,
Чтобы пенной горечью волна,
Накатив на берег, пела в брызгах.

На отлоге каменном усну
И увижу, как из белой пены
Ты выходишь и в твою косу
Заплетает солнце хризантемы.

Вероника МУСВИДАС

Шальные стихи

Мужчина безумно красивый
Мне пишет шальные стихи,
И сходятся наши мотивы
Под знаками разных стихий.

Стихов перелетную стаю
Бужу, вспоминая о нем,
И слезы на строки роняю —
Он мокнет под этим дождем…

Приняв стихотворную схиму,
Теперь мы незримо близки:
Далекие непоправимо,
Мы в устье единой реки…

* * *

А время все исправит,
Расставив по местам:
И камня не оставит
На камне, где обман.

А время все излечит,
А может, отрезвит:
И сбросят камень плечи,
И сердце отболит.

А время нас рассудит,
Не осудив совсем.
И так, пожалуй, будет
В один прекрасный день!

Анастасия КОРОТЧИКОВА

* * *

Я научилась жить, не торопя
И без того поспешный ход минут.
По снегу днем ботинками скрипя,
В зиме теперь я нахожу уют.

В печали нахожу я благодать,
Умеренность ищу среди забот.
Безропотно я научилась ждать
Того, кто обязательно придет.

С улыбкою открытой на устах
«Сегодня» принимаю я любым.
Ведь нужно знать, что все не просто так.
С Небес видней, чего же мы хотим.

Екатерина СТРОЙЛОВА

Друг

Как только опустилась ночь на землю
И облака сомкнулись в мрачный круг,
Я поняла, что был всего лишь тенью
Мой самый верный, близкий, лучший друг.

Он был со мной как призрак, как виденье.
По жизни вел, скрываясь позади.
Дарил мне небывалое везенье,
Чтоб сердце билось радостно в груди.

Хранил меня, а я не понимала,
Что Этим Другом был все время Бог.
Он помогал мне с самого начала.
Был рядом, словно тень,
Но тенью быть не мог.

ОЛЬГА МАЦКЕВИЧ

* * *

Чуть слышным шепотом, теплом, улыбкой солнца,
Прощаясь, лето за собой манит.
Но мне не жаль — оно еще вернется.
Свои объятья осень распахнуть спешит:
Дождями смыть остатки красок лета,
Сменить наряды кленов за окном…
В холодный вечер, шалью вязаной согрета,
Горячий кофе пью и думаю о том,
Что ранним утром буду ждать рассвет я,

Когда темно, туманно, иней на ветвях.
Но вот пробьется робкий лучик света,
И оживет природа на глазах.
Я в осени люблю дыханье сказки!
Волшебный листопад, хрустальные дожди…
Нет ничего милей осенней ласки!
И ожиданья чуда впереди!

Афанасий БОТЯНОВСКИЙ

Домовой

Кто там топает по крыше,
Поднимает странный вой?
Забирается всё выше?
Может, это домовой?

Мужичонка бородатый,
В рубашонке с пояском,
С хрипловатым голоском.
Ну, а ноги как лопаты.

Домового нет — я знаю.
Только без него грущу.
Если только повстречаю,
Напою горячим чаем,
Булкой с медом угощу!

Сочиненье жизни

Как пишем жизни сочиненье?
Его мы начали давно.
Терзает иногда сомненье:
А вдруг с ошибками оно?
Тетрадку человек листает,
Все что-то шепчет, исправляет…
Пылает лампа. Капли с крыш.
Скрипит кровать, и ходит мышь…
Угрюмо или с вдохновеньем
Уж сколько месяцев и дней

Рукою водим мы своей,
Которая дрожит в волненье:
Никто не знает — листик тот
Когда Судьба перечеркнет.

Валерия РАДУНЬ

* * *

Если бы я была феей,
Я бы тебя увела в холмы,
Где огонек алеет
Маком среди зимы.

Если бы я была птицей,
Я над тобой темноту бы прожгла,
Сны укрывая ситцем
Раненого крыла.

Если бы я была морем,
Я бы тебя увлекла на дно,
Якоря срезав «корень»,
Волн распахнув окно.

Если бы я была мною,
Я бы все так же осталась стоять,
Думая: может, стоит
Голову потерять?..

Юлия АЛЕЙЧЕНКО

Фольклорно-мифологические истоки лирики Янки Купалы
(На примере сборников «Жалейка», «Гусляр», «Шляхам жыцця»)

Широко известно, что народное творчество является основой мировой художественной культуры, источником национальных художественных традиций. Его влияние выражается в использовании писателями фольклорных образов, сюжетов, приемов поэтики. Большое значение для развития новой белорусской литературы имели произведения «Тарас на Парнасе» и «Энеида навыворот», которые непосредственно опираются на фольклорные образцы. Фольклорная образность занимает важное место в произведениях Я. Чечота, А. Рыпинского, В. Дунина-Марцинкевича, А. Гуриновича, Ф. Топчевского, Ф. Богушевича и других белорусских писателей XIX в. Известными продолжателями именно таких традиций в литературе XX в. являются Тётка, М. Богданович, Якуб Колас и Янка Купала.

Мировосприятие и образное мышление Янки Купалы формировались непосредственно под влиянием живого народного слова. Другим живительным источником для поэта стала книжная наука в данной области. «Я прочитал почти все этнографические белорусские сборники. Увлекался народной мифологией, читал о ней книги, которые попадались под руку», — писал Янка Купала. Вспомним, что на тот момент уже увидели свет работы таких талантливых ученых, как И. Носович, П. Шейн, Е. Романов. Это значит, что поэт был вооружен достаточным арсеналом знаний по белорусской фольклористике, имел четкое представление об особенностях мифопоэтической картины мира наших предков, образной системе фольклорных произведений и особенностях их поэтики.

Восприятие поэтом действительности в большой степени связано именно с архаичными народными представлениями о строении Вселенной. Древнее мировосприятие в творчестве Янки Купалы проявляется в наличии строго закрепленных оппозиций, четком противопоставлении категорий. Такое явление носит название мифологического дуализма. «Купалова поэтическая мысль основывается на антитезе, у него «сонца з цемрамі змагаецца», и поэтому образуется особое напряжение материального мира» (*Шамякіна, Т. І. Міфалогія і беларуская літаратура: нарысы і эсэ*). Яркий пример показа очищающей и спасительной силы солнечного света находим в стихотворении «За свабоду сваю»:

Гэй, ты, сонца, гары
Ад зары да зары,
Ланцугі распалі
Па ўсёй чыста зямлі!..».

В целом, «славяне представляли солнце всевидящий оком, которое строго следит за моралью людей, за справедливым соблюдением законов» (*Шамякіна, Т. І. Міфалогія і беларуская літаратура: нарысы і эсэ*). Такое восприятие солнца находим в стихотворении Янки Купалы «Знямога»:

Плача сонца маладое
Над планетай над старою,
Іскры сыплюцца цурком,
Што не тымі пуцінамі
Ходзяць леты за лятамі
Ў вечным зладзе з курганом.

Однако антагонистические категории в представлении разных народов древности иногда соединялись согласно исконным законам жизни. В индуизме богиня мудрости Сарасвати осуществляет небесный брак неба и земли. Так и мифологические представления наших предков были основаны на иерогамии — священном браке неба (небесных светил) и земли, соединения мужского и женского, которое дает начало новой жизни. «Небо олицетворяло собой мужское начало. Его влияние на вечный круговорот жизни земли было очевидно. На небе располагалось солнце, благодаря живительному теплу и свету которого рождается живое на земле. С неба льются дожди, чтобы это живое могло расти и развиваться. Невольно в представлениях наших предков возникала мысль о супружеских связях Отца-неба с Матерью-землей», — читаем у Ивана Науменко (*Навуменка, І. Я. Элементы міфалогіі ў паэзіі Янкі Купалы і Якуба Коласа*). Вот и Янка Купала призывает солнце заключить брак с землей для рождения весеннего тепла: «З непатольнай, пакорнай зямліцай // Заручыся, шлюб вечны вазьмі».

Обожествление стихий — еще одна важная черта народного мышления. Представление наших предков о ветре включало в себя противоположные стороны. Во-первых, ветер приносит разрушение, мешает заниматься хозяйственными делами. Но существует и другое мнение. «В народе утверждалось, что ветер (ветерок) не сам по себе возник на белом свете, а его также создал Всевышний на пользу природе и людям», — отмечает А. Ненадовец (*Ненадавец, А. М. Нарысы беларускай міфалогіі*). У Янки Купалы эта стихия часто служит для обновления, очищения мира от устаревшего, ненужного в жизни:

Дуньце ж, о віхры прывольныя!
Путаў не дайцеся сіле,
Вырвіце думкі нядольныя,
Дайце мне волю і крылле!

Еще одной из активно влияющих на жизнь человека природных стихий является вода. «Почему-то так сложилось у людей, что постоянно нужно было отмываться, предохраняться, или, по-другому, очищаться от всевозможной “скверны”» *(Ненадавец, А. М. Нарысы беларускай міфалогіі).* Вот и у Янки Купалы вода — мощная сила, которая может избавить людей от беды, смыть ее, что ярко отобразилось в стихотворении «З песень нядолі»:

Хацеў бы, каб доля
У хатцы жыла,
Каб з бурлівай рэчкай
Нядоля сплыла.

Древние представления наших предков о закономерностях мироздания выражались и в антропоморфизме — наделении явлений природы, а также мифологических существ (духов, богов) человеческими свойствами. Чрезвычайно активное использование образов народной демонологии находим в сборнике «Шляхам жыцця» Янки Купалы. Противостояние света и тьмы в персонифицированных образах соответствующих божеств рисует Купала в стихотворении «Чорны Бог»:

Паланейся, развугляйся,
Змейны Чорны Бог, —
Ты йшчэ з Белым не зраўняўся,
Ты яго не змог!..

Творчески переосмыслен поэтом и образ хохлика. В чародейном мире Купалы хохлик (домовой) — хозяин леса (не связан с домом, как в традиционных мифологических представлениях):

Як зайграе ў лесе хохлік, —
Замірае песень воклік;
Як зачэпіць мох і лозы, —
Аджываюць смех і слёзы...

Народная вера в оборотней нашла свое выражение в одноименном стихотворении:

Як змеркне, як ноч дзень зваюе
І зораў паявіцца знак,
Па нівах, па сёлах шнуруе
Туды і сюды ваўкалак.

«В глубоко лирическом освещении предстает в дооктябрьском творчестве Купалы образ одинокого дерева. Поэт в этом отношении развивает песенный прием психологического параллелизма. В народных лирических песнях Беларуси судьба девушки, парня, молодой женщины часто уподобляется образу дерева» (*Янка Купала: зборнік матэрыялаў аб жыцці і дзейнасці народнага паэта БССР Янкі Купалы*). В стихотворениях «Дуб», «Верба», «Груша» отображен именно такой принцип.

Другим ярким проявлением фольклорных традиций в творчестве поэта является использование непосредственно фольклорных форм, образов и мотивов. «Уже в дооктябрьский период Янка Купала обращался ко всем видам белорусской песни и сказки, к народным легендам, пословицам и поговоркам», — отмечает Е. Ленсу *(Ленсу, Е. Я. Фольклорные традиции в дооктябрьском творчестве Янки Купалы).* Социально-бытовые, волшебные, героические сказки являлись источником, из которого поэт черпал художественные средства для многих произведений данного периода. Сказочные образы, символику, сюжеты находим в поэмах «Адвечная песня», «Курган» и «Магіла льва», в балладе «Лясная царэўна» и др.

Активно обращался Янка Купала и к народной песне. Многие стихи поэта так и названы: «Песня аб песнях», «Песня вольнага чалавека», «Песенка для некаторых маладых людзей», «Песня сіроткі» и др. Сюжетом и образными средствами к народным любовным песням приближаются стихотворения «Пакахай мяне, дзяўчынка», «Да дзяўчынкі», «Як у лесе зацвіталі», к социально-бытовым — «За чаркай», «У шынку», «У Піліпаўку».

В качестве эпиграфа к своим произведениям Янка Купала использовал пословицы и поговорки, которые четко отражают их содержание. Например, к стихотворению «Сват»: «Не зведаўшы броду, не сунься ў воду»; к стихотворению «Страх»: «У страха вочы вялікія» и «Да пары жбан ваду носіць».

Характер стихосложения Янки Купалы в первых трех его сборниках «Жалейка» (1908), «Гусляр» (1910), «Шляхам жыцця» (1913) также находится в тесной связи с народно-песенной традицией. На первое место среди всех стихотворных размеров трех названных сборников выходят размеры хореические. Значительное место среди них занимает смешанная форма хорея, которая «непосредственно связана с традициями народной песни, особенно

с ее коломыйковым видом» *(Грынчык, М. М. Шляхі беларускага вершаскладання)*. На ранних этапах для крупных произведений поэт выбирал преимущественно трехсложные размеры, в частности, четырехсложный амфибрахий (форму, генетически связанную с народной языковой стихией и традициями анонимных сказаний и стихотворных рассказов). Ярким примером удачного использования четырехстопного амфибрахия в лиро-эпике Янки Купалы является поэма «Адплата кахання», созданная на богатом фольклорном материале. Еще одна важная закономерность стихосложения Янки Купалы — усиление от сборника к сборнику тонического принципа: в сборнике «Жалейка» тоническим стихом написано всего три стихотворения (87 строк), в сборнике «Гусляр» — 256 строк, в сборнике «Шляхам жыцця» — в три раза больше. Это ярко подтверждает закономерный процесс влияния народного тонического стиха на силлабо-тонику XIX — начала XX вв., который содействовал интересному явлению — появлению литературного тонического стиха. В творчестве Янки Купалы находим преимущественно такую форму тоники, как акцентно-слоговой стих. Пример именно такого творческого переосмысления народных традиций видим в стихотворении «З шумам бораў…»:

З шумам бораў, ясакораў,
Ой гаю, ой гаю,
На жалейцы-дабрадзейцы
Думку дум зайграю.
Ой, зайграю, запытаю,
За што, за якое
Плачуць песні, як не трэсне
Сэрца маладое?

Таким образом, творчество Янки Купалы данного периода является ценнейшим источником знаний об укладе жизни нашего народа, его представлениях об окружающем мире и самом себе. Объясняется это тем, что поэт понимал народную психологию, был близко знаком с лучшими образцами фольклорного творчества и высоко оценивал их значение для развития белорусской литературы. Творческое наследие Янки Купалы — уникальный пример чрезвычайно плодотворного сочетания лучших открытий мировой литературы и богатого опыта белорусского фольклора.

Янка КУПАЛА

Могила льва

I

Хранятся в памяти народа
Предания ушедших лет.
Пусть часть из них сокрыли годы —
В небытии пропал их след,

Но все же сколько-то осталось
Колосьев с нивы той живой
Для внуков. Пусть хоть эта малость
Жить будет в памяти людской!

Пусть боль, что в мраке беспросветных
Веков испытывал народ,
Для Беларуси тихим светом,
Былинной песней оживет.

Зерно к зерну, за словом слово —
Былое станем воскрешать,
Чтоб поле нам засеять снова,
Чтоб землю заново вспахать.

Начнем докапываться сами
Мы до причин обид и бед,
Что темными легли лесами
На долю нашу с давних лет.

И станем вспоминать преданья
Под отчей крышею родной
От вечера до зорьки ранней,
Но каждый путь пусть ищет свой.

II

По-над днепровскою водою,
Где нынче высятся дома,
Стояла пуща встарь стеною,
Ветра встречала и грома.

Деревья мощные склоняла
И, ветви их переплетя,
То грозно билась и стонала,
То с ветром спорила, шутя.

Волков, медведей и оленей
Там были дневка и ночлег
И летом — под деревьев тенью,
И в зимний гололед и снег.

С людьми не знался лес тот хмурый,
Тропинки тщательно скрывал,
И только Днепр, широкий, бурный,
Свою дорогу точно знал.

Из пущи вырвавшись на поле,
Шумел и слал проклятья он
За то, что лес мешал раздолью,
Стеною встав со всех сторон.

А в этой пуще, что извека
Мощь набирала вдоль и вширь,
Скрывался от людей Машека —
Разбойник, хоть и богатырь.

III

Людей не знали раньше хилых,
Не чах мужик из года в год.
Богатыри дивили силой,
И крепок был еще народ.

Таким вот силачом от роду
Машека был. Легко с земли
Он в детстве мог поднять колоду,
Что трое взрослых не могли.

Но хоть и сильным был, и смелым,
Он зла не делал никогда,
Не обижал на свете белом
Ничем ни друга, ни врага.

Так отчего ж он изменился,
Что до разбоя довело,
И кровью он людской упился,
Родню оставив и село?

Иль дома хлеба было мало?
Обиду принял от кого?
Или простора не хватало,
И в пуще стал искать его?

Все это не было причиной,
Но все ж — так время шлет нам весть —
Была причиной тут дивчина:
Всему всегда причина есть.

IV

В деревне той, где рос он с детства,
Где пас овец, косил траву,
Жила Наталька по соседству,
О ней он грезил наяву.

Они — друзья и однолетки,
Гуляли вместе с юных дней:
На речку в зной ходили летний,
Ловили вместе карасей.

А в догонялки коль играли —
Догонит, носит на руках,
Смеялись часто; но, бывало,
Дивчину мучил некий страх.

Когда же подросли немного —
К работе стали привыкать.
Но где бы ни были, дороги
Вели друг к другу их опять.

О чем мечтали, сидя рядом,
Когда сердца их бились в лад?
Спросить об этом ночку надо
И за окном вишневый сад.

Так жили… Быстро дни за днями
Шли от весны и до весны.
Не сразу поняли и сами:
Они друг в друга влюблены.

V

Любовь — прекрасная приманка
Для чутких молодых сердец,
Хотя б в ней жили ложь, обманы,
Хоть чаша с ядом, наконец.

Но все мы пьем из этой чаши,
Живя не явью и не сном.
А пропадут порывы наши —
Тогда, порой, на все плюем.

На эту удочку Машека
Легко попался. Сам не свой

Ходил. Ведь самый лучший лекарь
Не справится с такой бедой.

Так сам себе нашел он долю
Судьбу такую выбрал сам;
То весел был, то клял неволю,
То предавался вновь мечтам.

А девушка… Краса в ней — сила...
Кто знает, что в душе горит?
Ласкала иногда, любила,
А то вдруг косо поглядит.

Машека — богатырь известный,
Мог с корнем вырвать дуб иль клен.
В руках ее он стал, как тесто:
Лепи и мни со всех сторон.

VI

О, сколько молодых красоток
Просторам нашим Бог послал!
И стан их строен, нрав их кроток, —
И царь бы в их сетях пропал.

Души и сердца — скажем строго, —
Такой безмерной доброты
Найдешь, быть может, лишь у Бога —
Но у людей не встретишь ты.

И в белорусскую дивчину —
Ей надо должное отдать —
Никто не может камень кинуть
И не подумает кидать.

В селе Наталька — лед и пламень —
Стройней, красивей всех была.
Румянцем нежных щек, устами,
Она, как нежный мак, цвела.

Созрела, словно спелый колос,
Лишь подрасти ей вышел срок.
Грудной, горячий, звонкий голос
Переливался, как звонок.

В деревне хлопцы наблюдали,
Как наливался гибкий стан,
И потихонечку вздыхали:
Один Машека был тут пан.

VII

Мечта о панстве сплыла дымом,
Когда Машекины мечты
Развеяла необходимость
На Украину гнать плоты.

Машеки очередь настала.
Сначала слушать не хотел.
А что ему? С него бы сталось —
Ведь и силен он был, и смел.

Наталька тут явилась к месту:
«Езжай! И денег соберешь!»
Ну как ослушаться невесту!
Хотя слова — как в сердце нож.

Расставшись с милою дивчиной,
Поплыл с плотами в край чужой
Днепровской выстуженной синью,
Свой дом оставив за межой.

Уже травой земля оделась,
Лес что-то ветру шелестел,
Защелкал соловей несмело,
И луг стал от ромашек бел.

Машека плыл, чах от невзгоды,
Нечасто отдыхал и в ночь,
И думу думал: как же воды
Днепра крутого превозмочь?

VIII

Но счастья выпало немного,
Плоты он к Киеву пригнал.
Бог сил для новой дал дороги —
Давно по дому тосковал:

Ведь там ждала с Наталькой встреча,
Очей любимых ясный свет,
А глаз таких — какие речи! —
И в целом мире больше нет.

Спешит назад он. Шаг за шагом
Леса обходит и поля.
Простор обводит долгим взглядом:
Ну где ж она, его земля?

Но все ж к Воздвиженью добрался
Домой из дальней стороны.

О, лучше, если б не дождался
Своей и первой он весны.

Узнал он от соседей скоро,
Что о Натальке молодой
Идут в деревне разговоры,
А след — как будто смыт водой.

А с нею — все его надежды
С любимой жить да поживать…
Он сеял в сердце только нежность,
А довелось проклятья жать.

IX

За тем селом, где жил Машека,
Был двор огромный. Во дворе
Стоял и терем там извека,
Над самой речкой, на горе.

Стеною огражден высокой
Дворец был, как острог, кругом.
И липы в карауле строгом
Стонали ночью, утром, днем.

А жил богатый там боярин,
Еще годами молодой,
Гулял безудержно и яро
С дружиной бойкой, озорной.

Везде считался сумасбродом.
Творил закон он свой и суд
Над обездоленным народом,
Что век страдал от тяжких пут.

Тоскливо и с оглядкой люди
В округе разговор вели
О тех обидах, что на груди
От пана грозного легли.

Когда один другим обижен,
То это можно пережить.
Но если каждый тут унижен,
То как с такой неправдой жить?!

X

С дружиной, всем в селе знакомой,
В тот раз боярин проезжал.
И у Наталькиного дома
Коня напиться придержал.

Тут на глаза ему девица
Попалась — в пышной красоте.
И пан не мог не подивиться
И прелести, и простоте.

Был грозным он — а стал вдруг льстивым,
С Наталькой стал и добр, и мил.
Туману подпустил, и дивной
Беседой сердце ей пленил.

О чем беседа шла — неважно.
Да и зачем нам это знать?
Но с той поры — мог видеть каждый —
В село он начал заезжать.

Стал останавливаться часто
Он у Наталькиных сеней,
Хотя родители с опаской
Его встречали с первых дней.

Потом к себе ее позвал он —
Она пошла за ним как тень.
А за спиной: «Что с девкой стало?» —
Шептали люди каждый день.

XI

Людская хитрость, приставанье
Зла много могут принести:
Так словом ласковым обманут,
Что трудно от беды спастись.

И лестью оплетут, приманят,
И поведут, мешая жить,
И будут лживыми устами
Свой суд неправедный вершить.

С Наталькой все так и случилось,
Когда к беде пошла своей:
И людям всем она не в милость,
И люди все не в радость ей.

Машеки все забыла ласки,
Любовь и преданность его.
Под чарами боярской сказки,
Презрев весь мир, она живет.

Не ведала о горькой доле,
Что часто людям Бог дает.

Сама избравшая неволю,
В деревню больше не идет.

Так паутину распускает
На мух услужливо паук,
Пока не попадет какая,
Чтобы изведать горечь мук.

XII

Минула осень, и за нею
Настал черед прийти зиме.
Машека жил с семьей своею,
Не жил — скорей блуждал во тьме.

Не замечал чужих насмешек,
Отдавшись горестной судьбе,
Он знал уже, какие стежки
Наталька выбрала себе.

Порой к двору он приближался
И страшно клял, и угрожал.
И панский страж его боялся,
Хоть много стражей пан держал.

Но не имел Машека силы,
Какой бы стену развалил, —
Ту, за которой с его милой
Враг теплую постель делил.

Не мог намять злодею кости,
Лишь посылал проклятья он —
И с каждым днем все больше злости,
И каждой ночью сон не в сон.

И сам все жестче становился,
И месть росла в нем, как змея,
И сам гадюкою он вился,
Найти не мог он забытья.

XIII

Что есть на свете горше мести,
Что ты найдешь ее страшней,
Кого не сбросит с тропки тесной
Во тьму, что ночи злой темней?

Она и мысли отуманит,
И паутиной оплетет,

И душу вглубь ее заманит,
Свой ложный предъявляя счет.

Росла, росла она в Машеке,
И с ней он справиться не мог.
Пустил бы, может, крови реки,
В них со своей обидой лег.

Повинной кровью иль невинной
Он всласть упился бы душой,
Других губил бы, сам бы сгинул,
Чтоб мучился чужой и свой.

Когда же, наконец, дождался
Машека первых дней весны,
С родной деревней распрощался,
Сбежал с родимой стороны.

Подался в пущу, в ней прижился,
Усвоив оборотня нрав.
Там в волчью шкуру обрядился:
В разбой подался, зверем став.

XIV

И страшным стало даже имя
Его в округе — хоть ты плачь —
И меж своими, и чужими:
Так страшен лютостью палач.

Когда из пущи на дорогу
Он шел, не пряча булаву,
И страх он сеял, и тревогу,
И кровь багрянила траву.

Сначала жизнью дань платили
Богатые — на них был зол,
Потом стал отправлять в могилу
И жителей окрестных сел.

Не помогали слезы, чары,
Кровавый суд везде творил.
Сам избирал для смертных кару,
И каждый был ему не мил.

Нору его напрасно ищут
Отцы погибших, сыновья.
Как дикий зверь, он в пуще рыщет,
И смерть — итог его жнивья.

Растет, омыта кровью, слава,
Растет, как сорная трава,
Страшна, как гром, как смерч, как лава.
И гимн ему поет сова.

XV

Быть может, долго б еще правил
Он этой долею лихой
И судьбы всех — больших и малых —
Решал безумной головой,

Когда бы раз среди дороги
Не выпал случай вдруг такой:
Однажды, выйдя из берлоги,
Он с булавой шел на разбой,

И тут увидел, что карета
Под гору катится как раз.
Машека рад был встрече этой —
Метнулся из лесу тотчас.

Коня остановил. Мгновенно,
Как сноп, свалился вниз ямщик.
В кареты дверцу, словно в стену,
Стучит злодей. Пан спрыгнул вмиг,

Но не успел и оглянуться,
Как, мертвый, на земле лежит.
Дубиной крепкой замахнуться
Машека заново спешит.

И — чудеса: рука сомлела,
И навернулась вдруг слеза.
Наталька там его сидела,
Сияли синие глаза!

XVI

Как человек ни озвереет,
С каких то ни было б причин,
Настанет день — душа прозреет
Хотя б на краткий миг один.

И сердце оживет людское,
Добра опять вернется свет,
И зацветут красой святою
Воспоминанья юных лет.

Чуть только увидал в коляске
Разбойник грозный милой лик,
Вновь, очутившись в давней сказке,
Без боя сдался — в тот же миг.

Он, словно перышко жар-птицы,
Ее в свою берлогу нес.
Сложил постель — пусть не в светлице —
Из лепестков нежнейших роз.

И так был рад он этой встрече —
В ногах с покорностью сидел
И целый день, и целый вечер
Ей песни ласковые пел.

Но только бедную Натальку
Утешить это не могло,
Как сказочную ту русалку —
Живые люди и тепло.

XVII

Познав всю роскошь жизни панской,
Дитя села и толоки,
Она отвергла быт крестьянский,
И горя полный, и тоски.

Хоть на разбойника глядела
С притворной нежностью подчас,
А все же в мыслях что-то зрело,
Огонь в ее очах не гас.

И думала под неба синью,
Как ей Машеку погубить,
Ведь не могла его невинно
Она, как в юности, любить.

Однажды, крепким сном объятый,
У ног ее лежал злодей.
Но, растоптавший все, что свято,
Давно он не был дорог ей.

Взяла тихонько нож огромный,
Что он хранил под головой,
И в шее с ненавистью темной
Вмиг утопила. Тот живой

Еще был. Раз, второй взмахнула —
Куда ушла ее любовь? —

И с облегчением вздохнула:
Разбойник не воскреснет вновь.

XVIII

Вот так он и пропал, Машека,
Что мог любить и убивать:
Не ступишь дважды в ту же реку
И не воротишь время вспять.

Она, свое исполнив дело,
Гонима страхом, быстро прочь,
В село родимое летела,
Где чем-то ей могли помочь.

И принесла она всем вести,
Что нет разбойника в лесу.
Ее встречали славой, честью
И праведным считали суд.

И повела народу много
В лес, где навек уснул злодей,
Куда еще вчера дорога
Была закрыта для людей.

Сошлись сельчане над Машекой,
В ком злую видели грозу,
И не нашлось там человека,
Кто хоть одну б смахнул слезу.

Потом пошли к горе высокой,
Нашли без счета там костей —
Он многих погубил — жестокий,
Не знавший жалости злодей.

XIX

Копали в пуще ров глубокий,
На дно рассыпали кору,
Курган насыпали высокий
Машеке, будто бы царю.

А на пригорке недалеком
Останки тех, что полегли
От рук разбойника жестоких,
Похоронили как могли.

Помчались быстро дни за днями,
Прочь уходил за годом год,
Менялся мир и люди сами,
Житье-бытье менял народ.

Холм, где нашел покой Машека,
Деревьями и мхом оброс;
Жара его сжигала летом.
Зимой трещал над ним мороз.

Машекой матери пугали
Нередко маленьких детей.
И часто кумушки сбегались,
Чтоб вспомнить, как погиб злодей.

Его высокую могилу,
Где что-то ветру лес шептал,
На память о могучей силе
«Могилой льва» народ прозвал.

XX

Век уходил, сменялся новым,
И словно бы из-под земли
Поднялся город. Могилевом
Назвали. Как еще могли?

Где были пуща да болото,
Дома стоят по-над Днепром,
Сияют башни позолотой —
И жизнь бурлит во граде том.

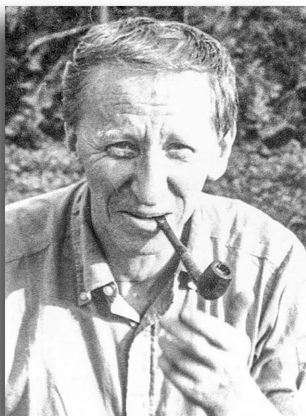
А с кладбища, куда доныне
В последний путь людей несут,
Гора видна под неба синью —
Ее Машекиной зовут.

И сторожами на горе той
Кресты чернеют там и тут:
Днем летним — солнышком согреты,
Зимой — со стужей спор ведут.

Подчас весной прибьется птица,
Одарит песенкой своей,
И душам тех, кто крепко спит здесь,
Немного станет веселей.

О берег этот бьются волны.
Они, наверное, — как знать? —
Рассказывают все, что помнят.
А что? Нам, грешным, не понять!

Перевод с белорусского Елизаветы ПОЛЕЕС.



Джо АЛЕКС

Смерть промолвит вместо меня

Роман

Об остроумии на лестнице, пиратах в Интернете, литературных переводах и книгах Джо Алекса

Наверно, каждому из нас знакома ситуация, которую французы называют «l'esprit d'escalier» — остроумие на лестнице: суть этого выражения в том, что хорошие ответы приходят в голову лишь впоследствии, когда человек уже простился со своим собеседником и, «спускаясь по лестнице», придумал, как было бы хорошо сказать еще то-то и напомнить о том-то.

На днях я встретил на улице знакомого, мы пару минут поговорили и уже стали прощаться, как вдруг он мне сказал:

— Да, кстати, видел случайно в «Нёмане» ваш с Кукуней перевод Джо Алекса. Хотел почитать, но журнал не мой — забрали, пытался купить в «Союзпечати» — нету… Ничего — найду в Интернете, там наверняка все есть! Ну, пока, — и пожав мне руку, пошел своей дорогой, а я своей.

Вот тут-то со мной и случился «l'esprit d'escalier».

Я «задним умом» стал ругать себя: почему же не сказал ему... и т. д.

А потом я подумал о том, что, быть может, и многие читатели «Нёмана», прочтя в журнале один или два наших перевода Джо Алекса, могут подумать примерно так же, как мой знакомый: «Зачем мне искать журнал или ждать, пока напечатают следующий роман о полюбившемся Джо Алексе, — пороюсь-ка я в Интернете и все найду.

И я решил высказать то, что кажется мне очень важным, то, что не успел сказать моему знакомому и попросить редакцию поместить мои слова перед публикацией очередного романа Джо Алекса.

А сказать мне хочется следующее:

Дорогие читатели! ***Все переводы Джо Алекса, когда-либо опубликованные на русском языке (а почти все они были сделаны в 90-е годы прошлого века в бывшем СССР), кроме наших с В. Кукуней, являются пиратством, то есть, попросту говоря, воровством, прямым нарушением закона и нарушением авторских прав.***

К сожалению, пиратство широко распространено в русскоязычном секторе Интернета, и мне оно хорошо знакомо — все три издания семи моих переводов по мере выхода в свет немедленно появлялись в сети, причем часто в искаженном при сканировании виде.

29 июня 1993 года в своем доме в Кракове Мацей Сломчински (Джо Алекс) в личном разговоре со мной возмущался публикацией в СССР нескольких произведений без его разрешения, подчеркивая, что нигде, кроме этой страны, такое не было бы возможным. Тронутый тем, что мы были единственными, кто лично попросил у него разрешения на переводы, и вручая нам с В. Кукуней соответству-

ющий документ на права переводов (копия которого имеется в редакции журнала), он подчеркнул, что никто другой, кроме нас, не имеет и никогда не будет иметь прав на русские переводы и издание всех его произведений. Таким образом, вопрос о легитимности всех остальных переводов, я надеюсь, не требует дальнейших комментариев.

Не говоря уже о нравственном аспекте пользования краденым, я хочу еще напомнить и о некоторых серьезных опасностях.

Большинство так называемых «переводов» произведений Джо Алекса разбросаны по разным темным сетевым «библиотекам» и подозрительным сайтам, где, скачивая книгу, легко можно заодно скачать и смертельный для компьютера вирус или шпионскую программу, которая мало того, что даст доступ неизвестным людям к содержанию всех ваших дисков, но и может сделать компьютер частью хакерской системы по взлому других компьютеров, за что вам, возможно, еще придется отвечать.

***Качество пиратских переводов крайне низкое**, а порой они и вовсе серьезно искажают первоисточник. Я уже не говорю об извечной воровской мании менять названия произведений, воображая, очевидно, что так будет «лучше продаваться». Так, например, я встретил в сети название «Убийца читал Киплинга». Это, как я увидел, переложение шестого романа в цикле романов о Джо Алексе — «НЕТ ТАМ ЗАПОВЕДЕЙ ДЕСЯТИ», подлинное название которого является цитатой из стихотворения Киплинга и несет в себе аромат тайны, загадочности и романтической ауры. Вообще же надо сказать, что определенной визитной карточкой всех романов о писателе и детективе Джо Алексе является авторский прием, при котором сюжет романа прямо или косвенно связан с сюжетом какого-либо классического произведения, старинной истории или легенды; роману всегда предшествует эпиграф, взятый из этого произведения или какой-либо древней рукописи, а название романа является цитатой из этого эпиграфа. Это касается всех ВОСЬМИ романов о Джо Алексе, хотя в сети можно встретить ошибочные сведения о якобы десяти романах. Почти никто из так называемых «переводчиков» тех текстов, которые можно найти в сети, не понял этого, эпиграфы не переводятся, названия искажаются, чем сразу же произведениям наносится серьезный урон. Являясь переводчиком с большим опытом (я перевожу уже более 50 лет), могу со всей ответственностью сказать, что большинство «переводов» Джо Алекса, которые блуждают в сети, выполнены людьми, которые просто плохо знают польский язык, да и русским владеют весьма неважно.*

Журнал «Нёман» не случайно выбрал для публикаций цикл романов Мацея Сломчинского о Джо Алексе — это не просто хорошие романы, это романы, созданные автором с высоким художественным вкусом.

Несмотря на то, что Мацей Сломчински лишь наполовину англичанин (по матери), мало кому из британских писателей, включая таких классиков жанра, как Агата Кристи и Дороти Сэйерс, удается создать столь тонкую, чисто английскую атмосферу, в которой происходит действие, набросить тень таинственности и загадочности на происходящее, не переставая при этом удивлять нас совершенно неожиданными поворотами сюжета и, на первый взгляд, совершенно мистическими, ирреальными ситуациями, которые, однако, потом, как оказывается, имеют абсолютно реалистическое объяснение.

Это литература самого высокого класса в ряду других подобных представителей жанра детективного романа...

Роберт СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ,
кинодраматург, писатель, переводчик.

С т а р и к. Вовсе не я буду говорить.
Смерть промолвит вместо меня. Вот увидишь.
С т а р у х а. Это случится сегодня вечером?

Эжен ИОНЕСКО. «Стулья»

I. Слишком большая сумочка

Когда инспектор Бенжамин Паркер, совершенно не похожий на инспектора Скотленд-Ярда в своем великолепно скроенном вечернем костюме, позвонил в дверь квартиры Джо Алекса, тот как раз завязывал галстук. Джо, в свою очередь, ничем не напоминал автора детективных романов. Он был высок, молод, хорош собой, находился в безмятежном состоянии духа и отнюдь не казался замкнутым молчуном, что, как принято считать, является неотъемлемой чертой детективов-любителей. А взглянув впервые на Каролину Бикон, никто бы даже не предположил, что это подающий большие надежды археолог. Она была прелестной, спокойной девушкой со светлыми волосами, зачесанными в длинный хвост, и ее скорее можно было принять за молодую актрису, чем за молодого ученого. Одетая в вечернее платье, она сидела сейчас на поручне кресла и наблюдала за Алексом, который боролся с галстуком, стараясь не прикасаться пальцами к белоснежному воротничку рубашки.

— Ты непременно победишь, — поддержала она его. — Человек всегда, в конце концов, побеждает материю...

— С течением лет я все меньше в этом убежден, — Алекс улыбнулся своей очаровательной подруге и, не оставляя галстука, глянул на часы. — Сейчас в дверь должен позвонить Бен Паркер.

И в ту же минуту инспектор позвонил.

Джо представил его Каролине и указал на кресло протянутой рукой, но тут же отдернул ее и воскликнул:

— Помоги, дружище!

Инспектор завязал ему галстук, и все сели.

— У нас еще полчаса времени, а мой автомобиль стоит у входа, — сказал Алекс. — Мы доедем за пять минут. Ты обязан подкрепить чем-нибудь подорванное на службе здоровье, — обратился он к инспектору, а потом глянул на Каролину: — Выпьешь с нами?

— И даже без вас, — скромно улыбнулась мисс Бикон. — Господину инспектору, разумеется, виски без содовой? Мне тоже, только меньшую порцию.

Джо налил и сел.

— Это хорошо, что вы, наконец, познакомились, — сказал он с искренним удовлетворением. — Я люблю, когда мои друзья ходят стадами.

Каролина улыбнулась, а Паркер склонился в легком поклоне:

— Это большая честь для меня, познакомиться с вами, — шутливо прошептал он и добавил нормальным голосом: — Я много слышал о вас, и не только от Джо. Мне даже кажется, что я где-то читал о вашем отъезде. Очевидно, я ошибаюсь, но когда писали об экспедиции, которая должна отправиться в Персию, упоминалось и ваше имя...

— Нет. Вы не ошибаетесь. Но мы так и не отплыли, потому что руководитель экспедиции, сэр Томас Додд, тяжело заболел. Это повлекло за собой целый ряд перемен, и все затянулось на два месяца. Говорят, ему уже лучше, но мне не верится, что он поедет. Сэр Томас был прооперирован, у него обнаружена опухоль… Но не будем говорить о таких вещах, потому что они навевают печаль. Джо, давай быстро еще по одному виски и поеха-

ли! Я очень хочу посмотреть эти «Стулья». Просто замечательно, что вы нас пригласили, инспектор! Сегодня с утра до полудня мы ехали на машине из Торки, и у меня едва хватило времени заехать домой переодеться...

Инспектор заметил, что при этих словах Каролина Бикон слегка покраснела, а Алекс потянулся за бутылкой и стал поспешно наливать виски. Паркер молниеносно сопоставил это с тремя стоящими в прихожей чемоданами и понял, что Каролина Бикон, действительно, весь день ехала на машине вместе с Джо Алексом, но по всей вероятности, у себя дома она еще не была и, надо полагать, вряд ли уже сегодня туда доберется. Бена занимало, почему эти молодые, симпатичные и одинокие люди, которые уже через год после знакомства не могли обойтись друг без друга, не вступают в брак? Впрочем, инспектор Паркер видывал в своей жизни и не такие загадки, а эту, к счастью, он не обязан был разгадывать. Ему лишь вдруг вспомнилось, что подлинное сближение Каролины с Джо Алексом произошло как раз год назад, после того, как он и Джо раскрыли тайну гибели их общего друга и однополчанина со времен войны, Иэна Драммонда...[1] «Значит, пролетел уже целый год...» — подумал вдруг инспектор с тихим изумлением, которое люди часто испытывают при мысли о быстротечности времени. Он стряхнул размышления и, чтобы вернуться к прерванному разговору, сказал:

— Говорят, этот спектакль очень, ну, просто очень современный. А я должен вам признаться, что современное искусство несколько трудновато для простого полицейского...

— Я читала пьесу, — сказала Каролина, — и думаю, что в ней нет ничего необычного. Она утверждает, что человеческая жизнь — это бессмыслица, которая ни к чему не ведет и ничему не служит; что никто никого не запомнит и никто никому ничего никогда не объяснит.

— Гм... — пробормотал Паркер. — Если в таком отношении человека к жизни нет ничего необычного, то... — Он умолк и взглянул на часы. — Однако нам пора. Впрочем, я надеюсь, вы объясните мне все это после спектакля, если будете так любезны, причем желательно своими словами и доступно.

— Смелее! — сказал Алекс то ли инспектору, то ли Каролине.

Каролина встала и взяла инспектора под руку.

— Современное искусство помогает раскрыть подсознание человека и тайные мотивы его поступков...

— То есть, служит примерно той же цели, что и полиция! — рассмеялся Алекс.

Они спустились вниз, сели в автомобиль и уже через несколько минут оказались на Кросби Стрит, где остановились перед ярко освещенным зданием, вдоль фронтона которого на высоте второго этажа сверкала неоновая строка: СЕГОДНЯ «СТУЛЬЯ»... СЕГОДНЯ «СТУЛЬЯ»... СЕГОДНЯ «СТУЛЬЯ»...

Они вошли.

— Еще только одну сигарету! — сказал Алекс. — Успеем! Иначе я буду мучиться под конец первого действия. Я не могу выдержать без сигареты больше часа.

В курительной комнате, где было довольно много людей, они втроем сели за столик в углу и закурили.

— Театр переполнен! — сказал Паркер. — Сдается мне, что писатель, который говорит людям, будто их жизнь не имеет смысла, заработает на

[1] Раскрытие этой тайны лежит в основе сюжета романа Джо Алекса «Скажу вам, как погиб он». (*Прим. переводчика.*)

этом столько, что, по крайней мере, его собственная жизнь станет более осмысленной.

Алекс рассмеялся. Каролина с упреком покачала головой и хотела что-то сказать, но ее внимание привлекла группа людей, стоящих недалеко от входа в фойе. Она глазами указала на них Алексу.

— Это как раз они — семья сэра Томаса Додда. Жена, дочь и жених дочери.

— Так это и есть Анна Додд? — спросил Паркер, указывая на молодую красивую девушку в простом, но очень хорошо скроенном платье.

— Да. Вы о ней слышали?

— Немногое. Только то, что писала пресса: уже две недели, как она является одной из самых богатых девушек Англии. Какое-то наследство, кажется...

— Да. Умер ее двоюродный дедушка, сэр Хью Гэрри, знаменитый угольный магнат. Пожалуй, она сама была удивлена этим наследством больше всех, потому что познакомилась с сэром Хью, когда была еще совсем маленькой, а потом виделась с ним не больше пяти-шести раз за всю свою жизнь. Но говорят, что однажды, будучи еще ребенком, она как-то навестила дедушку во время его болезни, ухаживала за ним, не отходя ни на шаг, и с плачем не позволяла взрослым оттянуть ее от постели больного. Через несколько дней сэр Хью выздоровел, и казалось, об этом забыл. Однако, он написал в завещании, что за последние сорок лет это был единственный в его жизни случай, когда кто-то из родственников оказал ему симпатию совершенно бескорыстно. Что ж, деньги не всегда приносят радость. Вот он и завещал их все тому одному, кто когда-то посочувствовал старику, не рассчитывая на вознаграждение. К тому же он был старым холостяком и мог поступить с ними как ему вздумается.

— Да, я читал об этом. Это самое короткое завещание, и поэтому пресса приводила его целиком: *Все мое имущество, без каких-либо исключений, завещаю моей родственнице Анне Додд, а в случае, если, не приведи Господь, она умрет до вступления во владение им, имущество это перейдет в собственность моих дальнейших родственников, с условием, однако, что унаследовать его могут лишь те из них, которые состоят со мной в кровном родстве, а не в свойстве...* И таким вот образом, эта очаровательная девушка стала обладательницей астрономической суммы в двадцать пять миллионов фунтов стерлингов. Кажется, передача наследства должна состояться через несколько недель.

— А что, этот молодой человек получит упомянутую сумму вместе с ее рукой? — спросил Джо.

— Да. К счастью, он сам достаточно богат, что бы о нем ни сплетничали как об охотнике за приданым. К тому же молодые люди обручились тогда, когда еще никто и вообразить не мог, что Анна может получить такое наследство. Когда он женился на ней, она вовсе не была состоятельной девушкой. Его зовут Чарльз Крессвел, и он второй сын лорда Конторпа, — пояснила Каролина.

— Один из лучших стрелков и фехтовальщиков в Англии, — добавил Паркер. — Я общался с ним однажды, когда расследовал дело одного из его молодых друзей. Это хороший мальчик. Спортсмен, из родовитой семьи и без профессии, одним словом, у него есть все, что требуется от англичанина, принадлежащего к высшему кругу.

— Несмотря на это, они не выглядят так, будто эти двадцать пять миллионов добавили им счастья, — заметил Алекс. — У них выражение лиц, как у людей, которые имеют тысячу фунтов годового дохода.

— Наверно, состояние здоровья сэра Томаса снова ухудшилось... — сказала Каролина. — Но тогда почему они в театре?.. И к тому же, у матушки Додд кошмарная сумочка...

— Не будем сплетничать о ближних наших. Достаточно того, что они сплетничают о нас, — сказал Алекс, однако присмотрелся к сумочке, которую держала в руке мать Анны, миссис Анджела Додд.

Сумочка, действительно, выглядела в несколько раз больше обычных театральных малюток, и казалось, будто она чем-то плотно набита. Анджела Додд была невысокой женщиной, мелкие, но выразительные черты лица которой еще сохранили следы былой красоты. В некотором смысле она была даже красивее своей дочери, хотя щеки ее уже не имели той свежести, которая присуща лишь возрасту неполных двадцати лет. Миссис Додд стояла между молодыми людьми, легонько обмахиваясь театральной программкой. Потом она кивнула Анне головой и направилась в сторону фойе.

— Пойдемте! — Каролина легко поднялась с кресла и двинулась в том же направлении.

Прозвучал третий звонок.

Зал был полон. Свет слегка потускнел, как бы давая сигнал, что пора занимать места. Алекс купил две программки, одну из которых подал Каролине, а другую Паркеру. Они сели. Их места находились в самом центре четвертого ряда. Прямо перед ними, чуть левее, сидела Анджела Додд, а по обе стороны от нее дочь и будущий зять.

— Прекрасные места, — улыбнулась Каролина Паркеру. — Я больше всего люблю четвертый и пятый ряды. Это не настолько близко, чтоб виден был грим, и в то же время достаточно близко, чтобы уловить всю мимику актеров. Между прочим, те, кто знают в этом толк, утверждают, что только из этих рядов следует смотреть спектакль, потому что, когда режиссер ведет репетиции, он сидит именно здесь.

Алекс наклонился и заглянул в программку, которая лежала на коленях Каролины, чтобы познакомиться с исполнителями.

СТАРИК, 95 лет — Стивен Винси.
СТАРУХА, 94 года — Ева Фарадей.
РАССКАЗЧИК, 45—50 лет — Генри Дарси.
И другие действующие лица.
Режиссер-постановщик: Генри ДАРСИ.

В этот момент свет потух полностью, и наступила темнота, в которой одинокими огоньками светились красные лампочки безопасности над дверями зрительного зала.

Одновременно вспыхнули лучи двух прожекторов, расположенных за спиной зрителей, и высветили два круга на занавесе. Занавес поднялся, и свет прожекторов выхватил из сценической пустоты две фигуры старых людей, сидящих на стульях. Их одежда выглядела довольно причудливо. На Старике был просторный серый балахон, сшитый будто из мешковины. На плечах балахона блестели эполеты, а серые брюки украшали красные полоски гусарских лампасов. На ногах, как у него, так и у Старухи, были поношенные теплые тапочки. Одежда Старухи, столь же бесформенная и мешковатая, ничем не отличалась от одежды Старика.

Разглядывая декорации и костюмы, Алекс пропустил несколько первых фраз, но потом как бы спохватился, и слова со сцены стали доноситься до его ушей.

Старик встал и подошел к одному из двух окон, размещенных в левой и правой части декорации.

— *Баржа на поверхности воды сверкает в лучах солнца...* — произнес он мечтательно.

— Ты не можешь ее видеть. Солнце давно зашло. Сейчас ночь, мой миленький.

— Но от нее осталась тень...

Реплики быстро сменяли одна другую, и Алекс сразу, с первых же слов понял, что является свидетелем и участником подлинного события в искусстве. Текст пьесы со всей ужасающей простотой обнажал трагедию современного человека, его нереализованные надежды, несбывшиеся мечты, безмерное одиночество и пошлую действительность бытия, единственный выход из которого — путь к могиле. Режиссерское решение спектакля было очень современным. Лица актеров, играющих стариков, прикрывали маски, напоминающие греческие и символизирующие старость. Голос и движения, однако, не подчинялись законам старения и демонстрировали вечную трагическую молодость и наивность человека перед лицом судьбы. Благодаря этому актерам не надо было играть старых людей, они творили на сцене действо куда более значительное: они создавали образ старости, играли всех старых людей, которые когда-либо существовали и существуют, что поднимало ранг этого удивительного спектакля до уровня греческой трагедии.

Алекс посмотрел на Паркера. Инспектор сидел, слегка подавшись вперед, внимательно глядя на сцену чуть прищуренными глазами, и время от времени едва заметно кивал головой. Каролина сидела совершенно неподвижно, но ее глаза блестели, как две голубые звезды.

Действие спектакля подошло к моменту, когда Старик, пригласив всех известных ему в прошлом и чем-либо знаменитых нынче людей, ожидает их появления. На сцену, разумеется, никто не вышел, но в воображении стариков действие продолжало разворачиваться. Невидимые гости начали съезжаться, и старики во все двери стали вносить стулья для этих теней прошлого. Стивен Винси был великолепен, когда кланялся невидимкам, пожимал им руки и так выразительно брал под локоть и отводил в сторонку, что казалось, будто весь этот театр наполнился призрачными, неуловимыми существами. В этот момент он как раз вводил в зал нового воображаемого гостя: Госпожу Красавицу. Бархатный низкий голос актера внезапно сменился воркованием голубя:

— ...Неужели это вы? Сто лет назад я вас любил... Вы так изменились за это время... Нет-нет, вы совсем не изменились... Я вас любил... Я вас люблю...

Почти рыдая, Винси продолжал:

— ...ах, где же, где те давние снега...

Завороженный голосом актера, погруженный в трагикомическую атмосферу спектакля, Джо Алекс вдруг услышал тихое короткое рыдание. Он на секунду оторвал взгляд от сцены. Кто же это плачет? Редко в Англии можно встретить людей, у которых текут слезы во время театрального спектакля. Это вам не Италия, это спокойный, уравновешенный Лондон.

К своему изумлению, Джо обнаружил, что это плачет миссис Анджела Додд. Она не плакала в полном смысле этого слова, но вытирала платочком полные слез глаза.

«Как странно, — подумал Джо, который любил оценивать людей с первого взгляда, — я готов был поклясться, что эта женщина умеет хорошо скрывать свои подлинные чувства, а что уж говорить о театральных впечатлениях...»

Но миссис Додд уже выпрямилась, и Джо Алекс заметил, что, повернув голову в сторону дочери, она одарила ее легкой извиняющейся улыбкой.

Через мгновенье первая половина спектакля закончилась, и в зале вспыхнул свет.

II. Вин-си! Вин-си! Вин-си!

Звонок, зовущий занимать места, долго и пронзительно звенел уже вторично. Курительная комната гудела возбужденными разговорами. Зрители дискутировали с большим оживлением. Каролина допила кофе, который Алекс принес ей из буфета.

Они направились в зрительный зал.

Паркер покачал головой.

— Глядя на все это, — сказал он с удивлением, которое, казалось, только сейчас зародилось в его сознании, — я совершенно не понимаю, зачем люди совершают преступления. Простите мне мой профессиональный порок, — я снова о своем, — но преступление — это, что ни говори, очень серьезное событие в жизни преступника, чаще всего решающее. А зачем убивать-то? Зачем прекращать существование другого человека, если и он, и я, да и все мы, и так безнадежно и неумолимо обречены на смерть? Разве не приличней было бы спокойно прожить жизнь, стараясь, чтобы она была сносной и для нас, и для других обреченных, так же, как и мы? Ведь после этого спектакля мир выглядит, как тюремная камера, из которой есть только один выход — на эшафот. А в камере должна царить солидарность.

— Убийца, — ответил Алекс, — мыслит, похоже, но немного иначе. Если даже он и понимает, подобно Ионеско, что все люди должны умереть, и после них не остается ничего личностного, то он вполне может посчитать, что, в таком случае, можно убивать людей, которых ненавидишь, потому что это всего лишь ускоряет их и так неизбежный конец, но зато значительно улучшает твою собственную жизнь. Любое преступление имеет свой основной мотив. Уничтожая кого-то, убийца непременно что-то выгадывает: деньги, любовь, удовлетворение чувства мести... Иногда это бывает слишком далеко зашедшая самозащита, иногда какая-нибудь страсть... Но любой из этих мотивов может быть представлен убийцей как крайняя и абсолютная необходимость, и чем больше литература будет убеждать людей, что их существование преходяще и лишено какой-либо ценности, тем более оправданы будут убийцы в собственных глазах. К счастью, они редко выходят из среды любителей современной литературы.

— Довольно! — воскликнула Каролина. — Один из вас занимается убийством людей на бумаге, а другой розыском убийц в действительности. Но не забывайте, что девяносто девять процентов людей во всем мире никогда не видели в реальной жизни убитого человека, а если бы не средства массовой информации, то и вообще не слышали бы о нем. Преступление всегда происходит где-то очень далеко от нас, и никто в него не верит, пока лично с ним не столкнется. Отношение к преступлению не относится к основным чертам мировоззрения.

— Я в этом отнюдь не уверен, — заметил инспектор.

Они помолчали.

— Однако, — продолжал Паркер, чтобы поменять тему, — надо признать, что режиссура этого спектакля превосходна. А Винси в роли Старика превзошел сам себя.

— В таком случае, — сказал Джо, — надо также похвалить Еву Фарадей. А ты знаешь, что ей всего лишь двадцать пять лет? Она — большой талант.

— Да, но...

В этот момент начал тускнеть свет в зале. Каролина перевела взгляд на опущенный занавес, будто хотела поскорее увидеть сквозь него продолжение действия.

Вспыхнули прожектора.

Антракт не замедлил ритма спектакля. За это время количество стульев на сцене значительно увеличилось, теперь из них выстроились целые горы и долины, где, как в жутких трущобах, передвигались актеры. Толпа воображаемых гостей достигла фантастических размеров. Двести, триста стульев... А старики вносили все новые и новые. Атмосфера накалялась все больше. Старик и Старуха беседовали с невидимками, одних отчитывали, других осыпали комплиментами, и всех усаживали на предназначенные для них стулья...

И все же Джо Алекс, который не спускал глаз с актеров, ощутил какую-то другую, отличную от первоначальной, интонацию спектакля. Винси стал жестче и условнее, теперь он выглядел больше символом, чем живым человеком, теперь он произносил свой текст не так, будто хотел сказать зрителям: «Вот я, актер, стою перед вами, перевоплотившись в персонаж, которого вы видите!», а скорее: «Видите — я лишь изображаю этот персонаж, и с его помощью хочу поделиться с вами мыслью автора!»

Джо Алекс предпочитал эту, вторую концепцию исполнения. Она была не так мелодраматична и более близка восприятию современного мыслящего человека. А вот Ева Фарадей несколько терялась в роли, и казалось, не выдерживала нагрузки этой концепции, навязанной первой половиной спектакля. Впрочем, быть может, ослепительно яркое, все более динамичное исполнение роли ее партнером затмевало ее, отталкивало на второй план? Она казалась несколько бесцветной по сравнению с тем фейерверком человеческой мысли, каким становился Винси.

Однако финальная сцена самоубийства стариков все же стала концертным номером парного исполнения. Их прощание на парапете окна, а затем прыжок в бушующее внизу море были потрясающими. Так кончается любой человек, — говорил зрителям Ионеско, — независимо от того, сколько усилий вложил он в свою жизнь и насколько она ему удалась. Но способ, которым Винси исполнил свой самоубийственный прыжок, был настолько преисполнен дерзости и веры, оптимизма и лихой наивности, что казался скорее не прыжком в ничто, а полетом в будущее. Ева же Фарадей упала, как предмет, как вещь, которая лишь сопутствует человеку.

Теперь ветер раздувал вовсю занавески окон, и они затрепетали на сцене, как знамена. Свет разгорался все ярче и ярче, почти ослепляя зрителей, отражаясь от пустых, белых стен декорации. Сквозь большую центральную дверь вошел тот, кто должен был поведать миру замыслы и идеи Старика.

Вошел Рассказчик. Он был одет точно так же, как и Старик, только без маски. Его голову покрывала большая черная шляпа. И, собственно, только сейчас разыгралась подлинная драма. Из уст рассказчика прозвучало неразборчивое бормотанье. Он несколько раз пытался начать свою речь сначала, потом отчаялся и беспомощно оглянулся. Рядом с ним находилась большая черная доска. Рассказчик взял мел и попытался что-то написать. Но буквы складывались в набор бессмысленных сочетаний, в которых прочитывалось только одно: «Все не имеет смысла, человеческое существование бесперспективно и трагично ввиду невозможности взаимодействия и взаимопонимания...»

Занавес медленно опустился. В зале по-прежнему стояла сосредоточенная тишина. Потом, наконец, грохнул шквал оваций.

Занавес снова поднялся, открыв стоящего в центре сцены Рассказчика. Аплодисменты, которые в эту минуту звучали, были явно адресованы именно ему, как постановщику этого потрясающего спектакля. Рассказчик — Генри Дарси — поклонился. Но зрители не переставали аплодировать. Они ожидали выхода остальных двух героев вечера.

Занавес упал и сразу пошел вверх. С левой стороны легким юношеским шагом на сцену вышла Ева Фарадей. В руке она держала свою маску. Ева стояла выпрямившись и демонстрировала зрителям свое красивое светлое молодое лицо, столь непохожее на то, другое, которое она держала в руке и которое еще минуту назад казалось ее неотъемлемой частью. Аплодисменты усилились и утихли. А потом усилились вновь:

— Вин-си! — закричал кто-то, и тут же все подхватили: — Вин-си! Вин-си! Вин-си!

Все взгляды устремились в правую сторону сцены, откуда, согласно правилам симметрии, должен был появиться актер.

Занавес опустился еще раз и опять пошел вверх, снова открывая лишь Еву Фарадей и Генри Дарси. Публика неутомимо рукоплескала, а возгласы «Вин-си! Бра-во!» то возникали, то снова заглушались громом оваций. Занавес еще трижды поднимался и опускался. Ева Фарадей и Генри Дарси по-прежнему неподвижно стояли посреди сцены, будто чувствуя себя неловко за аплодисменты для отсутствующего. Наконец занавес закрылся окончательно. В зрительном зале вспыхнул свет. Стивен Винси не показался публике. Несколько разочарованные зрители потянулись к гардеробу.

— Это странно, — сказала Каролина, засовывая руку в рукав плаща, поданного Алексом, — казалось бы, для людей, которые с такой страстью борются за симпатии зрителей, появление перед публикой в минуту своего наивысшего триумфа должно стать подлинным наслаждением. Я много раз видела Винси в других спектаклях, и у меня создалось впечатление, что он ужасно это любит. Порой он даже бывал несколько старомоден в своих жестах благодарности: прикладывал руку к сердцу и кланялся низко в пояс, как актеры прошлого столетия. А ведь никогда еще в его честь не было столь бурных и длительных оваций. Такая реакция зрительного зала случается нечасто. А он взял и не вышел.

— Быть может, это как раз самый лучший метод, — предположил Алекс. — Дескать, если я вам так уж сильно нравлюсь, сделаю вид, что мне безразличны ваши аплодисменты. И тогда кроме восхищения я заслужу еще и ваше уважение. Возможно, он рассуждал именно так. А может, просто очень торопился куда-то. На свидание или на поезд...

Они вышли в гуще толпы, еще более оживленной, чем во время антракта, и сели в автомобиль. «Клуб зеленого пера», членом которого состоял Алекс, находился довольно далеко от театра «Чембер», и они добрались туда примерно через четверть часа, а на протяжении всего пути молчали, размышляя о спектакле. И только когда они уселись на удобных мягких стульчиках, а Джо заказал напитки и закуски, настроение, наконец, изменилось.

— Я очень благодарна вам за приглашение, — сказала Каролина Паркеру, — Это был незабываемый вечер. Думаю, что мы еще не раз будем вспоминать о нем. К сожалению, я совсем забыла, что вскоре начнется наша экспедиция и... — Она умолкла, а потом взглянула на Алекса. — А может, вы приехали бы туда, когда у инспектора будет отпуск?

Паркер улыбнулся.

— Мы знаем друг друга уже почти двадцать лет, я и вот этот парень, сидящий напротив, Джо Алекс. Мы пережили вместе множество приключений, как веселых, так и печальных. Но в Персии мы еще вместе никогда не были. Разумеется, я уже не говорю об удовольствии, которое доставила бы мне возможность снова повстречаться с вами. А что, у вашей экспедиции уже есть составленный план? То есть, я хочу спросить, знаете ли вы заранее, что хотите выкопать и где именно?

Разговор пошел об археологии, и Алекс с удовольствием и даже с определенной гордостью слушал Каролину, которая из просто красивой, но

не очень яркой, как личность, девушки, внезапно преобразилась в серьезного человека, уверенно говорящего об очень сложных проблемах, легко и непринужденно оперирующего огромным количеством фактов и дат, касающихся времен и эпох, о которых сам он имел весьма смутное представление в рамках полузабытых школьных знаний и нескольких, прочитанных в юности, научно-популярных историко-географических брошюр. Каролина-ученый, Каролина-исследователь — это был кто-то совсем другой, сильно отличающийся от Каролины в вечернем платье с глубоким вырезом и длинным хвостом волос. Казалось, что одна из них должна быть умной, некрасивой, в очках с проволочной оправой, а другая обаятельно болтать о современном модном искусстве, великолепно танцевать и служить необязательной утехой тяжело работающему мужчине. До сих пор Джо видел в Каролине эту, вторую, а сейчас вдруг понял, что она, говоря по правде, куда более образованна, чем он сам. Он не прервал ее ни единым словом. Лишь слушал, как она рассказывала Паркеру о древней истории стран Ближнего Востока так доступно и языком столь ясным и простым, что в этом разговоре ученого с дилетантом ярко проявился и ее педагогический талант. При этом она вся зажигалась, хвост волос мелькал туда-сюда, когда она поворачивала тонкую гибкую шею, а голубые глаза становились то туманно-задумчивыми, то лучисто-сверкающими. Паркер тоже слушал ее с восторгом. Каролина вдруг прервала свой рассказ и рассмеялась.

— Налей мне чего-нибудь, Джо! — сказала она. — Чувствую, меня понесло. Археология — это не только моя профессия, это моя единственная большая любовь. Рассказами о ней я могу нагнать скуку на любого, кто только мне это позволит.

И Джо вдруг осознал, что она еще никогда не разговаривала с ним об этом... «Должно быть, я ей этого не позволял...» — подумал он с изумлением и сказал:

— Каролина, ты самая большая неожиданность этого вечера!

Но он ошибался, потому что как раз в этот момент над их столиком склонился официант и тихо сказал:

— Мистера Паркера просят к телефону.

— Прошу прощения, — Паркер встал и удалился.

— Каролина, — продолжал Джо, — о, моя прекрасная Каролина!

— Правда? Я, действительно, не уродина. А ты меня хоть немножко любишь?

— Больше жизни, — серьезно ответил Алекс.

Она рассмеялась.

— Нет. Не бойся. Я не поймаю тебя на слове и не выскочу за тебя замуж. И так будет лучше всего. Мы принадлежим друг другу ровно настолько, насколько хотим. И никто нас ни к чему не обязывает. Если бы я вышла за тебя, мне пришлось бы постоянно вытирать пыль и мыть окна. Когда я делаю это сейчас, то проявляю всего лишь капельку женского обаяния, прекрасно зная, что, закончив работу, в конце концов вернусь в свою собственную квартиру, а ты останешься один и можешь делать все, что тебе захочется. Но мне с тобой хорошо...

— И мне с тобой, — сказал Алекс. — Я бы уже не прочь вернуться домой. Ты бы заварила чай, и мы послушали бы негромкую музыку по радио... Такой, знаешь, тихий джаз...

— О, это великолепно! Потом мы уснем, а радио будет играть до самого утра... А когда мы проснемся, оно будет нам тихонько рассказывать о выращивании сахарной свеклы и о конгрессе работников почтового ведомства. Ладно, Джо, заканчивай есть — сейчас поедем...

Но и она ошибалась. Бен Паркер подошел к столику и, не присаживаясь, сказал:

— Вы меня простите, но я должен идти.

— Как это? Неужели твоя работа не может оставить тебя в покое даже на час? Что-нибудь случилось?

— Да, — сказал Паркер, присел и, склонившись к ним, сообщил вполголоса: — Стивен Винси, исполнитель роли Старика в сегодняшнем спектакле «Стулья», только что найден в своей гримерной с кинжалом в сердце.

III. «Помни, что у тебя есть друг»

Каролина застыла неподвижно с бокалом вина, поднесенным к губам, затем медленно поставила его на стол, но не произнесла ни слова.

— То есть как!? — Джо вскочил с места, но тут же сел снова. — Когда это случилось? Да ведь... — Он умолк. — Уже известно, кто его убил?

— Пока еще ничего не известно. Сейчас за мной сюда приедет наша машина. Сержант Джонс уже на месте. Ночной портье обнаружил труп и сразу же позвонил директору театра мистеру Дэвидсону, а тот знает меня лично, и немедленно набрал мой номер в Ярде. Там как раз дежурил сержант Джонс. Я велел ему сначала немедленно отправиться на место преступления, потому что от Ярда до театра несколько шагов, а потом уже послать за мной машину. Она, наверно, уже здесь... — Он взглянул на часы, потом на Алекса. — Ты не хотел бы со мной поехать, Джо? — спросил он вдруг без всяких предисловий.

— Я? Да, конечно, если ты полагаешь, что...

— Твое знакомство с этой средой может оказаться очень полезным. Ты знаешь о театре гораздо больше меня. Кроме того, мы вместе были сегодня на этом спектакле. — Он обратился к Каролине: — Простите мисс Бикон, это, наверно, очень невежливо с моей стороны... Мы пришли сюда вместе, а теперь вдруг оба покидаем вас... Но... — он выразительно развел руками.

— Да, да, конечно... — Каролина встала. — Пойдемте. Дай мне только ключи от твоей машины, Джо. Я вернусь на ней домой, а утром ее тебе пригоню... — И когда Паркер отправился в гардероб, добавила вполголоса: — Дай мне быстро ключи от твоей квартиры, потому что ключи от моей у тебя в чемодане.

— Подожди меня... — Джо легонько прикоснулся к ее плечу. — Я не могу отказать Паркеру, а кроме того... Через какой-то час я наверняка буду уже дома...

— Нет. Не будешь, но это ничего. У мужчин свои увлечения, так же как и у женщин. Я буду спать как убитая, когда ты вернешься. Разбуди меня, ладно? Я заварю чай, и мы послушаем джаз, как ты хотел. Это наверняка тебе понадобится, потому что уже через несколько минут ты будешь смотреть на покойника. Человек никогда не может безнаказанно смотреть на мертвых. Это всегда напоминает нам о самом главном... Господи, я, наверно, здорово устала... Это так ужасно... Убит человек, которого мы два часа назад видели, которому аплодировали... А я думаю о том, как бы поскорее лечь и уснуть... По-видимому, я действительно совсем обессилела после сегодняшней поездки... Давай ключ! — быстро добавила она, увидев Паркера, идущего из гардероба.

Джо незаметно передал ей ключ.

— Ну, пока, Каролина, — улыбнулся он ей ласковее, чем хотел. Открытая сердечность лежала где-то вне границ их взаимоотношений. Они всегда относились друг к другу как коллеги, иногда как друзья, но никогда как возлюбленные.

Они сошли вниз вместе. Девушка села в автомобиль Алекса и включила двигатель. Она помахала мужчинам рукой, и машина рванулась с места как стрела. На углу улицы она чуть было не столкнулась с большим черным лимузином, который, взвизгнув покрышками по асфальту, резко затормозил и остановился перед Паркером и Алексом.

— Садись! — пригласил Паркер.

Обратный путь занял гораздо меньше времени. Полицейский лимузин мчался так, будто ехал не через центр большого города, а по пустынной загородной автостраде. Дважды, перед большими перекрестками, водитель включал сирену с маяком и с воем проносился мимо поспешно тормозящих автомобилей.

— Прекрасная девушка! — неожиданно сказал инспектор.

— Что? — очнулся Алекс от размышлений. — Кто?

— Мисс Каролина Бикон. Я еще никогда не встречал женщины, которая, услышав такую новость, не задала бы сотни неуместных вопросов. А она без единого слова села в машину и исчезла. Сокровище!

— Неужели ты действительно сейчас думаешь об этом? — с удивлением спросил Алекс.

— Нет. Но я не хочу думать об убийстве до тех пор, пока не узнаю больше. Ничто так не мешает следствию, как подозрение или предубеждение, возникшее изначально. Тогда невольно начинаешь подтягивать факты под свою версию, что может иметь фатальные последствия, потому что тогда ты теряешь остроту взгляда и можешь не заметить истины, которая обычно выглядит совсем не так, как мы ее себе представляем вначале. Поэтому я пока стараюсь отвлечь свое внимание от этого убийства. Будет множество шума в прессе... Снова множество шума... Независимо от того, легко это будет или трудно, я хотел бы иметь убийцу под замком в течение ближайших двадцати четырех часов...

— Но ведь ты еще не знаешь, а вдруг там есть следы, которые позволят тебе найти его через ближайшие полчаса!

— Мне уже сейчас все это не очень нравится. Если актер не вышел на поклон, а потом остался в своей гримерной, и никто из его коллег не заметил этого, — значит, убийца действовал отнюдь не в состоянии аффекта, а скорее всего, с заранее обдуманным намерением, раз выбрал такой подходящий момент... Однако не будем упреждать факты.

— Вот именно. Не будем. Ведь он мог погибнуть и через час после спектакля. У него мог быть гость... Его кто-то мог подкараулить...

Паркер приложил палец к губам.

— Не будем гадать. Подождем.

Автомобиль резко затормозил. Выглянув в окно, Алекс увидел, что они проезжают мимо фронтона театра и сворачивают в боковую улочку. Проехав еще несколько ярдов, лимузин остановился.

Они вышли. Перед ними находился служебный вход в театр «Чембер». Улочка была узкая и тихая. Несколько каменных ступенек вели к остекленной, забранной массивной решеткой двери, рядом с которой висела блестящая табличка: ТЕАТР «ЧЕМБЕР». ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ РАБОТНИКОВ ТЕАТРА. Паркер немедленно двинулся вверх, перешагивая через две ступеньки. На звук тормозов лимузина на пороге появилась рослая, плечистая фигура в полицейском мундире.

— Вам кого? — спросил полицейский и тут же отодвинулся, отдавая честь и вытянувшись. — Добрый вечер, господин инспектор! Простите, не узнал!

— Добрый вечер, Мак-Грегор, — ответил Паркер и осмотрелся.

Вход в театр был освещен мощной электрической лампочкой, располо-

женной над задернутым желтой занавеской окошком небольшой комнаты дежурного портье. От этой комнаты вверх к небольшой площадке вели несколько ступенек. В стене слева находилась запертая дверь с надписью: РАЗДЕВАЛКА ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТАВА и дальше вел куда-то уходящий влево коридор. Именно из него и вынырнул молодой толстощекий сержант Джонс.

— Добрый вечер, шеф! — увидев Алекса, он поднял брови с выражением легкого удивления, и тут же покраснел. — Добрый вечер, сэр. Мы снова встречаемся с вами при таких ужасных обстоятельствах... Может, из этого получится новая повесть, а?

— Джонс! — сказал Паркер. — Ваши литературные интересы вы будете удовлетворять в свободное от службы время. А пока расскажите, что здесь произошло.

— Так точно, шеф! Тело обнаружил ночной портье, — Джонс взглянул на часы, — двадцать минут назад, в ноль часов пять минут, когда, заступив на дежурство, он обходил здание, чтобы проверить, все ли в порядке, не осталось ли где ненароком непотушенного окурка и так далее. Он немедленно позвонил директору Дэвидсону, а тот сразу связался с нами. Директор ждет вас в своем кабинете, шеф, как вы просили. Стивен Винси был убит ударом кинжала, судя по тому, что я видел. Или, может, он сам закололся, хотя на это не похоже. Он лежит у себя на кушетке. В данный момент мне нечего больше добавить. Медэксперт, фотограф и дактилоскопист уже едут. Ни директор Дэвидсон, ни портье никому не сообщали о преступлении, так что, кроме них и нас, никто еще ни о чем не знает.

— Знает об этом еще тот, кто воткнул кинжал в Стивена Винси, — добавил Паркер с мрачной улыбкой, — но будем надеяться, что вскоре он узнает также кое о чем, менее для него приятном, чем убийство актеров в их собственных гримерных. Пошли!

Они поднялись по ступенькам и свернули в коридор. Там была только одна дверь, слева поодаль, а за ней проходил другой, поперечный коридор. На противоположной стене виднелась большая черная надпись: ТИШИНА!

— Это здесь, шеф! — сказал Джонс, указывая на дверь.

Возле двери стоял широкоплечий мужчина в гражданском. При виде инспектора он вытянулся.

— Гримерная Винси?

— Да, шеф.

— Стивенс!

Человек в гражданском подошел и встал по стойке «смирно».

— Ступайте к директору Дэвидсону, который ожидает меня в своем кабинете, и скажите ему: пусть еще немного подождет, потому что я должен сначала выполнить некоторые формальности.

— Слушаюсь, шеф!

Детектив Стивенс повернулся и исчез в конце коридора, свернув направо.

— Где ночной портье, который обнаружил тело?

— У себя в дежурке. Я велел ему сидеть на месте и не слоняться по зданию. Он ждет вашего вызова. Позвать его, шеф?

— Пока нет. Осмотрим место преступления, прежде чем появятся медэксперт и остальные. Пусть нам никто не мешает, Джонс. Сообщи мне, когда наши приедут. Пошли, Джо.

— Будет исполнено, шеф, — сказал Джонс.

Паркер подошел к неплотно закрытой двери с левой стороны коридора и легонько толкнул ее ногой. В коридор упал тонкий луч яркого света.

Инспектор впустил Алекса в комнату, осторожно придерживая локтем дверную ручку.

В гримерной Стивена Винси было необычайно светло. Комнату освещала лампа в несколько сот ватт, размещенная под потолком, да еще были включены две мощные лампы по обе стороны большого зеркала, стоящего на низком столике напротив мягкого, удобного стула с высокой спинкой. В правой части гримерной стоял большой, занимающий почти всю стену запертый шкаф с двумя дверцами, в левой — маленький столик и два стульчика, а напротив двери находилась кушетка, обитая светлой материей в цветочки.

На кушетке лежал Стивен Винси. Он лежал, выпрямившись, и его левая рука была прижата к сердцу, а правая безвольно свисала, касаясь пола. Тут же, рядом с кушеткой стояла огромная корзина красных роз, тонких и элегантных, как балерины.

Инспектор подошел и склонился над телом. Алекс тоже приблизился, и оба они, стоя рядом, с минуту молча смотрели на умершего актера.

Лежащая на груди ладонь убитого сжалась на рукоятке позолоченного кинжала — то ли в последнем стремлении вырвать его из раны, то ли отдыхая после нанесенного самоубийственного удара. Очевидно, это было последнее движение умирающего: попытка освободиться от застрявшего в груди инородного тела. Рана была, наверно, глубокой, потому что кинжал вонзили в грудь по самую рукоятку.

— Это не похоже на самоубийство... — пробормотал Паркер. — Человеку очень трудно вонзить в себя нож так глубоко, лежа на спине. Скорее всего, он убит. Думаю, доктор будет того же мнения. Хотя, конечно, было бы гораздо лучше, если б это оказалось самоубийством... — Он умолк, а потом продолжал: — Да, было бы гораздо лучше... Когда человек отнимает жизнь у себя, он хоть и совершает глупость, но, по крайней мере, посягает на то, что принадлежит ему самому. Но когда он отнимает жизнь у кого-то другого... — Он снова умолк. — Да. Пожалуй, это все же убийство. Убийца наклонился и ударил сверху, добавляя к удару вес всего своего тела. Винси погиб в доли секунды... А ты как думаешь?

Алекс стоял, не отвечая, и смотрел на красивое, почти спокойное лицо актера.

Первая седина на висках. Густые, темные брови. Большие чувственные губы. Великолепный прямой нос. Как же отличалось это лицо от того, которое выражала маска сегодня вечером на сцене! То было старым и неподвижным, а это, даже после смерти, говорило о жажде жизни...

Винси по-прежнему был одет в свой странный, полувоенный, полунищенский костюм. Серая, бесформенная, мешковатая блуза с жесткими эполетами на плечах. Гусарские штаны с красными лампасами и комнатные туфли на ногах. В том месте, где в тело вонзился кинжал, виднелся узкий, темный, влажный ободок. Кроме этого, крови нигде больше не было видно. Но на правой груди, на фоне светло-серой материи блузы тянулась яркая красная полоска. Паркер склонился над ней.

— Грим, да? — спросил Алекс не шелохнувшись.

— Да... — инспектор выпрямился.

— Не имеет ничего общего с преступлением, — сказал Алекс. — Это возникло во время спектакля, в тот момент, когда Старуха обнимает Старика и прижимается лицом к его груди... Ева Фарадей намного ниже ростом... — Он указал на лицо Винси: — Смотри, какой толстый слой грима. Режиссер оперирует в этом спектакле очень ярким светом. Присмотрись, какая густая помада у него на губах и как сильно обведены глаза... Полностью лицо он не гримировал, играя весь спектакль в нейлоновой маске...

— Да... — Паркер снова склонился. Не прикасаясь к кинжалу, он прочел: — «*Помни, что у тебя есть друг*»...

— Что? — не понял Алекс.

Инспектор молча, движением руки указал ему на кинжал. Джо склонился. Вдоль рукоятки кинжала была выгравирована надпись, которую только что прочел Паркер.

— *Помни, что у тебя есть друг,* — повторил Паркер и почесал затылок. — Я надеюсь, эта смерть не является результатом заговора какого-нибудь тайного общества или секты... Да нет, такое в реальной жизни не случается... Последний случай такого рода имел место в 1899 году. Нынче люди совершают убийства исключительно по личным мотивам. Однако подождем. Может, это все-таки самоубийство?

Не услышав ответа, он повернул голову к Алексу. Джо стоял над корзиной с розами и внимательно их разглядывал.

— Они очень красивы, — тихо сказал он. — И очень уместны здесь. «Покойный почил, окруженный цветами...» Так обычно пишут в некрологах, да? — Он еще раз взглянул на корзину, потом низко склонился, а затем и вовсе лег на пол возле кушетки.

— Что там? — спросил инспектор. — Будь осторожней, чтобы к чему-нибудь не прикоснуться.

Алекс молча покивал головой, а потом почти вполз под кушетку, пытаясь заглянуть изнутри в легко сжатую, свесившуюся до пола руку покойника.

— Он что-то держит в руке... — сказал Джо. — Какой-то смятый листок бумаги...

— Да? — Паркер присел на корточки. — К сожалению, придется подождать. Я не хочу ничего трогать, пока не приедут медэксперт и дактилоскопист.

Раздался стук в дверь, а затем в щель просунулось толстощекое лицо сержанта Джонса.

— Все уже здесь, шеф: медэксперт, дактилоскопист и фотограф.

— Давай их сюда, — сказал Паркер, а сам двинулся к двери и вышел в коридор.

Алекс поднялся с пола, отряхнул брюки и огляделся вокруг.

Во всей этой картине чего-то не хватало. Но чего? Чего же? Он стоял, оглядываясь, морща лоб и пытаясь добыть из тайников подсознания мысль, которая пряталась где-то очень глубоко и никак не хотела вынырнуть на поверхность. Он потер лоб. Нет. Не получается. А ведь он готов был поклясться, что вот-вот ударит себя по лбу и воскликнет: «Понял!»

Он подошел к двери и еще раз, оглянувшись, посмотрел на тело Стивена Винси и окружающие его предметы, потом вышел в коридор, где Паркер негромко давал инструкции окружившим его людям:

— Прежде всего, я хотел бы увидеть листок бумаги, который держит в руке покойный. Прошу меня позвать сразу же, как только его можно будет взять. А теперь не буду вам мешать, потому что и так слишком много людей войдет одновременно в эту комнату.

Они с Алексом направились к дежурному портье.

IV. «Его ненавидели все...»

Инспектор кивнул полицейскому, дежурившему у входа в комнату портье, и вместе с Алексом вошел внутрь. Он сел и указал на противоположный стул седому бледному мужчине, который вскочил на ноги, как только Паркер с Алексом вошли.

— Вы работаете ночным портье в этом театре, не так ли?

— Совершенно верно, сэр. — Человек снова вскочил со стула, но Паркер жестом усадил его обратно.

— Назовите вашу фамилию.

— Сомс, сэр. Джордж Сомс.

— И давно вы здесь работаете?

— Уже тридцать восемь лет, сэр.

— В этой должности?

— Да, сэр.

— Расскажите нам о том, как вы обнаружили тело. — Паркер вынул блокнот. Алекс стоял, опершись на стену, и наблюдал за лицом пожилого портье. Видно было, что смерть Винси, а быть может, просто тот факт, что это именно он первым обнаружил тело убитого, произвели на старика большое впечатление.

— Ну, я пришел, как обычно, в двенадцать, чтобы сменить Галлинса...

— Галлинса? Это, наверно, дневной портье?

— Да, сэр. Каждые две недели мы меняем очередность дежурств, то у него ночные дежурства, а у меня дневные, то наоборот.

— Понятно. Итак, вы пришли сменить Галлинса. И что?

— Я вошел, сэр, а он уже ждал. Мы, как обычно, поболтали немного о том о сём, и я...

— Как долго вы разговаривали?

— Ну, минуту, может, две... Потом он ушел, а я запер за ним дверь и двинулся наверх, чтобы осмотреть все гримерные и сцену, потому что у нас так записано в инструкции. Надо всегда проверить, не оставил ли кто непотушенного окурка, или, к примеру, нет ли замыкания в каком-нибудь кабеле... Это ведь театр, сэр, здесь работает много разных людей, и если вдруг кто-то не проявит должного внимания... Часто бывает, сэр, что пожар незаметно тлеет несколько часов, прежде чем разгорится как следует...

— Понятно. Итак, вы начали обход...

— Совершенно верно, сэр. Сперва я отпер дверь в гардероб для технического персонала, заглянул туда, а потом двинулся дальше...

— А если бы в этот момент кто-нибудь позвонил в дверь, что было бы?

— Ночью, сэр, в принципе, никто сюда не приходит, если нет ночных репетиций. Но даже если бы что-нибудь подобное и случилось, то ночной звонок очень громкий, и когда в помещении пусто, его слышно в любом уголке, сэр. Я услышал бы наверняка.

— Хорошо. И что дальше?

— Так вот, значит, я двинулся дальше по коридору, и первая же гримерка — ну, так мы называем гримерные актеров… Так вот первая гримерка на моем пути была как раз мистера Винси. Я увидел свет, проникающий сквозь замочную скважину, и хотя Галлинс ничего не сказал мне насчет того, что мистер Винси еще здесь, я все же предпочел постучать. За эти тридцать восемь лет работы в театре я уже многого насмотрелся... У мистера Винси кто-то мог быть. У актеров часто бывают такие поздние гости... Девушки разные приходят... Вы же знаете, сэр, как заманчива эта театральная закулисная атмосфера...

— Да. Знаю. И что же дальше?

— Так вот, я постучал. А когда никто не ответил, я постучал еще раз. Когда и на этот раз не было ответа, а к тому же стало видно, что ключ торчит в замке с внутренней стороны, я открыл дверь, подумав, что, наверно, мистер Винси, выходя, просто забыл потушить свет.

— Была ли дверь заперта на ключ?

— Нет. Я лишь нажал на ручку, и она открылась. Сначала я подумал, что мистер Винси спит или даже, может, выпил больше нормы. Я уже не раз тут подобное видел, сэр. Тогда вызываешь такси и вдвоем с водителем вносишь человека в машину, чтобы он мог утром проснуться у себя дома...

— Ясно. Но мистер Винси не спал.

— Совершенно верно, сэр. Так вот, когда я подошел и увидел, что у него в груди торчит этот кинжал, я сперва остолбенел, а потом меня начало трясти так, что я и не мог двинуться с места и не мог оторвать от него взгляда... Но затем пересилил себя и подошел ближе, чтобы проверить, а может, он еще жив... Я заставил себя прикоснуться к его телу...

— К чему именно вы прикасались?

— Ко лбу, сэр. Я положил руку на его лоб, но он был уже совсем холодный. Я понял, что это труп, и тогда у меня волосы на голове встали дыбом. Я ведь находился совсем один в этом помещении, а убийца мог прятаться где-то совсем рядом! Тогда я выскочил из гримерки, бросился бегом сюда, в дежурку, заперся тут на ключ и позвонил директору, мистеру Дэвидсону, а потом уже не двигался с места до самого прибытия полиции и только молился и ждал...

— А в течение этого времени убийца, если он находился в здании, мог убежать?

— Убежать? — старик задумался. — Нет, сэр. Никоим образом. Два года назад театр был перестроен, и вся закулисная часть теперь отделена от зрительного зала огнеупорной стеной. Сквозь нее ведут только три маленьких выхода из коридора за кулисы и узенький коридорчик в фойе. Но там установлены стальные двери с автоматическими замками, и после спектакля помощник режиссера запирает их и отдает ключи портье, так что единственный выход только здесь. А все окна в здании забраны решетками, еще с тех времен, когда здесь был театр комедии пятьдесят лет назад. Я еще помню, как бегал сюда, будучи совсем мальчишкой...

— Минуточку... — Паркер вышел в коридор, и Джо услышал, как он говорит Джонсу: — Возьмите людей и обыщите весь театр от чердака до подвала, чтобы проверить, не мог ли убийца как-нибудь выскользнуть отсюда и нет ли где выломанных дверей или окон.

— Слушаюсь, шеф!

Паркер вернулся.

— А этот Галлинс, ваш коллега, он не мог, например, пропустить сюда кого-нибудь чужого, не заметив его?

— Не знаю, сэр. Думаю, что нет, потому что отсюда видно всю лестницу, а после ухода персонала дверь запирается на ключ, так что, пожалуй, нет.

— А зачем он запирал бы дверь, если мистер Винси еще не вышел?

— Вот как раз этого я не знаю, сэр... — старик заколебался. — Дверь была заперта, когда я пришел...

— Не хотите ли еще что-нибудь добавить? — быстро спросил Паркер.

— Нет, нет, ничего... — портье снова заколебался. — Нет, сэр.

— Не забывайте, что здесь убит человек! — Инспектор встал и подошел к нему. — Если вы что-то заметили, пусть даже какой-нибудь пустяк, мелочь, вы не должны ничего скрывать, даже если вам кажется, что это не имеет ни малейшего значения.

— Так точно, сэр! — портье быстро встал и вытянулся.

— Садитесь, — Паркер положил руку ему на плечо и почти заставил его сесть. Не снимая руки, он склонился над ним. — Говорите, Сомс, только говорите всю правду, потому что иначе вы можете быть привлечены к

ответственности за умышленное укрывательство от полиции важной для следствия информации.

— Когда я... Но это не существенно, сэр...

— Об этом я буду судить. Говорите, пожалуйста.

— Так вот, сэр, дело в том, что вчера у Галлинса родился ребенок... Ночью родился... Сынок... И он всю предыдущую ночь не спал, а потом пошел на работу...

— Так. И что?

— Так вот, когда я пришел и постучал в дверь, то он не открыл. Я вынужден был позвонить раза два. Только тогда он проснулся. Но только не говорите этого директору, сэр, а не то Галлинс потеряет работу... А он... Это ведь жена ему как раз третьего ребенка родила... И это было бы для него ужасно...

— Я понимаю. Не волнуйтесь, директор об этом не узнает. Но какое это, по-вашему, имеет значение?

— А такое, сэр, что это он, Галлинс, обязан был по инструкции обойти без четверти двенадцать все гримерки и сцену, чтобы передать мне театр уже после своего обхода. Таковы правила. А если он спал, значит, не обошел. Потому что, если б обошел, то нашел бы мистера Винси. Кроме того, он, наверно, был здорово сонный, потому что даже не глянул на доску с ключами, иначе сразу бы заметил, что не хватает ключа от одной гримерки. А если ключа нет, он обязан был проверить, почему. Все, выходя, отдают портье ключи. Ключи от гримерных всегда отдают костюмеры, потому что они задерживаются там уже после ухода актеров, чтобы привести в порядок и развесить костюмы. Не знаю, как было сегодня. Наверно, мистер Винси отпустил Раффина...

— Кто такой Раффин?

— Оливер Раффин — это костюмер, который на спектакле «Стулья» обслуживает мистера Винси.

— Ага, значит, вы предполагаете, что Галлинс уснул. А если он уснул, то тут многое могло случиться. Не так ли?

— Да, сэр. Только, пожалуйста, сэр...

— Можете быть спокойны. Тут речь идет о поиске убийцы, а не о нарушении инструкции вашим коллегой, который действительно мог быть утомленным после бессонной ночи, когда ожидал появления на свет своего потомка. Не бойтесь, ничего с ним не случится, если он скажет нам всю правду. И будьте уверены — он нам ее скажет.

— Большое спасибо, сэр! — старик поднялся с места. — Я могу идти, или мне остаться до конца моего дежурства?

Паркер внимательно посмотрел на него.

— Вы женаты?

— Я вдовец, сэр.

— У вас есть дети?

— Две дочери, сэр.

— Они живут с вами?

— Нет, сэр. Обе вышли замуж. Одна живет в Шотландии, а другая в Австралии. Ее муж получил там работу...

— Значит, вы живете один?

— Да, сэр.

— Хорошо. Идите домой, но помните, что до завтра, пока вы снова сюда не придете, вам нельзя ни с кем даже словечком перемолвиться обо всем, что здесь случилось. А теперь ступайте и поспите немного. Сегодня ночью полиция будет охранять этот театр вместо вас, — Паркер улыбнулся. — Однако помните, вы обязаны молчать.

— Да, сэр.

— И не торопитесь предупреждать Галлинса о том, что полиция кое-что знает о его склонности ко сну на работе, потому что через минуту за ним поедет машина и все равно обгонит вас.

Старик застыл как вкопанный, а потом по его сморщенному лицу пробежала тень улыбки:

— Но мистер Дэвидсон не узнает, верно?

— Я уже сказал вам об этом.

— Ну, тогда я спокойно могу идти спать и никому не скажу ни слова. Спокойной ночи, джентльмены!

— Спокойной ночи, Сомс!

Портье вышел. В окне появилось лицо дежурного сержанта. Паркер кивнул ему головой. Раздался стук в дверь.

— Это я, шеф! — сказал сержант Джонс. — Весь театр обыскан, как стог сена, но иголка нигде не найдена. Все двери и окна в порядке. У них тут даже есть охранная сигнализация, но она не срабатывала. Убийца мог выйти только через эту дверь.

— Хорошо. Пусть кто-нибудь немедленно поедет за дневным портье Вильямом Галлинсом... Адрес у вас есть?

— Да, у нас уже есть адреса всего технического персонала и всех актеров. Сейчас за ним поедет машина.

— Когда его привезут, пусть он подождет меня здесь, в дежурке.

— Хорошо, шеф.

Паркер обратился к Алексу:

— А теперь я тебя познакомлю с директором, мистером Джоном Дэвидсоном, абсолютным властелином в этом театре и моим постоянным поставщиком мест в первых рядах. Пойдем!

Они вышли из дежурки и двинулись по коридору, минуя гримерную Винси. Из-за неплотно прикрытой двери звучали голоса работающих там людей. Услышав шаги, медэксперт высунулся из двери и сказал Паркеру:

— Я хотел бы забрать его к себе и сделать детальное вскрытие, хотя все и так, кажется, ясно.

— Хорошо. Забирайте. Самоубийство исключено, не так ли?

— Совершенно исключено. Никто не в состоянии нанести себе такой удар, лежа навзничь. Он был убит одним ударом. Смерть наступила мгновенно.

— А когда, приблизительно, он погиб?

— На глаз, между девятью и десятью, но скорее, ближе к девяти, чем к десяти.

— В девять пятьдесят я лично видел его на сцене... — вежливо сказал инспектор. — Его также видел стоящий рядом со мной мистер Алекс, не говоря уже о восьмистах других лиц, которых мы можем привлечь в свидетели.

— Серьезно? — врач удивленно поднял брови. — В таком случае, он действительно умер позже. Но не позже десяти, причем даже это время не кажется мне правдоподобным. В мышцах головы уже началось посмертное окоченение, а ведь, — он глянул на часы, — сейчас только ноль сорок пять.

— Ну, это ваша епархия, доктор... — Паркер поднял руки, будто защищаясь. — Ждем вашего диагноза. Я хотел бы как можно скорее узнать приблизительное время смерти.

— В таком случае, я должен забрать его сразу же, как только они сделают все снимки.

— Хорошо, забирайте. Жду вашего звонка.

Врач покачал головой и вернулся в гримерную. Паркер и Алекс двинулись дальше. Когда они достигли конца коридора, инспектор остановился. Перед ними находился другой, поперечный, широкий коридор, одна стена которого, очевидно, примыкала к сцене, потому что в ней видны были лишь четыре узких стальных двери, на каждой из которых было написано: «ТИШИНА!» С противоположной стороны не было никаких дверей, только в самом конце виднелся узкий коридорчик, параллельный тому, по которому они пришли.

— Хорошо построен этот театр, — заметил Алекс. — Ни одна дверь не выходит в коридор, по другую сторону которого находится сцена. Таким образом, туда не доносятся голоса и звуки хлопающих дверей.

Они двинулись дальше. Во втором коридорчике, который они миновали, было по три пары дверей с каждой стороны. Потом снова тянулась голая стена, и наконец показалась распахнутая дверь с табличкой: «ГРИМЕРНЫЕ ВТОРОГО ЭТАЖА. КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА. БУФЕТ». В дверях стоял детектив в гражданском, который вытянулся, увидев Паркера. За дверью находилась крутая лестница на второй этаж. Поднявшись по ступеням, они миновали темный и поблескивающий во мраке буфет, потом еще несколько дверей, пока не очутились перед последней дверью, снабженной надписью: «ДИРЕКЦИЯ». Паркер постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь.

— Пожалуйста, входите, джентльмены! Пожалуйста, пожалуйста... — Директор театра Дэвидсон оказался высоким, худощавым мужчиной с узким, нервным лицом.

Он вскочил из-за стола, подошел к Паркеру с протянутой рукой, а потом посмотрел на Алекса.

— Это мистер Джо Алекс, известный автор детективных романов и мой неофициальный сотрудник, — искренне сказал Паркер.

— Кто же вас не знает?! — Дэвидсон сердечно потряс руку Алекса. — Я прочел, наверно, все ваши книжки! Я всегда утверждаю, что для деловых людей хороший детективный роман полезнее отпуска. Можно несколько часов отдохнуть и начать думать о чем-нибудь другом, а не только об этих проклятых делах... — Он обратился к Паркеру: — Боже мой! Господи Боже мой! Что вы на все это скажете, господин инспектор?

— Что я на это скажу? — Паркер развел руками в своем любимом жесте мнимой беспомощности. — Я хотел бы прежде всего узнать от вас, что вы думаете обо всем этом? В силу вашего положения все театральные проблемы скапливаются здесь, на вашем столе. Не могли бы вы нам эскизно набросать портрет покойного, рассказать о его отношениях с коллегами, о последних событиях здесь и так далее. Быть может, у него были враги? А может, произошло что-нибудь, что могло бы бросить свет на это дело? Прежде чем приступить к опросам актеров и технического персонала, я хотел бы, чтоб вы нам рассказали, что вы думаете обо всем этом.

— Что я об этом думаю? — директор машинально указал им на два глубоких, обитых кожей кресла и пододвинул коробку с сигарами. Потом потер рукой подбородок. — Должен признаться, я думаю об этом непрестанно уже целый час, то есть с той минуты, когда мне позвонил Сомс... Были ли у Винси враги? Были! Честно говоря, Стивена Винси ненавидели все, и я знаю парочку людей, которые, пожалуй, совершенно хладнокровно могли бы отправить его на тот свет. Не далее как сегодня утром я сам имел огромное желание спустить его с лестницы... — Он умолк. — Это ужасно так говорить о покойном!

— Еще ужаснее не говорить о покойном, в то время как убийца разгуливает на свободе, а действия полиции зависят от количества собранной

информации, — сухо сказал Паркер. — Расскажите нам, пожалуйста, вкратце все, что, по вашему мнению, может быть существенным: обрисуйте нам портрет Стивена Винси на фоне его работы и отношений с людьми в этом театре.

Мистер Дэвидсон с минуту размышлял, а потом начал рассказывать...

V. Рассказ директора

— То, что я могу рассказать, это и очень много, и очень мало: ничего, что, по моему убеждению, могло бы бросить хоть какой-то свет на личность убийцы, но зато очень много о самом Винси и его отношениях с людьми.

— Быть может, вы сначала попытаетесь набросать нам его общий портрет? — тихо сказал Паркер.— Желательно все по порядку... — Он виновато улыбнулся. — Сначала я хочу узнать, каким он был человеком, потом, какие у вас есть сведения о его личной жизни, и наконец, как складывались его отношения с коллективом и дирекцией театра...

— Хорошо. Тогда начнем с пункта первого: каков был общий облик Стивена Винси... — Директор умолк и на несколько секунд задумался. — Очень трудно на это ответить. Не знаю, было ли у него то, что мы называем устойчивой психикой, иными словами, обладал ли он сформировавшимся, неизменным характером, хотя по возрасту вроде должен, потому что ему вот-вот исполнилось бы пятьдесят... Он был очень заносчив, самонадеян и высокомерен, но это общая черта многих актеров, черта скорее профессиональная, чем личная. Она идет от необходимости постоянной самозащиты. Человек, регулярно испытывающий конфронтацию с сотнями зрителей, чьи симпатии он всю жизнь хочет завоевывать, должен верить в то, что он лучше других, что он незаменим и неповторим как явление. Только самые умные актеры знают о своих недостатках, но и они весьма неохотно в них признаются. Однако Винси не был умным человеком в общепринятом смысле этого слова. Он был актером в жизни, умел общаться с людьми и мог казаться очаровательным, когда хотел от кого-то чего-нибудь добиться. Но я думаю, что подозревать в нем какую-то глубину было бы ошибкой. Честно говоря, я всегда считал его человеком очень ограниченным. Он был также начисто лишен того, что называется этикой поведения. Все, что было ему выгодно, всегда являлось для него самым главным, и он готов был пойти на любое свинство для улучшения своего положения. Я знаю, что с десяток лет назад он был героем какого-то замятого впоследствии карточного скандала. Он мошенничал, играя в покер, и был в этом уличен. Я знаю также, что его содержала жена одного очень богатого человека, с которой он встречался только ради денег. Она давала ему даже очень крупные суммы, но он промотал все деньги, так же, впрочем, как полученные от нее роллс-ройс и загородную виллу. Но это тоже старая история. Дело было лет десять назад. Самое худшее в этом то, что Винси громко рассказывал каждому, кто хотел об этом слышать и кто не хотел, что есть, мол, такая женщина, называл ее имя и рассказывал, кто она такая. По-видимому, он считал, что таким образом она воздает должное его красоте и актерскому искусству. Он, действительно, был очень способным актером. Но не гениальным. Он так никогда и не стал по-настоящему большим артистом. Я думаю, что этому помешали его легкомыслие и неумение подчинить себя требованиям хороших, мыслящих режиссеров. Он был актером вчерашнего дня, по сути, гораздо более старым, чем можно судить по дате его рождения. Винси принадлежал к категории тех театральных звезд девятнадцатого

века, для которых не имели значения ни автор пьесы, ни ее текст, неважны были партнеры, концепция спектакля и его главная мысль, важно было лишь одно — они сами на сцене. Он был невероятно впечатлительным к малейшим попыткам режиссера поставить его на второй план в сцене, где его присутствие на переднем плане выглядело бессмыслицей. Он противился точному исполнению роли, согласно концепции режиссера, что во второй половине двадцатого века должно рано или поздно вывести такого актера за рамки самых выдающихся спектаклей, потому что никто не хочет иметь в своей постановке персонажей, которые выпадают из общего решения и делают невозможным гармоническое развитие идеи. Быть может, именно поэтому он не попал ни в один из академических театров и никогда не войдет в историю британской сцены, хотя, возможно, он имел к этому некое прирожденное право, дарованное ему вместе с недюжинными актерскими способностями. В «Стульях» он был великолепен, хотя, если вы спросите у мистера Дарси, сколько он с ним намучился, тот расскажет вам целые тома. Ведь всю концепцию этой роли придумал Дарси, а не он. Однако, возвращаясь к психологическому портрету Винси, думаю, что это был человек слабый, ограниченный и лишенный всяких моральных принципов. Одновременно он обладал огромным личным обаянием, особенно по отношению к женщинам, которые очень многим помогли ему в жизни и в то же время повредили, избаловав и испортив его... Скандалов и всяких историй с женщинами у него были тысячи...

— Так... — Паркер задумался. — Как вы думаете, а мог ли он иметь какие-нибудь контакты с преступным миром?

— Пожалуй, нет. Не думаю. У него не было для этого никаких поводов. Хотя... Но это же не доказательство...

— Что именно? — спросил инспектор.

— В последнее время, то есть, примерно с неделю, Винси начал вести себя совершенно удивительно, даже учитывая его характер. Вначале некоторые решили, что он просто свихнулся. Он стал рассказывать всем вместе и каждому по отдельности о намерении открыть собственную киностудию, где, наконец, он сумеет показать себя миру в качестве следующего Лоуренса Оливье. На вопросы, откуда он возьмет деньги для такого предприятия, он загадочно улыбался и пожимал плечами, отвечая, что это пустяки. Разумеется, когда мне об этом донесли (потому что, как вы знаете, в театре директору всегда обо всем доносят), я рассмеялся. Никто лучше меня не знал о его доходах. Я должен быть в курсе этих вопросов, потому что все время имею дело с актерами и обязан знать, кто сколько «стоит», как говорится. Но Винси менялся изо дня в день, пока, наконец, не явился ко мне сегодня утром, сюда, в этот кабинет, и с неслыханной наглостью по отношению не только ко мне, но и к театру «Чембер», который, как вы знаете, служит исключительно современному искусству и его пропаганде, потребовал какую-то астрономическую сумму, утверждая, что в нынешних условиях играть за меньшие деньги во всякой бессмысленной чепухе, которую здесь ставят, он не намерен, и угрожал в противном случае разрывом контракта. Я подавил гнев, хотя его поведение было совершенно идиотским, и спокойно ответил, что он, конечно, имеет право расторгнуть контракт с театром и может уйти хоть завтра, но, разумеется, ему придется возместить убытки, что составит весьма значительную сумму, поскольку я потребую возмещения всех расходов на постановку спектаклей с его участием, оплаты труда всех актеров, технического персонала и так далее, а также за вынужденный простой до того момента, пока мы не найдем другого актера, который заменит его и будет введен в спектакли. Однако после начала сезона и подписания актерами контрактов во всех театрах это будет

не так-то легко сделать. Между прочим, сейчас, когда он погиб, я просто в отчаянии, с той минуты, как осознал, что означает для меня это страшное известие. Актеры ужасно суеверны. Может получиться так, что не найдется никого, кто хотел бы вводиться в роль только что убитого коллеги...

— Да... Действительно... — пробормотал Паркер.

— Ох, простите! Я отклонился от темы. Так вот, после такого моего ответа он несколько поостыл, но, несмотря на это, отказался от работы в нашем коллективе и заявил, что, отыграв оговоренное контрактом количество спектаклей, будет считать себя совершенно свободным от сотрудничества с нами, чего, впрочем, мог мне вообще не говорить, потому что у него и так есть на то полное право, согласно тому же контракту. Однако это были отнюдь не единственные симптомы того, из-за чего в первые дни члены коллектива стучали пальцем по лбу за спиной Винси и во что через несколько дней все вдруг поверили, включая даже меня. Ведь совершенно очевидно, что актер никогда не отказывается от работы, разговаривая таким тоном с директором театра, если не видит перед собой гораздо лучших перспектив. Тогда я провел конфиденциальное расследование и могу вам совершенно ответственно заявить, что ни одна из киностудий и ни один из театров никаких переговоров с Винси ни о чем не вели. Таким образом, вся эта история остается для меня совершенно непонятной. Не знаю, как он намеревался получить какие-то фонды. Наверняка не благодаря своему актерскому ремеслу и не от доходов, с этим связанных...

— А он еще как-нибудь заявлял о своем будущем богатстве или связанными с ним блестящими перспективами? — спросил инспектор.

— Конечно! Ситуация в театре уже давно стала очень напряженной. До момента знакомства с Винси Ева Фарадей считалась почти невестой Генри Дарси, который открыл ее в каком-то любительском театре и сделал из нее актрису. Однако потом она, вероятно, влюбилась в Винси, или скорее всего, он просто вскружил ей голову, потому что она порвала с Генри и стала показываться лишь в обществе Винси. Это произошло где-то через полторы недели после начала репетиций «Стульев», то есть примерно три месяца назад. Этот человек оказывал огромное влияние на женщин. Наверно, все же Ева его полюбила, потому что Генри один из самых лучших и самых способных людей, которые работают в нашем театре. Если бы она вышла за него замуж, она была бы счастлива и знаменита. Но кто может понять женщину? Во всяком случае, Дарси, как говорится, даже глазом не моргнул, несмотря на то, что должен был каждый день встречаться с ними обоими, потому что по иронии судьбы они как раз играли в спектакле, где заняты всего двое актеров. Дарси ставит этот спектакль и, кроме того, играет в нем эпизодическую роль Рассказчика. Ему пришлось непрерывно общаться с ними, спорить, объяснять, репетировать по два раза в день... Но я в театре и не такое видывал... Дарси по-прежнему относится к Еве очень сердечно. Наверно, он все еще ее любит. А она души не чаяла в другом. Говорят, Винси обещал жениться на ней, утверждая, что хочет завести семью и, наконец, остепениться. Впрочем, кто может знать точно, что он ей говорил, что обещал и как на нее воздействовал? Я думаю, он пришел в этот мир, обладая тем ужасным качеством, каким обладает липкая бумага против мух. Женщины льнули к нему, а потом не могли от него оторваться. А он бросал их без колебаний, когда они ему надоедали или переставали быть нужными. Так случилось и с Евой. Несколько дней назад между ними разразилась скандальная ссора прямо в театре. То есть, Ева как бы не принимала участия — говорил один Винси. Он орал на нее, ругаясь последними словами, обвинял в том, что она в него вцепилась, что она ограничивает его жизнь, что она не имеет на него никаких прав, что она — гиря на его

ногах и так далее. Это случилось через день или два после того, как он начал распространять слухи о своем богатстве. Вероятно, он посчитал, что женитьба на молодой и хотя уже известной, но не самой знаменитой актрисе не имеет теперь для него никакого смысла. Он был полон фантастических проектов, в которых для нее не оставалось никакого места... После этого скандала он с ней порвал и ни разу больше не обратился к ней ни единым словом за пределами сцены. А на сцене он вел себя так, будто имеет дело с ядовитой змеей. Между прочим, во время этого скандала произошел еще один инцидент. Когда Винси повысил голос и начал кричать на Еву, Дарси еще не было в театре. Думаю, впрочем, что Винси умышленно выбрал именно такой момент. Он хотел публично унизить ее и в то же время не получить по зубам. Потому что Дарси, безусловно, не позволил бы ему так обращаться с женщиной, независимо от того, бросила она его ради Винси или нет... А в нашем театре работает помощником режиссера один молодой парень, довольно хилого телосложения, по имени Джек Сойер, студент, который просто у нас подрабатывает, чтобы платить за учебу в университете, где он обучается медицине. Так вот, этот помощник режиссера находился как раз недалеко, и когда Винси употребил какое-то нецензурное выражение, он подошел к нему и сказал, что мужчина не имеет права вести себя так по отношению к женщине. А надо вам сказать, джентльмены, что для Стивена Винси технический персонал театра вообще не относился к категории людей. Он смотрел на технических работников, как средневековый феодал на своих подданных, точнее говоря, еще хуже, потому что попросту не замечал их вообще. Стивен Винси, как и Генри Дарси, — высокие, крепкие мужчины, а этот мальчик по сравнению с ними выглядит недоростком. И Винси недолго думая бьет его по лицу. Получив пощечину, молодой человек схватил топорик, который пожарник оставил на столике в коридоре, и возможно, даже ударил бы этим топориком Винси, если бы его не остановили успевшие подбежать другие работники. Конечно, все это могло очень плохо кончиться для Винси, но по моей просьбе Сойер принял извинения от Винси, которому я пригрозил, что он может пойти за это в тюрьму на пару месяцев. Конечно, между нами говоря, его бы не посадили, ограничились бы штрафом, но я хотел как-то все это урегулировать, потому что в театре такие ссоры и скандалы безумно осложняют работу и сразу же отражаются на игре актеров и атмосфере всего спектакля. Но это было еще не все. Ева, разумеется, тогда упала в обморок, и целых полчаса надо было приводить ее в чувство, а потом она закатила истерику со слезами, в связи с чем спектакль начался с опозданием на пятнадцать минут. А когда пришел Дарси, который появляется позже, потому что выходит на сцену лишь в конце второй половины спектакля, и сразу же узнал о том, что произошло, он в антракте вошел в гримерку Винси и совершенно спокойно пообещал, что если тот еще раз скажет хоть одно невежливое слово Еве Фарадей, то он, Дарси, попросту, убьет его, как собаку. И вышел, не дожидаясь ответа. Костюмер Раффин, который при этом присутствовал, потому что обязан по роду службы во время спектакля находиться в гримерке Винси, хотя и боится его как огня, ибо тот отвратительно ведет себя по отношению к Раффину, рассказывал мне потом, что Винси стал белым, как бумага, и несколько следующих минут в буквальном смысле дрожал от страха так сильно, что едва взял себя в руки перед выходом на сцену, когда услышал по внутренней радиосети приглашение к началу второго акта. Немедленно вслед за этим он принес формальные извинения Еве Фарадей, но отношения между ними оказались раз и, как теперь выясняется, уже навсегда прерванными.

— Так... — Паркер записал что-то в блокноте и поднялся с кресла. — Большое спасибо, господин директор. То, что вы нам рассказали, само

по себе неслыханно интересно. Это открывает широкое поле для многочисленных домыслов, которых я, разумеется, хотел бы избежать... — Он умолк, затем несколько неуверенно продолжил: — Сейчас ночь... Не кажется ли вам, мистер Дэвидсон, что вы заслужили немного сна? В ближайшие часы вы вряд ли мне понадобитесь, разве что утром. Если случится что-нибудь непредвиденное, я с сожалением буду вынужден разбудить вас телефонным звонком. Но думаю, что в течение ночи ничего такого произойти не должно.

— Я могу заночевать здесь, — сказал мистер Дэвидсон. — Я часто ночую в театре, когда у меня много работы или когда генеральные репетиции затягиваются допоздна. У меня есть диванчик, на котором я дремлю, а дежурный портье будит меня по телефону.

— Как считаете нужным, господин директор. Только одна просьба: прошу пока никому не сообщать об этом несчастном случае. Завтра и так пресса обо всем узнает, но чем позже доберутся до нас репортеры, тем лучше. Вы, разумеется, отмените спектакли?

— «Стулья» — да. Но у нас есть другой спектакль, почти готовый к выходу, который репетировался параллельно со «Стульями», потому что совершенно нельзя было предположить, какова будет реакция публики. Такие вещи могут либо сделать огромную кассу, либо провалиться после двух представлений. У этого спектакля был очень большой успех.

— И, полагаю, теперь он станет еще большим, — сказал Паркер, — насколько я знаю людей.

— И я так думаю, — согласился мистер Дэвидсон, — хотя в театре никогда ничего нельзя предвидеть заранее...

— ...как об этом свидетельствует сегодняшняя ночь, — с мрачным юмором закончил инспектор. — И еще одно, господин директор. Для формальности я должен выяснить, где вы находились сегодня вечером и ночью.

— Я? Ах, ну да, конечно... Я был на приеме у мэра. Прием продолжался с семнадцати часов до двадцати трех... Потом я вернулся домой в сопровождении двух друзей... Это был специальный прием для директоров театров... Контакт городских властей с людьми искусства. Директора театров «Биттл» и «Бурлеск» выпили у меня еще по стаканчику и разошлись буквально за пять минут до звонка Сомса. Я с ужасом думаю о том, на сколько вопросов мне придется отвечать завтра...

— И я! — вздохнул Паркер. — Но люди хотят читать газеты, а газеты хотят сообщать последние новости. С этим ничего не поделаешь. Я благодарю вас еще раз. Итак, вы остаетесь здесь?

— Да. Я все время буду у себя, чтобы не мешать вам. Но не знаю, удастся ли мне заснуть...

— Во всяком случае, попытайтесь, — посоветовал инспектор Бенжамин Паркер и вышел из кабинета, а Джо Алекс последовал за ним.

VI. «Эта дама вошла в десять пятнадцать...»

На лестнице Паркер задержался.

— Ничего пока не говори, Джо. Это дело может оказаться сложнее, чем я думал. Мы еще ничего не знаем.

— А я и не собирался ничего говорить, — буркнул Джо. — У меня позади тяжелый день, проведенный в дороге, театре и ресторане. Я встал в семь утра. Теперь час ночи. И ты полагаешь, что в этих обстоятельствах я могу быть болтливым? Впрочем, был ли я вообще когда-нибудь болтливым?

Паркер улыбнулся.

— Нет. Никогда не был. Это правда. Хотя трудно назвать тебя молчуном. А ты что, серьезно — хотел бы сейчас уйти домой?

— Ни за что на свете! Я ничего подобного не говорил.

— Ладно.

Они двинулись вниз. Бен и Джо знали друг друга много лет и прошли вместе всю войну в кабине британского бомбардировщика. Было время, когда им казалось, будто они более близки, чем родные братья. И сейчас Алекс видел, что, несмотря на улыбку, инспектор глубоко озабочен.

— Теперь я допрошу дневного портье, — сказал Паркер, — а потом остальных, если он не внесет ничего для нас нового. Но у меня такое впечатление, что внесет. Ведь если убийца мог войти, лишь минуя окно его дежурки... Однако повременим...

В главном коридоре за сценой они встретили сержанта Джонса.

— Этого портье уже привезли, шеф!

— Вильяма Галлинса?

— Да, шеф. Он в дежурке. Под охраной полицейского. Страшно взволнован, потому что его жена как раз родила и лежит в больнице. Прямо плачет, шеф. Я шел за вами, потому что даже не знаю, что с ним делать...

— Сейчас он у нас перестанет плакать, — пробормотал Паркер и ускорил шаг.

Увидев их, полицейский в дежурке, который стоял, склонившись над громко всхлипывающим человеком, сразу выпрямился, но всем своим видом показывал, будто не знает, что делать с этим удивительным существом, которое сидело на стульчике, укрыв голову ладонями. Инспектор дал знак полицейскому, что тот может идти, а когда дверь за ним закрылась, наклонился и спокойно сказал:

— Галлинс, вас пригласили сюда, чтобы допросить по делу об убийстве. Если вы совершили это убийство, то совершенно справедливо оплакиваете свою судьбу. Если же вы его не совершали, то нет никакого смысла терять наше и ваше время. После допроса я намерен отправить вас на той же полицейской машине домой. Мужчина должен быть дома с детьми, когда его жена находится в больнице. Но прежде всего, будьте мужчиной!

Как по мановению волшебной палочки, сидящий на стульчике мужчина поднял голову и опустил руки. Его лицо было залито слезами, но выражало не горе или отчаяние, а бескрайнее изумление.

— Убийство? — прошептал он. — То есть, как?.. Значит, театр не обокрали? Не обокрали?

— Нет! — решительно ответил Паркер и сел напротив него. — В то время, когда вы уснули на дежурстве, театр не обокрали. Когда за вами приехали ночью полицейские и не хотели ни о чем разговаривать, а лишь велели собираться и немедленно ехать с ними в театр, вы были убеждены, что именно так и случилось и что теперь вас привлекут к ответственности за невыполнение служебных обязанностей или заподозрят в сговоре с преступниками. Но дело совсем не в том, Галлинс! Между десятью и десятью с половиной вечера в своей гримерной был убит актер Стивен Винси, и мы хотим услышать ваши самые подробные показания насчет того, что вы делали и что видели в этот вечер.

— Мистер Винси убит?! — едва вымолвил Галлинс. — Мистер Винси! А я был здесь, за стеной... Господи, да как же это?.. Постойте, вы сказали: между десятью и десятью с половиной?

— Да. Так я сказал.

— Значит, это она!

— Что за «она»? — быстро спросил инспектор, резко наклонившись вперед.

— Это... Это та дама, что пришла в четверть одиннадцатого, пробыла там несколько минут и сразу вышла.

— Ага, значит, в это время здесь была какая-то дама?

— Да, сэр. Мистер Винси предупредил, что она придет, и я ее впустил. Это была далеко не первая женщина, которую я так впускал... Но она была старше других... Ну, всех прежних...

— И сколько же ей могло быть лет?

— Ну, может, сорок... А может, даже больше. С этими богатыми дамами никогда не известно, сэр... Они так ухожены, что иногда выглядят моложе...

— Это верно. А как она была одета?

— На ней был тонкий черный плащ и маленькая шляпка, такая модная, полукруглая, серого цвета... И, кажется, туфли на очень высоких каблуках... Но сама она была невысокая...

— Вы узнали бы ее, если б увидели?

— Пожалуй... Пожалуй, да, сэр.

— Хорошо. А вас ничего в ней не удивило? В ее одежде или, скажем, в поведении?

— Она казалась как бы смущенной... Но я не обратил на это особого внимания, потому что она ведь не была работником театра, а люди посторонние часто ведут себя робко за кулисами, сэр.

— Да. И ничего больше вы о ней сказать не можете?

— Пожалуй, нет, сэр… Ага! Вот еще, хотя это, наверно, не имеет значения... Эти дамы обычно носят к вечерним платьям такие красивые сумочки, золотистые или серебристые, но всегда маленькие. Моя жена когда-то обратила на это внимание, когда сидела здесь, у меня, она сказала, что, мол, это должна быть очень хорошая жизнь, когда в сумочке не надо носить ничего, кроме пудры, помады и платочка...

— Ваша жена совершенно права, это действительно очень удобная жизнь. Однако, что с этой дамой?

— Так вот я и говорю, сэр, — у этой дамы была большая и битком набитая сумочка, совсем не такая, какие они обычно носят к вечерним платьям. Она держала ее низко, и я сначала ее не заметил через окошко. Но потом я выглянул ей вслед через дверь, когда она поднималась по лестнице, и тогда увидел эту сумочку. Я тогда ничего не подумал... А у нее там, наверно, был пистолет.

Инспектор бросил быстрый взгляд на Алекса, который только что тихонько присвистнул сквозь зубы.

— Мистер Винси был убит кинжалом, — сказал Паркер.

— А, ну, значит, у нее там был кинжал, сэр. Но разве я тогда мог об этом подумать?

— Нет. Не могли. Правда, вы потом могли обойти весь театр, и это избавило бы вас сейчас от слез и угрызений совести. Здесь есть телефонная книга?

— Что? — переспросил портье. — Ах, да, сэр, конечно! — Он вскочил и подал инспектору книгу. Паркер передал ее Алексу.

— Будь добр, Джо, найди номер телефона мистера Чарльза Крессвела, ладно?

Алекс молча кивнул и начал листать страницы.

— А теперь расскажите мне, как вы провели этот вечер, с момента начала спектакля и до той самой минуты, когда вас разбудил ваш коллега без четверти двенадцать ночи.

— Слушаюсь, сэр. — Галлинс сел и сосредоточился. — Значит, так... Когда начался спектакль, все было как обычно, никто чужой не появлял-

ся. Потом, где-то, примерно, через десять минут после начала, пришел костюмер мистера Винси, Оливер Раффин, и заглянул сюда в дежурку. Мы немного поговорили, потому что он был уже свободен. Мистер Винси отпустил его сразу же после того, как тот его одел в сценический костюм, и велел больше не заходить в его гримерку, потому что он ожидает гостя. Он также велел Раффину предупредить меня, что к нему придет одна дама и что я должен ее пропустить, но он только не знал точно, зайдет ли она в антракте или после спектакля... Потом был антракт. Раффин по-прежнему сидел у меня. В перерыве пришел посыльный из цветочной лавки с корзиной роз для мистера Винси. Раффин от меня все еще не уходил, потому что был теперь нужен только после окончания спектакля, чтобы раздеть мистера Дарси. Мистер Дарси играет в этом спектакле только в самом конце, но с тех пор как случился этот скандал между мистером Винси и мисс Фарадей, он приходит к началу спектакля и сразу же переодевается. У него точно такой же костюм, как и у мистера Винси, только без маски, но зато он выходит на сцену в шляпе, так что у Раффина нет с ним никаких проблем. В этих современных спектаклях, говорит Раффин, только одно хорошо — костюмы в них сделаны из чего попало, без всяких там кружев, жабо и вышивок, как раньше, — вот когда человеку приходилось трудиться, не то что сейчас!

Паркер взглянул на Алекса и открыл было рот, будто хотел прервать рассказ портье, но Джо сделал почти незаметное возражающее движение головой. В руке он держал закрытую телефонную книгу, придерживая, однако, пальцем одну из страниц. Паркер закрыл рот и перевел взгляд на рассказчика.

— ...Так что Раффин посидел у меня еще немного после конца антракта, и тут пришла сестра моей жены, которая как раз приехала поездом из Манчестера, чтобы немного помочь в доме, потому что моя жена вчера родила, и я послал ее сестре телеграмму, — у нас ведь еще двое детей в доме, а у меня каждые сутки по двенадцать часов дежурство, причем днем... Так вот, когда она вошла с чемоданом, Раффин сказал, что пойдет в гримерку мисс Фарадей, которая сейчас находится на сцене, и немного поболтает со Сьюзен.

— Кто такая Сьюзен?

— Это костюмерша мисс Фарадей, жена Малькольма Сноу, рабочего сцены, который стоит «на занавесе», — страшная болтушка. Весь театр сгорал от любопытства, чем же кончится этот скандал между мисс Фарадей и мистером Винси, потому что перед этим мисс Фарадей, как говорится, гуляла с мистером Дарси... Так что Раффин отправился посплетничать к Сьюзен. А меня оставил с сестрой жены. Потом спектакль закончился, потому что это совсем короткий спектакль, и даже, говорят, это вообще была одноактная пьеса, только мистер Дарси сделал в середине антракт, чтобы можно было вынести на сцену побольше стульев. А с этими стульями вообще всегда такой цирк начинается, потому что очень трудно расставить их в особом порядке... Нет, вы себе представляете, — двести пятьдесят стульев надо поставить на сцене во время антракта, — люди себе все руки обрывают, чтоб только успеть... Вот. Так о чем это я говорил?.. Ага, вспомнил! Ну, значит, после окончания спектакля я отправил сестру жены домой на такси, потому что хоть лишних денег у меня и нет, но все же боязно надолго оставлять детей одних дома. Одному из них десять лет, и это вроде уже большой ребенок, но зато другому — всего четыре, и им самим приходится себе ужин готовить и спать укладываться... В общем, сестра села в такси и поехала. А я ждал, пока все выйдут. И почти все уже ушли, когда заглянула эта дама... Она спросила, есть ли мистер Винси.

Я сказал, что есть, и она поднялась наверх. Больше, кажется, никто не выходил, а я сидел, и у меня глаза просто слипались, — я ведь всю предыдущую ночь не спал, а утром пошел на работу. Я помню, как эта дама вышла, но сон меня уже так одолевал, что только я запер за ней дверь и вернулся сюда, как прямо с ключом в руке сел вот тут у окна и опустил голову на локоть. Дай, думаю, вздремну пару минут, а когда мистер Винси будет спускаться, я сразу услышу, проснусь и открою ему. Ну, и только я закрыл глаза, как тут уже в дверь звонит Сомс. Так мне, по крайней мере, показалось, потому что на самом деле я проспал, наверно, часа полтора, а то и больше. Но после всех волнений предыдущей ночи я мог бы проспать, мне кажется, дней пять... Теперь это уже прошло, — сказал он с некоторым удивлением. — Мне сейчас совсем не хочется спать.

— Ладно. Еще наверняка захочется, — сказал Паркер. — Но сначала вы должны закончить ваш рассказ.

— Ну так это уже, наверно, и есть конец моего рассказа, сэр... Сомс позвонил, а я был настолько сонный, что совсем забыл о мистере Винси и о том, что я не сделал обход театра перед сдачей дежурства. Но я знал, что Сомс обход сам сразу сделает, потому что он очень добросовестный человек, сэр. И кроме того, посудите сами, сэр, разве человек может предполагать, что в театре как раз в это время может случиться такой кошмар?! А когда Сомс пришел, он, наверно сразу понял, что я задремал, но не удивился этому, потому что все знали, что у меня вчера сын родился. Даже немного денег в подарок дали — весь коллектив сложился... Это очень симпатичный театр, сэр, и отношения между людьми здесь действительно добрые и дружеские. Никто не смотрит на то, что ты, например, технический работник, а не артист... Атмосфера у нас, можно сказать, очень хорошая, сэр, но никто тут не допускает панибратства, потому что мы ведь понимаем — режиссер или актер — это не какой-нибудь там портье, — но при этом все вежливы друг с другом. Разве что только один мистер Винси был... Но о покойнике нельзя плохо говорить... Он умер, и теперь все, кто к нему что-то имели, должны ему все простить, не правда ли, сэр?

— Конечно, — кивнул Паркер. — Ступайте домой, Галлинс, и отоспитесь как следует. Быть может, мне удастся скрыть от директора Дэвидсона, что вы уснули на службе, когда все это произошло. Но запомните, что в следующий раз у вас могут быть очень большие неприятности. Отец троих детей должен быть более ответственным.

— Благодарю вас, сэр, — голос Галлинса снова приобрел просительное звучание, — я как раз так сильно об этом беспокоился, что...

— Хорошо, хорошо, идите уже.

— Спокойной ночи, джентльмены.

— Спокойной ночи... — Паркер подал знак дежурному полицейскому, чтобы выпустил Галлинса, который все еще дрожал, но уже робко усмехался.

— Что теперь? — спросил Джо. — Поедем к мистеру Чарльзу Кресвелу, жениху мисс Анны Додд? Думаю, надо.

— И я так думаю. — Паркер выглянул в дверь и отдал какие-то распоряжения.

Через минуту они уже сидели в автомобиле, который, резко сорвавшись с места, мчался теперь по длинной, прямой улице, по обе стороны которой тянулся ряд высоких старинных каменных домов. Затем они свернули и, миновав две или три узкие улочки, въехали в квартал богатых вилл. Вскоре они остановились перед утопающим во тьме домом, наполовину укрытым за высокими деревьями сада. Ворота были заперты. Паркер вышел и нажал на кнопку звонка. Несколько мгновений дом оставался по-прежнему

темным. Инспектор позвонил вторично, и одновременно на первом этаже в одном из окон вспыхнул свет. Затем на некотором расстоянии тихонько скрипнула дверь.

— Кто там? — спросил старческий хриплый голос.

— Застал ли я мистера Чарльза Крессвела? — громко спросил Паркер.

— В чем дело? — Послышалось неторопливое шлепанье ног, и спустя минуту на дорожке, освещенной светом, падающим из окна, показалась сгорбленная фигура в длинном темном халате. — Кто тут?

Алекс заметил, что на втором этаже зажглось второе окно.

— Полиция, — сказал Паркер, когда старик подошел достаточно близко, чтобы можно было разговаривать с ним, не напрягая голос. — Мы хотели бы повидать мистера Чарльза Крессвела, если он дома.

— Полиция? — Старик подошел поближе и внимательно пригляделся к ночным гостям.

— Вот мое удостоверение, — Паркер просунул между железными прутьями решетки документ.

Старик взял его и тщательно прочел в свете фонарика, вынутого из кармана халата.

— Хм... — как бы заколебался он и пробормотал с недоверием: — Как это — полиция?.. Здесь еще никогда не было ни одного полицейского...

На дорожке послышались другие шаги, более быстрые и решительные.

— Что там происходит, Джон? — спросил молодой мужской голос.

— Я — инспектор Скотленд-Ярда, — резко сказал Паркер, — и обращаю ваше внимание, сэр, на то, что в данную минуту нахожусь при исполнении служебных обязанностей. Я хочу видеть мистера Чарльза Крессвела, если он дома, а если его нет, прошу объяснить...

— Это я, — сказал молодой человек и подошел ближе. — Открой, Джон.

Старик достал ключ и открыл калитку в воротах.

Проходя мимо, Паркер взял из его руки свое удостоверение.

— Простите, что мы вынуждены беспокоить вас в такую пору, — вежливо сказал он, — однако произошел довольно драматический случай, и мы предполагаем, что вы будете в состоянии дать нам кое-какую информацию по этому поводу.

— Я? — Чарльз Крессвел рассмеялся. Алекс даже в темноте увидел два ряда его ровных, белых зубов. — Опасаюсь, что это какая-то ошибка. Но раз вы исполняете служебные обязанности, мне не остается ничего другого, как... — Он улыбнулся и жестом пригласил к дому, куда вела усыпанная мелким гравием дорожка.

Паркер шел впереди, рядом с хозяином. Алекс шел следом сквозь мрачноватый сад и размышлял. Да, теперь это уже, по-видимому, не имело никакого значения... Но именно в эту минуту он осознал, что показалось ему странным в гримерной убитого. Неужели она забрала?..

Они оказались перед входной дверью, и Крессвел вошел первым, зажигая свет в холле. Он молча указал на дверь, ведущую направо. Здесь находилась небольшая комната, обставленная частично как кабинет, частично как библиотека. Алекс с удовольствием взглянул на небольшой красивый гобелен, висящий на стене.

— Льеж? — спросил он импульсивно.

— Да! — Чарльз Крессвел посмотрел на него с интересом. — У вас довольно оригинальные интересы для полицейского.

Алекс хотел было объяснить, кто он, но Паркер поднял руку. Они сели.

— Я вас слушаю, — сказал Крессвел. — Я действительно искренне удивлен вашим визитом... Я еще никогда не имел контактов с...

— Имели, — вежливо улыбаясь, сказал Паркер. — Насколько я помню, три года назад я имел удовольствие беседовать с вами о Клавдии Клавераже, вашем друге, который запутался в определенных... гм... делах. Я не ошибаюсь, не правда ли?

— Ах, так это вы! — Крессвел рассмеялся. — Мне сразу показалось, что я вас уже где-то видел. Но не предполагал, что... Да, действительно, три года назад вы беседовали со мной о бедном Клавдии.

— Вот видите. А сегодня я хотел попросить вас рассказать нам о том, как вы провели вторую половину дня и вечер вчера, вплоть до настоящей минуты.

— Я?

— Да. У меня есть предположение, что вы, совершенно неосознанно, оказались едва ли не свидетелем убийства, и уж по крайней мере, можете наверняка многое прояснить, всего лишь пересказав нам весь ход событий второй половины вчерашнего дня и вечера. Я не хочу вам ничего больше говорить, чтобы не повлиять на свободный ход вашего рассказа.

— Это представляется мне совершенно невозможным, — сказал Крессвел, — ведь вчера после полудня и вечером...— Он пожал плечами. — Но, я думаю, вы не стали бы будить меня среди ночи шутки ради, не так ли? Так что расскажу вам обо всем, что произошло. А не произошло ровно ничего. В четыре часа пополудни я поехал к своей невесте, мисс Анне Додд, и был у нее до без четверти восемь вечера. Скоро должна состояться наша свадьба, и мы обсуждали самый важный вопрос: маршрут нашего свадебного путешествия. Мы намерены на несколько месяцев покинуть Англию и совершить кругосветное путешествие. Но как вы знаете, мир можно объехать вокруг самыми разными путями. Так что мы провели это время очень приятно, разглядывая целый ворох цветных проспектов, который я принес с собой, и весьма горячо споря. Потом мы съели нечто вроде позднего ленча вместе с миссис Анджелой Додд, матерью моей невесты. Ее муж достаточно серьезно болен, поэтому не принимал в этом участия. Он лишь заглянул на чашечку кофе перед самым нашим выходом в театр. Мы поехали на спектакль «Стулья» по пьесе Ионеско. После спектакля я отвез Анну домой, а сам сразу вернулся сюда. Я не хочу теперь один бывать в ночных клубах, а мою невесту стесняет болезнь отца... Так что вернулся домой, поужинал, принял ванну и лег спать. Меня разбудили голоса в саду. Вот и все.

— Я вам очень благодарен, — Паркер встал. — Еще один маленький вопрос: вы были в театре только с вашей невестой?

— Нет, — поднял брови Крессвел, — там была также ее мать.

— Но вы, кажется, минуту назад сказали: «Я отвез Анну домой». Надо понимать, что вы также отвезли домой и вашу будущую тещу?

— Нет. Она попрощалась с нами после спектакля, сказав, что у нее еще есть какое-то дело неподалеку и что она вернется домой на такси. Так что мы уехали одни.

— Еще раз большое спасибо, и примите наши извинения за ночное нашествие, — Паркер улыбнулся. — Мне кажется, вы нам очень помогли, хотя, если честно, я еще не совсем в этом уверен. До свидания, мистер Крессвел!

И вышел, оставив изумленного хозяина на пороге комнаты. Алекс двинулся следом за своим другом.

VII. Пустой конверт

Когда они оказались за калиткой, Паркер остановился возле автомобиля.

— Что бы ты сейчас сделал на моем месте? — спросил он.

— На твоем месте я бы сейчас вернулся в театр, чтобы ознакомиться с результатами вскрытия и дактилоскопической экспертизы, но прежде всего надо узнать, что за бумажку держал Винси в руке. Кроме того, есть еще один вопрос, на который я хотел бы сам себе ответить, но пока еще не стоит об этом говорить.

— А потом что бы ты сделал?

— Потом я поехал бы к миссис Анджеле Додд и спросил ее, что она делала с того момента, как попрощалась с дочерью и будущим зятем после окончания спектакля, и до той минуты, как вернулась домой.

— Да, ты прав. На своем месте я сделаю то же самое, — Паркер невесело усмехнулся и сел в автомобиль.

Не успели они двинуться, как он снова заговорил, обращаясь то ли к самому себе, то ли к Алексу.

— Мы знаем, что в 10.15 в гримерную Винси вошла какая-то женщина. Доктор предварительно указывает нам примерно то же самое время как крайнюю границу смерти, хотя и немного воротит нос, говоря, что это поздновато. Но факты свидетельствуют о другом. Медицинская наука не может указывать время с точностью хронометра. Спектакль начался в восемь, в девять был антракт, который длился примерно до девяти пятнадцати, потом Винси снова вышел на сцену. В десять спектакль закончился. Я это точно знаю, потому что сам посмотрел на часы. За сколько минут до конца спектакля Винси мог уйти со сцены?

— От семи до восьми минут, я думаю, — ответил Алекс рассеянно.

— Вот именно! Стало быть, приблизительно в 9.25 он еще был на виду у всех. Какое-то время у него занял путь до гримерной… Он же не был убит в дверях. Ему надо было сначала лечь и взять в руку ту бумажку, которую мы через пару минут увидим. Все это вместе могло занять от четырех до пяти минут. Это значит, что в 9.56 он был еще жив. Ни один врач в мире не убедит меня в том, что может определить время смерти спустя несколько часов после ее наступления с точностью большей, чем полчаса. То есть, он мог умереть даже в 10.25. Но мне нужно время 10.15. И тогда все складывается…

— Абсолютно… — пробормотал Алекс.

— Да. Кроме того, у миссис Додд была эта странная сумочка. Ведь на это сразу обратила внимание мисс Бикон. К счастью, женщины замечают такие вещи. Крессвел не отвозил ее домой. Бог ты мой, какое же дело, кроме посещения Винси, могло у нее быть в тех местах? Она подождала, пока выйдут актеры, персонал, и спустя четверть часа вошла. Винси ее ждал…

— А она его убила… — снова пробормотал Алекс и вздохнул. — А если добавить к этому тот факт, что Винси всю неделю бредил о ждущем его огромном богатстве, а также другой факт, что дочь миссис Додд унаследовала двадцать пять миллионов, то можно сделать из этого еще один вывод.

— Я его уже сделал, мой дорогой. Скорее всего, Винси шантажировал миссис Додд. Не знаю пока, что было основой этого шантажа. Может, он был ее любовником?

— Это возможно… — Алекс зевнул. — Он также мог быть любовником ее дочери, которая, выходя замуж, хотела бы выкупить у него свои

любовные письма. Миллионерша может заплатить за такие компрометирующие документы гораздо больше, чем скромная дочь археолога, которой она была еще несколько недель назад. Она могла попросить мать уладить это…

— И это возможно. Даже, пожалуй, больше, чем первое. А может, за этим кроется еще какая-то неожиданность, но я убежден, что не ошибаюсь, рассуждая в этом направлении. А дальше все могло произойти так: она вошла и, увидев подходящую возможность, избавилась от шантажиста, а потом убежала.

— И так может быть… Хотя меня поражает ее глупость. Войти в пустой театр, спросить дежурного о мистере Винси, оказаться с актером лицом к лицу при полном освещении, а потом убить. Выходит, что наивная женщина вообразила, будто, явившись специфически одетой после спектакля, где ее с этой странной сумочкой наверняка видело множество знакомых, кроме нас, она может убить человека и бесследно растаять в лондонской мгле, которой, кстати, сегодня вообще нет. Но кто его знает — может, действительно, все именно так и было?

— Сомневаешься в этом? — спросил Паркер.

— Да. Сомневаюсь.

— А какое другое решение ты видишь? Ведь после того как она вошла, никто больше не входил и не выходил из театра. Если это сделала не она, тогда это мог сделать только дежурный портье Вильям Галлинс, которого можно подозревать во всем, но только не в том, что двадцать четыре часа спустя после рождения третьего ребенка он вдруг решил поиграть в убийцу.

— Но Винси мог быть уже мертв, когда она вошла… — тихо сказал Алекс.

— Тогда почему она не подняла тревогу? Женщина обнаруживает труп и, не говоря ни слова, уходит? Почему?

— Если дело обстоит так, как ты сказал вначале, и Винси шантажировал либо ее, либо ее дочь, то думаю, его труп с вонзенным в сердце кинжалом был для нее зрелищем, приносящим облегчение. Она могла задержаться на несколько минут, поискать эти письма или еще что-то, что он должен был ей дать взамен того, что она носила в своей набитой сумке. А потом вышла, мечтая о том, чтобы никто никогда ее не нашел. Но, конечно, она могла его убить… Хотя… Нет, в общем ты прав. В пользу моей версии говорит лишь один — ситуационный аргумент, а кроме того, мы еще очень мало знаем. Думаю, она там была. Все правильно. Но мне кажется, все же не она убила, хотя не мог бы заявить это под присягой.

— А заключить пари мог бы?

— Да. Я поспорил бы, что это не она, и притом на крупную сумму. В этом случае кладу на чашу весов лишь мое убеждение и, как я уже сказал, одну ситуационную подробность.

— Жаль, что я всего лишь скромный инспектор полиции… — сказал Паркер. — Похоже, сегодня вечером мог бы хорошо заработать, заключив с тобой это пари. Ты — автор детективных романов, и тебе кажется, что, убивая, люди всегда действуют, подчиняясь логике. Тем временем, сам факт подготовки к такому деянию либо его совершение вызывает огромное нервное напряжение, в результате чего убийца действует необдуманно и оставляет следы, которых он мог бы избежать… Убийцы — не всегда гениальны. Преступления совершают не гении, а обыкновенные простые люди…

— Боюсь, что этот убийца гораздо умнее, чем тебе кажется.

— Серьезно?

В свете мелькающих за окнами уличных фонарей Алекс уловил внимательный взгляд инспектора.

— А у тебя есть какое-либо иное решение? — спросил Паркер.

— Пока у меня, к сожалению, целых две версии…— сказал Джо. — Версия убийцы «А» и версия убийцы «Б».

— А миссис Додд — это версия «А» или «Б» ?

— Миссис Додд — это версия «в», и притом маленькое «в», не большое. Вся трудность в том, что некоторые мои наблюдения подходят к версии «А», а некоторые — к «Б». Но этих наблюдений все еще слишком мало. Думаю, что решающим станет обыск гримерной Винси.

— И что ты рассчитываешь там найти?

— Важно то, что я рассчитываю там не найти. — Алекс в задумчивости потер ладонью лоб. — Но пока мы еще слишком мало знаем. Я как бы витаю в облаках. Ты прав. Вернемся в театр, узнаем то, что мы должны узнать от доктора и дактилоскописта, затем сделаем выводы из обыска гримерной и содержания бумажки, зажатой в руке Винси. А вот потом и выяснится, являюсь я всего лишь фантазирующим автором детективов или все же в чем-то хоть отчасти прав.

— Ты меня удивляешь… — начал Паркер голосом, в котором звучало гораздо меньше уверенности, чем минуту назад. Автомобиль остановился у лестницы бокового входа в театр «Чембер».

Сержант Джонс сидел на складном стульчике в коридоре возле гримерной покойного и курил сигарету.

— Что нового? — спросил Паркер.

— Уже есть дактилоскопические отпечатки, шеф. То есть, их нет. На ручке двери — только одни, этого старого портье, дежурного, ну, который вошел в гримерку в двенадцать… Сомса. В самой гримерной — только отпечатки убитого и еще одни, которые оказались отпечатками костюмера Раффина. Я вызвал его сюда, шеф, чтобы сделать отпечатки, и задержал, потому как подумал — может, вы захотите с ним поговорить. На орудии преступления нет никаких отпечатков. Убийца был в перчатках.

— Хорошо! — проворчал Паркер, заглянул в дежурку и позвонил врачу.

— Слушаю! — отозвался врач. — Я провожу вторичное исследование. Через полчаса позвоню. Не ранее какого времени он, по-вашему, мог умереть?

— 9.56 вечера.

— В таком случае либо я никудышный врач, либо вы никудышный детектив, либо мои химические реактивы никудышные.

— А по-вашему, доктор, когда он умер?

— Я отвечу вам через полчаса! — На том конце провода бросили трубку.

— Черт возьми! — выругался Паркер и вкратце пересказал Алексу разговор с доктором.

Лампы под потолком в гримерной Стивена Винси горели по-прежнему ярко. Первый взгляд Алекса упал на стоящую у стены кушетку. Она была пуста. Тело вынесли. Стивен Винси никогда больше сюда не вернется, не сядет перед зеркалом, не возьмет в руки грим…

— О Господи! — вздохнул инспектор и подошел к двери. — А что с этой бумажкой, которую он сжимал в руке?

— Это была не бумажка… — развел руками Джонс. — Это был белый конверт, совершенно пустой и без адреса.

— И на нем никаких отпечатков?

— Только его собственные.

— Великолепно… — проворчал Паркер и закрыл дверь. Потом обернулся.

Алекс стоял у открытого ящика гримерного стола. Инспектор подошел, и они вместе осмотрели содержимое выдвижного ящика. Там были начатые палочки грима в простой деревянной коробке, заячья лапка, покрытая пудрой, контрамарки на день премьеры, подписанные женскими именами. Паркер отложил их в сторону. Кроме того, там были проспекты фирм «Мерседес-Бенц» и «Кадиллак» и множество снимков Стивена Винси с автографом в углу сверху. Подпись была несколько манерной, в эстетике двадцатых годов. Немного денег: двенадцать фунтов банкнотами и пригоршня серебряной мелочи. Оплаченный телефонный счет. Дешевая фигурка Будды с круглым животом — наверно, какой-то старый талисман, совершенно неожиданная фотография атомного взрыва в атолле Бикини, ключи: один йельский, один простой, типичный, и один маленький, от почтового ящика…

— Я сейчас пошлю людей в его квартиру, — сказал Паркер… — Если, конечно, миссис Додд не признается…

— Кто знает — может, и признается. — Алекс стоял перед большим шкафом и как раз открывал его. — Я даже думаю, что она точно признается…

— Возможно. Тогда дальнейшее расследование сведется лишь к сбору доказательств вины. Ладно, квартира Винси еще пару часов может подождать. Есть более важные дела.

Вместе с Алексом они начали осматривать карманы одежды убитого. В них оказались лишь ничего не значащие мелочи и листок, вырванный из блокнота, на котором виднелась длинная колонка цифр и слов, выведенных, несомненно, почерком покойного:

Покупка павильона — 300 000
Авансы для актеров и зарплата персонала на первый фильм — 150 000
Реклама — 100 000
Костюмы и декорации — 250 000
Непредвиденные расходы — 100 000
Обязательный резерв — 100 000
Итого: миллион!

Последняя строчка была несколько раз подчеркнута красным карандашом.

Паркер поднял голову и взглянул на Алекса.

— Нет, ты видел что-нибудь подобное? Он спокойно на бумажке посчитал, во что ему обойдется целая киностудия! Миллион фунтов! Пустячок!

— Думаю, у него были для этого определенные основания, — сказал Алекс, оглядываясь. Он наклонился и заглянул в шкаф, где стояло несколько пар обуви. Потом лег на пол и заглянул под шкаф. Затем поднялся и покивал головой, будто желая сказать, что да — именно так он и предполагал. Паркер с интересом смотрел на него, держа в руке бумажку с расчетами покойного.

— Что ты ищешь? — спросил он.

— Сейчас уже ничего. Мне кажется, я все знаю. Но, конечно, это может быть полной бессмыслицей, и ты не обращай на меня внимания. Ты взял меня сюда, потому что счел, будто я могу быть тебе полезным. Я постараюсь дискутировать с тобой обо всех твоих подозрениях, если ты сочтешь это уместным. Но пока мы оба еще блуждаем в глухом лесу. С момента нашего приезда сюда прошло чуть больше ста минут. Никто не

требует от тебя найти и схватить убийцу за столь короткий срок. Пока нам недостает множества данных. Ты еще не допросил персонал. Мы не были у миссис Додд. Быть может, она просто ходила к театральной портнихе, а в той сумочке у нее был материал на платье. Портниха вместе с пятью костюмерами может дать ей такое твердокаменное алиби, что его не сокрушит никакое твое убеждение. А кроме того, это вообще могла быть совсем другая женщина. Тогда все придется начинать сначала. Мы мало знаем об орудии убийства. Думаю, следует допросить костюмера убитого актера. Если кинжал принадлежал Винси, костюмер должен был когда-нибудь его видеть. А мог и не видеть, если Винси принес его вчера впервые. Но откуда, в таком случае, убийца взял этот кинжал? Почему Винси лежал, когда ему нанесли удар? И есть еще один вопрос, на который, как мне кажется, непременно надо дать ответ, но о котором, как я тебе уже говорил, не стоит пока вспоминать, потому что он сейчас только все нам запутает. Что же касается миссис Додд, то у меня есть своя, частная, глуповатая на первый взгляд, концепция, которая утверждает, что она не могла совершить это убийство. Нет, то есть, формально могла — это не является совершенно невозможным…

— Ну да… Да, — Паркер покачал головой. Он подошел к столику и положил на него листок с расчетами покойного. На столике лежал уже завернутый в белую полотняную ткань кинжал, а рядом пустой, смятый конверт, белый и ничего не значащий. — Да. Так и я думаю. — Он показал Алексу свой блокнот. На последней странице большими буквами были написаны два коротких предложения:

1) Допросить костюмера Раффина… Кинжал!
2) Миссис Додд: приходила ли и зачем?

— Конечно! — кивнул Джо. — Это прежде всего. А потом, мы должны помнить, что говорил директор Дэвидсон. Винси в театре ненавидели. Он ударил юношу, который потом кинулся на него с пожарным топориком. Он бросил девушку, которую перед этим отбил у коллеги. Он закатил безобразную сцену. Он унижал костюмеров. А сколько еще мы не знаем?

— Ничего, в конце концов, все узнаем. — Паркер подошел к двери. — Джонс!

— Да, шеф!

— Давай сюда костюмера Раффина!

— Есть, шеф!

Паркер вернулся и сел за столик, задумчиво глядя на пустую кушетку. Стоящая рядом с ней корзина красных роз все еще наполняла комнату нежным, сладковатым запахом, немного похожим на запах крови.

VIII. Я знаю, где эта маска

Костюмер Оливер Раффин был маленьким человечком с лицом, которое Алекс в душе определил как облик перепуганной мыши. Входя в гримерную, Раффин зажмурился, а потом медленно, с усилием открыл глаза.

— Садитесь, — сказал Паркер и указал ему на кресло возле столика.

Алекс, который стоял, опираясь спиной на закрытую дверь, не шелохнулся. Инспектор начал прохаживаться по комнате большими, медленными шагами. Внезапно он остановился, постоял, затем подошел к столику и откинул белую тряпку.

— Вам это знакомо? — спросил он, склонившись над сидящим костюмером и заглядывая ему прямо в глаза.

— Знакомо ли мне?.. — Раффин взглянул на кинжал, и его губы задрожали. — Значит, это им убит… убит мистер Винси?

— Не задавайте мне вопросов, а отвечайте на мои, — спокойно сказал Паркер. — Так мы скорее закончим ваш допрос. Я спросил, знаком ли вам этот предмет.

— Да. Д-да. Это кинжал мистера Винси. Он всегда держал его в ящике гримерного стола… вон там, — несмелым жестом он указал на гримерный стол под большим зеркалом.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Когда?... Вчера, когда наводил порядок на столе. Я всегда после спектакля кладу в этот ящик коробку с гримом, и тогда я его увидел.

— Точно?

— Точно, сэр. Это ведь такой необычный предмет, и трудно его не заметить. На нем написано «Помни, что у тебя есть друг»… Боже мой! — Он снова зажмурился.

— Скажите, а мистер Винси никогда не говорил вам или кому-нибудь еще в вашем присутствии, откуда он у него?

— Нет, сэр… то есть, да, сэр. Один раз он сказал при мне мисс Фарадей, что получил его в подарок от своего приятеля со школьных лет. Он относился к этому кинжалу как к талисману, приносящему удачу… Наверно, он, бедняга, даже не мог предполагать, что….

— Наверно, не мог. Расскажите нам, Раффин, что вы делали вчера с той минуты, когда вошли в театр, и до той минуты, когда вышли из него.

— То, что всегда, сэр… То есть, не совсем то, что всегда, потому что все сложилось немного иначе. Я прихожу до появления актеров и проверяю, все ли вычищено и выглажено. В этом спектакле я обслуживаю мистера Винси и мистера Дарси, потому что оба они играют без перемены костюмов, а мистер Дарси вообще выходит на сцену лишь перед самым концом спектакля. Понимаете, у них одинаковые костюмы, очень простые, и с ними совсем немного работы. Обувь чистить не нужно, потому что оба они ходят в таких странных больших тапочках. Режиссер так придумал, что этот костюм должен быть наполовину военный, наполовину стариковский… — он пожал плечами. — Но публике это нравится, — добавил он с тихим удивлением. Затем, будто вспомнив, чего от него ждет инспектор, быстро добавил: — Так вот, значит, я пришел и сперва приготовил все тут, в гримерке мистера Винси, а потом пошел в гримерку мистера Дарси и тоже все приготовил. Затем я заглянул к Сьюзен Сноу — костюмерше мисс Фарадей. Мисс Фарадей уже была на месте, потому что, как известно, актрисы всегда приходят раньше актеров. Наверно, потому что у них больше работы с прической. Так что я не входил в гримерку, а поболтал со Сьюзен в коридоре и пошел в дежурку. Там я немного пообщался с Галлинсом — мы говорили о футбольном тотализаторе… Человеку хочется выиграть, но угадать очень трудно, сэр. Галлинс тоже очень хочет выиграть, потому что у него уже третий ребенок родился. Впрочем, у нас тут весь театр играет, а вчера как раз была пятница — последний день заполнения купонов… Ну вот, я и сидел там, ожидая прихода мистера Винси и мистера Дарси. Первым пришел мистер Винси, и я сразу пошел следом за ним в гримерку, чтобы помочь ему одеться. Потом он велел мне пойти к Галлинсу и предупредить его, что ждет одну даму, которая придет или в антракте, или после спектакля. В связи с этим он сказал, что я ему уже не понадоблюсь и чтобы больше не входил в его гримерку. Я спросил только, надо ли мне прийти за маской. Дело в том, что эти маски следует после каждого спектакля промывать спиртом. Актер потеет под такой нейлоновой маской, и надо ее сразу после спектакля промыть, потому что иначе пот засохнет

и маска станет шершавой… Но мистер Винси сказал… — он умолк, видя, что инспектор не смотрит на него.

Паркер повернулся к Алексу, который, улыбаясь, стоял возле двери, не меняя прежней позы. Инспектор покивал головой, как бы сожалея о своей недостаточной наблюдательности.

— Это тот вопрос, на который ты искал ответ? — спросил он вполголоса.

Алекс молча кивнул, не переставая улыбаться. Паркер обратил взгляд к Раффину.

— Продолжайте.

— Так вот. Я спросил у мистера Винси, надо ли мне прийти после спектакля и промыть маску, но мистер Винси сказал, что он сам ее промоет и чтобы я не вздумал тут у него появляться. Ну, я закончил одевание мистера Винси, и когда тот пошел на сцену, отправился к мистеру Дарси, который как раз пришел. С мистером Дарси у меня тоже обычно немного работы, потому что он надевает и снимает костюм сам. Он, знаете, стыдливый, как женщина… Никогда не позволяет мне при этом присутствовать. Так что я только почистил его щеткой. Ну, и сказал, что буду сегодня все время у него, потому что мистер Винси хочет остаться один, ожидая гостя. Но он сказал, что ему я тоже не буду нужен, тогда я положил шляпу на столик, потому что мистер Дарси выступает в такой большой черной шляпе в роли Рассказчика, который ничего не рассказывает, и снова вышел. Спектакль уже начался. Я пошел к Сьюзен, и мы немного поговорили о том скандале, что недавно случился, когда мистер Винси ссорился с мисс Фарадей и когда этот молодой помреж хотел его огреть топориком… А ведь он мог его и убить тогда… Ну что ж, как говорится: что отложено — то не убежит.

— И что вы делали потом?

— Потом я пошел к Галлинсу в дежурку. Я сидел там до антракта и весь антракт, потому что мистер Винси запретил мне показываться ему на глаза, а мистер Дарси еще не шел на сцену.

— Приходил ли кто-нибудь в театр во время антракта?

— Никто, сэр, только цветочник принес цветы для мистера Винси, так я ему показал, где гримерка мистера Винси, и снова вернулся в дежурку. Мы болтали с Галлинсом о том о сем, пока, наконец, не пришла сестра жены Галлинса, которая приехала к нему из Манчестера, чтобы заменить на эти несколько дней его жену по уходу за детьми. Ну, тогда я убрался оттуда, подумав: может, родственники хотят поговорить наедине — давно не виделись… Я пошел в гримерку мистера Дарси, но его уже там не было. Он любит из-за кулисы смотреть спектакль и потому раньше уходит на сцену. Я заглянул к Сьюзен Сноу, которая вся тряслась, потому что мистер Винси снова не выдержал, и когда мисс Фарадей нечаянно испачкала помадой его костюм, он прямо во время спектакля на сцене шикнул на нее, ну, типа того, мол: что она вытворяет или что-то в этом роде… А мисс Фарадей в последнее время не много надо, потому что она все время на нервах, ну, и тут она вернулась в гримерку вся в слезах. Ее привел мистер Дарси, потому что она еле держалась на ногах, а потом вместе со Сьюзен успокаивал ее и вроде очень ругал мистера Винси. Сьюзен мне как раз про это рассказывала: как она весь антракт успокаивала мисс Фарадей, а потом должна была еще проводить ее до самой сцены. Ну а потом был уже конец спектакля, и мистер Винси не вышел на сцену, чтобы кланяться публике. Всех это очень возмутило, но открыто никто ничего не говорил, потому что, в конце концов, это ведь его дело, правда… Ну вот, я стоял со Сьюзен возле ее гримерки, а когда мистер Дарси вместе с мисс Фарадей пришли со сцены, я подождал в коридоре,

пока он меня позовет, и сложил его костюм, а потом почистил его пиджак и помог ему надеть плащ. Мистер Дарси в этом спектакле разгримировывается немного дольше, чем мисс Фарадей, потому что он выступает без маски и его лицо густо покрыто гримом. Когда он закончил, я тоже был готов. Он умылся и постучал в гримерку мисс Фарадей. Мисс Фарадей была уже одета, и они вместе вышли, а я еще на минутку задержался в коридоре, где был муж Сьюзен, Малькольм Сноу, который работает у нас на занавесе. С ним вместе был еще Джон Найт, суфлер. Потом мы все вчетвером прямо из театра пошли в ночной пункт тотализатора, потому что Сьюзен свято верит, что, в конце концов, счастье ей улыбнется, и сама играет отдельно, а муж отдельно…

— Из вашего рассказа следует, что ни во время спектакля, ни в антракте вы ни на минуту не оставались один…

Раффин задумался.

— Да, сэр. Ни на минуту. Так вышло.

— Хорошо. А теперь дайте мне маску мистера Винси.

— Сию минуту, сэр, — Раффин встал и подошел к шкафу. Он открыл его и не глядя сунул в него руку. Минуту искал, потом заглянул внутрь.

— Наверно, мистер Винси положил ее куда-то в другое место. — Он огляделся, подошел к столику, открыл ящик, потом беспомощно постоял и склонился.

— Ни под шкафом, ни под кушеткой ее нет, — сказал Алекс.

— Так где же она? — спросил Раффин.

Паркер уже открыл было рот, но к его огромному удивлению Алекс перебил:

— Это не имеет значения.

Инспектор посмотрел на своего друга, и тот подал ему едва заметный знак.

— Вы пока свободны, — сказал Паркер Раффину. — Можете идти домой. И помните, что до завтрашнего утра вам нельзя никому рассказывать о том, что здесь произошло. Вы меня поняли?

— Да, сэр. Конечно, сэр. Спокойной ночи, джентльмены.

Раффин бочком отступил к двери и исчез. Как только дверь за ним закрылась, Паркер повернулся на пятках и посмотрел на Алекса.

— Послушай, Джо! Я был лоялен к тебе сейчас. Да, я не подумал о том, что маски здесь нет. А ты заметил сразу. Но ведь это что-то должно означать? Где она? Почему ты не хотел, чтобы я допрашивал его дальше? В конце концов, маска может оказаться очень важной для расследования. Если Винси был в маске, входя сюда, а позже никого тут не было, кроме убийцы, значит, ее мог унести убийца. Но зачем? И почему ты хотел, чтобы я прервал допрос Раффина? Я доверяю тебе, Джо, потому что ты еще никогда ни в чем не подвел меня. Но не забывай, что я чиновник, который несет ответственность за ход расследования. В данном случае я еще мало знаю, это факт. Но создается впечатление, будто у тебя что-то есть в загашнике. И мне хочется тебе верить. В конечном итоге важно лишь одно: найти убийцу и отдать его в руки правосудия. У меня нет никаких личных амбиций, если говорить о нашем сотрудничестве, но…

— Но, в конце концов, я лишь скромный наблюдатель, ищущий сюжеты для своих книг. А убийцу арестуешь именно ты. Ты — знаменитость в своей профессии, и отнюдь не мне ты этим обязан. Это наша общая игра, Бен. Но знаем об этом только мы с тобой. На этот раз, как мне кажется, я увидел истину чуть раньше тебя. Позволь, я оставлю свои выводы при себе еще на час-два. В конце концов, возможно, ты еще сам сможешь их сделать, а кроме того, я могу ведь и ошибаться. Я все время дрожу от опасения, что

ошибаюсь. Правда кажется слишком фантастичной, чтобы оказаться правдой. Но в то же время…

— В то же время?

— В то же время я непрерывно вижу две версии: «А» и «Б». Эта маска подходит для версии «А», но версия «Б» тоже имеет несколько аргументов, которые нельзя объяснить с помощью версии «А». В общем, в настоящую минуту я знаю, кто убийца «А», но не имею понятия, кто убийца «Б». Очень редко случается, чтобы следы вели в противоположные стороны, как сейчас.

— А миссис Додд по-прежнему ни «А», ни «Б»?

— Ни «А», ни «Б», — вздохнул Алекс. Но если честно, я бы не удивился, если б в результате оказалось, что это все же она его убила. Есть в этом деле что-то зловещее, от чего перехватывает дыхание. Иногда я чувствую, что факты начинают путаться в моей голове…

Паркер нетерпеливо барабанил пальцами по поверхности столика.

— Ну ладно. Не говори мне об этих своих фактах, если не хочешь.

В конце концов, ты не знаешь больше меня, потому что не расставался со мной все это время. Хочу верить, что на тебя снизошла небесная благодать и помогла открыть путь в этом лабиринте. Но мне надо ехать к миссис Додд.

— Обязательно! — решительно сказал Алекс. — Думаю, это будет очень важно для дела.

— Если окажется, что она убила этого парня, а пока здравый смысл указывает на нее и только на нее, хотя ты и видишь у нее какое-то неизвестное мне алиби, то тебе придется поставить мне бутылку хорошего вина. Сегодняшняя ночь в твоем обществе стоит мне очень много нервов. — Паркер умолк, а потом как бы нехотя спросил: — Так что все-таки с этой маской?

— Я знаю, где она, — сказал Джо. — Разумеется, ее забрал убийца «А». Убийце «Б» она была бы совершенно не нужна.

— И ты знаешь, где она?

— Ну, то есть, я не был в том месте, где она находится, но могу дать голову на отсечение, что найду ее в любую минуту, как только захочу. А если не найду ее, ты можешь назвать меня ослом, и кроме того, приказать мне отправляться домой и выспаться.

— Может, мне надо уже сейчас сделать это? — Паркер почесал затылок. — Знаю, что наверняка у тебя что-то припрятано в рукаве, но этот твой лепет мешает мне думать… Ты готов прямо сейчас отвести меня туда, где лежит эта маска?

— Зачем? Пусть себе и дальше лежит. Пока что я хочу, чтобы мы поехали в то место, куда тебя уже полчаса тянет чувство долга: к миссис Анджеле Додд.

— Ну, наконец какие-то разумные слова! — сказал Паркер и направился к двери.

Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
при участии Владимира КУКУНИ
по эксклюзивному праву, предоставленному автором.

Окончание следует.

Елена ЧИЖЕВСКАЯ

Ошибка «резидента» Брауна

(Некоторые мысли по поводу романа Дэна Брауна «Утраченный символ»)

«Утраченный символ» — очередной бестселлер из триптиха Дэна Брауна после прогремевших на весь мир «Кода да Винчи» и «Ангелов и демонов».

В «Коде да Винчи» автор умело сочетал острую криминальную интригу с тонким, но прозрачным намеком на «малоизвестные обстоятельства личной жизни» Христа и Марии Магдалины и тем сильно шокировал читающую публику — христианскую, «околохристианскую» и даже нехристианскую. Он не явился первооткрывателем в этой области, но одним из первых смело и широко «запустил в народ» этот пикантный сюжет. За ним последовало немалое число эпигонов, и хотя «прелесть новизны» была уже утрачена, им тоже досталась доля в общем пироге: «семейная жизнь» Христа заинтересовала широкий круг читателей и принесла предприимчивым литераторам хороший доход.

В «Ангелах и демонах» Браун пошел дальше «сугубо личной жизни» Основателя христианства: он жестко разделался со всей католической церковью, хотя нужно признать, что некая доля правды в романе присутствует. Впрочем, и здесь у автора имелся свой верный психологический расчет: если таковая доля в романе имеет место, то и все остальное в нем должно восприниматься всерьез.

И вот — «Утраченный символ». Поскольку градус мистических озарений автора с каждой последующей книгой повышался, то этот роман призван был вызвать наибольший интерес. Так и случилось: книга разошлась по миру миллионными тиражами. Тем внимательнее стоит к ней присмотреться.

Речь в романе идет о масонстве. Надо все же сказать большое спасибо Брауну: он признал и подтвердил широким читательским массам, носителям обыденного сознания, тот факт, что масонство и его таинственная идеология действительно существуют, а не являются «выдумкой реакционных ортодоксов». Конечно же, лить воду на мельницу «реакционеров» своими признаниями автор не собирался. Причина его откровенности заключается и не в любви к истине — просто наступило такое время, когда голословно отрицать многие факты стало невозможно, поэтому лучше добровольно признать их (отчасти, конечно), чем дожидаться серьезных разоблачений со стороны.

Признание признанию рознь. Эта книга написана Дэном Брауном неслучайно, однако цели его труда (кроме хорошей финансовой отдачи) не лежат на поверхности.

Самый неискушенный читатель оценит, главным образом, *занимательность сюжета*. Браун — литератор опытный и умеет угодить на все вкусы. Его конек — мрачные подземелья, шкатулки с секретом, таинственные письмена, изощренные ритуалы, маньяки с богатым воображением, и даже пытки с сексуальным подтекстом. Для привлечения же ультрасовременного потребителя — продвинутых «геймеров», «юзеров» и даже компьютерной элиты — «хакеров», у автора, в

дополнение ко всем атрибутам старых «романов ужасов», задействованы современные компьютерные технологии. В общем, «все схвачено»...

Едва ли не с первых страниц, однако, становится понятно, что занимательная оболочка — лишь предлог: она служит более возвышенным намерениям автора, нежели просто развлечь обывателя, уставшего от повседневных трудов. Главное для него, как кажется на первый взгляд, — это невежественного читателя *просветить*.

Однако справедливо ли считать невеждой современного читающего человека? К сожалению, основания для этого у Брауна есть — конечно, не в смысле компьютерной грамотности читателя или его узкопрофессиональных познаний. Речь идет о *невежестве мировоззренческом*, бытийном (не бытовом). Еще сравнительно недавно мировоззрением человека была исповедуемая им религия — и она давала-таки ему точку опоры в нашем вечно бушующем мире. Нынешнему же человеку (особенно человеку западной «постхристианской», то есть «преодолевшей христианство», цивилизации) мировоззрением служит причудливая смесь из обрывков самых разных понятий: политических, идеологических, технологических, экономических, экологических, бытовых. Особое место в сознании современного «постхристианского» человека занимают мистические представления (не примитивный же он атеист, в самом деле!), и здесь наблюдается уже полная мешанина из понятий, «надерганных» из самых разных культов и «приправленных» нелепейшими суевериями. Отсюда и результат: сознание лишенного духовной опоры человека беззащитнее, чем сознание первобытного дикаря, — ему можно внушить все что угодно. Дирижируют этой «мозговой вакханалией» недобросовестные СМИ, которых в сегодняшнем мире, к сожалению, больше, чем добросовестных.

Дэн Браун взялся направить этот мутный «поток сознания» в определенное русло — создать, в соответствии с древним масонским девизом, «порядок из Хаоса». Но вот незадача: его собственная «эрудиция» поверхностна, и потому информация, которой он желает нас обогатить, не менее хаотична — выдернута отовсюду понемножку. Еще хуже то, что представленные им сведения зачастую *недостоверны, а то и вовсе ложны,* — это прямой расчет на то, что читатель просвещен еще менее его самого и потому «все съест». Например, такое «языковое открытие от Брауна»: оказывается, всем известное «аминь», «amen» (истинно; да будет так), которым заканчивается всякая христианская молитва, происходит... от имени египетского бога Амона, то есть именно к нему взывают христиане, а не к Христу, Божьей Матери, святым... (А что, слово-то похожее!) Таких «перлов» у Брауна немало, но есть вещи и гораздо серьезнее — по их воздействию на растерявшийся ум сегодняшнего читателя...

Взять хотя бы *масонские ритуалы*. Роман начинается с посвящения некоего персонажа в 33-й градус (степень) масонства, во время которого он должен выпить кроваво-красное вино... прямо из черепа. Читатель уже немного напуган, но и заинтригован. Автору именно это и нужно (гарантия, что будут читать дальше и что читателей будет много), но важнее для него здесь другое: на протяжении всего романа он будет приучать нас к мысли, что внешне диковатые ритуалы — это просто игра воображения и дело вкуса, а на самом деле за ними скрывается просвещенная и благородная деятельность на благо человечества.

Вот, например, мы оказываемся в чулане все с тем же черепом, костями, серой, песочными часами, косой с жутким лезвием — это, как выясняется, обычная масонская «камера медитаций»: ведь в такой обстановке очень комфортно размышлять о бренности бытия. (С подобными смиренными размышлениями у высокопоставленных масонов почему-то легко

уживается обладание огромными материальными богатствами, которыми эти «альтруисты» не торопятся делиться со своими собратьями, не говоря уж о благотворительности в пользу малоимущих. Автор и сам не отрицает, что «среди масонов, как и везде, деньги имеют первостепенное значение», так что даже следующую «ступень к совершенству» можно просто купить.) Далее уточняется: «Иногда масоны устраивают «камеру раздумий» дома или на работе. Это обычная практика... Один бостонский хирург обставил таким образом больничную кладовку, чтобы размышлять перед операциями...» По мнению автора, подобный факт должен подействовать на читателя успокаивающе. Однако вряд ли мы с вами доверились бы такому хирургу: ведь чтобы врач мог спасти жизнь, он должен думать не о бренности ее, а о ее ценности и уникальности. А то ведь такой специалист, задумавшись, и зарезать может...

Правда, тут же у автора наметился как бы и проблеск здравомыслия: так, миниатюрная японка Сати, директор ЦРУ, спрашивает у главного героя, профессора Лэнгдона: «Вашим студентам не кажется дикостью, что масоны медитируют в окружении черепов и кос?» Но сразу же оказывается, что вопрос этот вложен в уста строгой дамы совсем не потому, что Браун вместе с ней решил поиронизировать над масонами, а для того, чтобы иметь возможность «тонко поддеть» христианство. Поэтому профессор сразу парирует: «Так же дико молиться у ног распятого на кресте человека или перед изображением четырехрукого слона по имени Ганеша». То есть для «постхристианского» ученого разницы нет... В другом месте профессор «выдает» еще более «крутое» сравнение: кровавых жертвоприношений животных и людей в язычестве — с христианским церковным причащением. Такое сравнение может быть порождено лишь презрением и скрытой ненавистью к христианству. Так «непредвзятая» позиция профессора Лэнгдона (он же «аватар» Дэна Брауна) начинает проясняться...

«Камера размышлений» являет собой место уединения не только для хирурга-оригинала: оказывается, она часто служит «приютом для влиятельных конгрессменов, где они могли бы подумать перед принятием важного решения о судьбах соотечественников». Тут уже становится даже жутковато: а будет ли жизнеспособным или просто вменяемым решение, принятое государственным мужем в такой обстановке?.. Вот и сама директор Сати резонно замечает: «...Чувствую, что Америка в беде, если ее правители молятся в кладовках с косами и черепами». Однако немного далее мы узнаем, что «...нынешний директор ЦРУ (эта же Сати), как и многие другие из его высшего руководства, занимает высокий пост в масонских рядах...» Тут Браун, желая пококетничать с читателем, явно запутался: ведь получается, что «масоно-японо-директор» Сати, как та унтер-офицерская вдова, «сама себя высекла»! Нам же здесь важно признание автора в том, что *современная правящая верхушка американского государства сплошь масонская.*

Такое положение дел в государстве возникло не сегодня: оно обусловлено *исторически.* Отцы-основатели Соединенных Штатов — масоны высокого посвящения Вашингтон, Джефферсон, Франклин, Ланфан и другие, — отвергая Старый Свет «с его религиозными предрассудками», изначально предполагали строить собственное государство в Новом Свете на «новых» принципах. (Вероятно, одним из них была жестокая расправа с местными жителями-индейцами, которые по своему дикарскому простодушию искренне помогали первым переселенцам...)

Американские отцы-основатели собирались «строить новый мир на фундаменте древнего знания» по образцу утопической страны, описанной в *«Новой Атлантиде»* Фрэнсиса Бэкона. Как неудачно все-таки было выбрано это название философом — для своей книги, а отцами-основателями —

как прообраз нового государства! Ведь «старая», допотопная, Атлантида, нарушив некие незыблемые законы человеческой жизни, в конце концов полностью затонула. Неужели основатели «Новой Атлантиды» хотели для своей страны той же участи? Поразительная духовная слепота...

«На фундаменте древнего знания» был задуман ими и *главный город будущего государства* — «Новый Рим, еще на заре своего существования переименованный в Вашингтон». «Ни для кого не секрет, что у американской столицы богатая масонская история. Краеугольный камень Капитолия заложил, в строгом согласии с масонскими ритуалами, сам Вашингтон... — пишет Браун и уточняет: — 18 сентября 1793 года, где-то между четвертью двенадцатого и половиной первого... именно в это благоприятное время Голова Дракона находится в Деве». Почему для этого знаменательного события была выбрана «голова дракона» — автор не поясняет (видимо, не хочет, потому что, вообще-то, давать «научные» объяснения он любит). И далее его профессор сообщает студентам: «...В архитектуре Вашингтона присутствует больше астрологических символов... чем в архитектуре любого другого города... *Подавляющее число составителей нашей Конституции были масонами* — людьми, убежденными, что судьба и звезды взаимосвязаны и что при создании нового мира необходимо следить за расположением светил... Камни трех основных зданий, образующих Федеральный треугольник — Капитолия, Белого дома и Монумента Вашингтона, — были заложены в разные годы, но при одинаковых астрологических условиях (то есть совершенно необходима была все та же «голова дракона»)»...[1] Не забыта была в Капитолии и красивая *языческая символика*: в полу Ротонды — Круглого зала — «было проделано отверстие, и под ним в крипте горел костер (как в храме богини Весты в Древнем Риме). Огонь поддерживался 50 лет, но потом от него отказались — из-за дыма...»

Впрочем, автор признает, что в самом американском обществе сегодня существует разное отношение к этим масоно-астрологическим изыскам в столице государства. «В прошлом году в кабинет профессора ворвался взбудораженный первокурсник. В руках у него была распечатка из Интернета — карта города с отмеченными улицами, образующими различные фигуры: сатанинские пентаграммы, масонские компас и наугольник, голову Бафомета[2]. Рисунок якобы доказывал, что проектировавшие Вашингтон масоны были участниками некоего зловещего мистического заговора». Профессор, естественно, постарался разубедить первокурсника, но... в сознании просвещаемого читателя вполне может возникнуть ненужная автору ассоциация между всеми этими головами — то ли дракона, то ли козла, то ли еще кого похуже...

Замысел создателей «Нового Рима» был поистине величествен. «Основатели установили в центре города египетский обелиск... Он был выше каирского и александрийского и поднимался в небо на 555 футов (больше, чем 30 этажей) — хваля и прославляя *полубога*, чье имя позже стало названием столицы», — с гордостью рассказывает профессор.

[1] Возможно, многие «просвещенные» читатели, не верящие ни в Бога, ни в черта, но свято верящие в астрологию, скажут здесь: вот как научно подошли к своему делу отцы-основатели США. Этих поклонников астрологии и Брауна, конечно, трудно убедить в том, что судьбы людей и народов не могут зависеть от небесных светил, поскольку сами эти светила являются материальными объектами и, в отличие от нас, лишены духовного содержания.

[2] Одно из воплощений Сатаны в виде огромного козла, которому, по преданию, поклонялись рыцари-тамплиеры. Их могущественный орден был разгромлен в начале XIV века французским королем Филиппом Красивым — по обвинению в сатанизме.

Президент Вашингтон назван здесь подчеркнуто скромно — всего лишь «полубогом»...

Позднее для увековечения памяти первого президента США в штате Виргиния был создан Мемориал Вашингтона. «Прототипом его был избран Фаросский маяк в Александрии. Башню венчает египетская пирамида. Внутри, в мраморном зале, установлена бронзовая статуя Джорджа Вашингтона в полном масонском облачении, с подлинным мастерком — тем самым, которым он укладывал краеугольный камень при начале строительства Капитолия. Над мраморным вестибюлем располагаются, уходя ввысь, еще девять уровней, среди которых Грот, Крипта и Тамплиерская часовня (!). В стенах мемориала заключены несметные сокровища: 20 тысяч томов масонской литературы, великолепная копия Ковчега Завета и даже уменьшенная модель тронного зала храма Соломона». Ковчег Завета должен, конечно, напоминать посетителям о великом законодателе Моисее. Знаменитый иудейский царь Соломон, воплощение мудрости, праведный судия, тоже упомянут здесь неслучайно. Все это вместе взятое выглядит слишком уж грандиозно для личности скромного христианина-протестанта, каким представал перед своим народом первый президент...

Это еще не все. В главном зале Капитолия находится огромная картина «Апофеоз[1] Вашингтона». На ней изображено вознесение Вашингтона в облака и превращение его в *бога*. Здесь наконец-то автор с удовольствием произносит нужное слово — без всяких там «полу»... (Ошибочно считается, что только в большевистской России могла произойти такая подмена — веры в Бога верой в божественность Вождя. Как видим, в протестантской демократической Америке это случилось гораздо раньше.) Профессор восторженно созерцает картину: «Это великое *пророчество о превращении человека в бога*» (запомним эту его мысль — пригодится). Правда, в другом месте романа автор немного снижает пафос легендарной фигуры Вашингтона — рассказывает, как из Капитолия вынуждены были убрать гигантскую статую первого президента в виде божества Зевса: она смущала еще наивных тогда американцев тем, что была «не совсем одета» — наподобие античных богов[2].

Особую любовь питали отцы-основатели к *числу 13*. Профессор Лэнгдон размышлял так: «Вот бы теоретики американского «заговора тринадцати» повеселились, узнай они, что под Капитолием находится ровно 13 складских помещений. Многие находят подозрительным, что на Великой печати США 13 звезд, 13 стрел, 13 ступенек пирамиды, 13 полос на щите, 13 листьев оливы, по тринадцать букв во фразах «Annuit coeptis» («Благословенны наши начинания») и «E pluribus unum» («Из множества один») и проч. и проч.». Профессор ненавязчиво убеждает нас в том, что придание какого-то особого смысла этому числу — просто нелепое суеверие. Но ведь не мы же, сегодняшние читатели Брауна, придали этому числу особое значение в американской символике — это сделали сами отцы-основатели! Если они столь настойчиво и многократно воспроизводили число 13 на Великой печати (позже изображение Великой печати было помещено на однодолларовую купюру — символ финансовой мощи государства) —

[1] От древнегреч. «apo» — становиться и «theos» — бог.

[2] Немало интересного можно было бы рассказать и о других отцах-основателях с их мощной масонской закваской. Например, о Бенджамине Франклине — американском ученом-мистике, государственном деятеле, одном из авторов Декларации Независимости и Конституции США(!), да и обо всех прочих. При желании пытливый читатель легко может найти соответствующую информацию...

значит они-то и вкладывали в него особый смысл![1] Читатели Брауна, конечно, во многом простодушны, но не до такой же степени. Или автор настолько увлекся, что затем вынужден был противоречить самому себе?

Еще на *Великой печати* изображена усеченная пирамида, над которой пристально всматривается в нас «всевидящее око». Героиня романа Кэтрин рассказывает еще об одном интересном совпадении: «Священный символ евреев — звезда Давида, Соломонова печать, является одновременно священным символом масонов!.. Если точно наложить 6-конечную звезду на Великую печать США, то верхний луч звезды идеально совпадет с масонским «всевидящим оком». А остальные пять лучей укажут на буквы, образующие слово «масон»». Что же до *«всевидящего ока»*, внимательно глядящего на нас, то мы можем толковать его по-разному: от наблюдающего за нами мистического Верховного Существа (очевидно, потустороннего Главного Масона, так как о Боге здесь речь не может идти — см. далее) до вполне реальной глобальной системы слежки за человеком (привет ей от Сноудона!), которая была создана под удобным предлогом «борьбы с терроризмом». При этом реальный терроризм только крепнет...

Тут логика Брауна опять дает сбой: описанное им наложение и действительное совпадение печатей он иронично называет «излюбленным среди сторонников теории заговоров «доказательством» масонского влияния на зарождающуюся американскую нацию». То есть такого влияния вовсе и не было — оно якобы только мерещится невежественным обывателям. Так вы же сами, уважаемый автор, большую часть романа посвятили тому, чтобы конкретными фактами доказать, что такое влияние бесспорно! Очевидно, в очередной раз чрезмерно увлеклись, а потом спохватились...

Неизбежно перед читателем сам собой встает вопрос: так все-таки *масонство — это хорошо или плохо*? Ответ очень важен, если учесть, что США — огромное и сильное государство, которое стремится влиять на весь современный мир. А что такое стремление есть — автор даже и не скрывает. Возвращаясь мыслью к пирамиде, распространенному масонскому символу, он в поэтически-возвышенном тоне поясняет нам: «Усеченная пирамида красовалась на каждой 1-долларовой банкноте и терпеливо ждала золотого навершия, которое парило в воздухе прямо над ней: предназначение Америки еще не исполнено, всей стране и ее жителям предстоит много работы». Интересно, что *всемирная миссия* США здесь непосредственно связывается с золотой верхушкой пирамиды, еще пока не присоединенной к самой пирамиде, но которая должна быть окончательно присоединена. Что бы это значило?.. Впрочем, здесь невольно припоминается библейская история с поклонением «золотому тельцу», которая имела очень печальные последствия...

---

[1] Здесь полезно вспомнить, с чем связано суеверное отношение к числу 13 и дню недели пятнице: именно в пятницу 13-го числа был сожжен на костре великий магистр ордена тамплиеров Жак де Моле. Для разгромленного ордена тамплиеров этот день и это число, естественно, воспринимались как зловещие, остались памятными на века и взывали к отмщению. Однако известно, что орден, заранее предупрежденный, сумел избежать полного разгрома, надежно спрятал свои таинственные сокровища и в дальнейшем «пророс» под другими названиями: Тевтонский орден, розенкрейцеры, масоны, иллюминаты... Так что число 13 можно считать для них и числом надежды, и числом возрождения — вот только чего?.. Мы же, простые смертные, далекие от проблем тамплиеров и их наследников, вправе сами решать, как нам относиться к этому числу и этому дню недели в соответствии с нашими понятиями и убеждениями. (Кстати, в православии число 13 имеет совершенно иной смысл: оно ассоциируется с Христом и Его 12-ю апостолами. Но отцы-основатели американского государства к православию не имели ни малейшего отношения...)

Вообще-то, о *сущности масонства* бытуют самые разные мнения, вплоть до полярных: одни склонны видеть в них благодетелей человечества, другие же, наоборот, губителей. Здесь необходимо уточнить: низшее и высшее масонство сильно различаются, так как низшие ступени могут вообще не иметь понятия о том, какие идеи исповедуют высшие и чем на самом деле занимаются. Кастовость и строгую конспиративность масонов подтверждает и персонаж романа — «досточтимый мастер» Питер Соломон: «...Внутри узких кругов есть еще более узкие. Все известно далеко не всем». Но тогда у читателя поневоле закрадывается мысль: если дело хорошее — зачем его так тщательно скрывать?

Сам Браун на вопрос о сущности масонства отвечает уклончиво: «Кто-то считает масонов сборищем безобидных старцев, рядящихся в маскарадные костюмы, а кто-то... закулисным обществом политических воротил, правящих миром. Истина, несомненно, где-то посередине». «Безобидных старцев» мы, конечно, сразу можем отмести, благодаря самому же Брауну: нельзя же отнести к ним описанных у него серьезных людей — от отцов-основателей американского государства до нынешних высших чинов ЦРУ и конгрессменов. А вот дальше — надо думать... опираясь на текст Брауна.

Автор дает следующее определение: «Масонство — система моральных норм, скрытая в символах и завуалированная аллегориями». Остается непонятным, почему *моральные нормы* нужно скрывать за символами и аллегориями. Вероятно, это какие-то особые, *непривычные* нам нормы?..

Любая организация, начиная от партии и заканчивая сектой, объединяет своих членов общим мировоззрением и построена на определенных принципах. В отношении *мировоззрения масонов* Браун, например, категорически заявляет, что масонство не имеет ничего общего с религией и потому принимает в свои ряды людей самых разных вероисповеданий.

Однако, утверждая, что масонство — не религия, автор впадает в очередное противоречие. С ученым видом знатока его профессор перечисляет критерии религии: это «верить, обещать, обращать (в веру)». И тут же обнаруживает свое невежество: ведь латинское «religio» — это «восстанавливаю связь», то есть религия — это связь человека с Богом и Бога с человеком, а значит, важнейший критерий у него не назван.

Далее профессор пытается доказать, что названные им критерии отсутствуют в масонстве. Во-первых, «нет веры», — утверждает он. На самом же деле это у автора нет либо памяти, либо логики, либо их обеих. Его персонаж, «досточтимый мастер», в другом месте повествования определенно заявляет: «...Чтобы стать вольным каменщиком, человек обязан верить в высшую силу — иначе его не примут». Но ведь «вера в высшую силу» — это первоначало любой религии. Наверняка, и связь с этой силой у масонов осуществляется каким-то образом — в частности, посредством тех же самых странноватых и страшноватых обрядов...

Во-вторых, говорит брауновский профессор, масонство «не обещает спасения». Но известно, что оно обещает земное благо всему человечеству, а это вроде бы еще лучше! Вот и масонский лозунг Великой Французской революции обещал народам «свободу, равенство, братство», хотя вместо этих великих благ преподнес лишь гильотину — Франции и наполеоновские войны — Европе и России[1].

[1] События этой революции (1789—1794), кстати, следуют по времени непосредственно за Американской войной за независимость (1775—1783). Старый Свет тоже ведь должен был «подтягиваться»... Существует мнение, что свержение французской монархии не обошлось без активного участия потомков тамплиеров — как мести за разгром, учиненный ордену Филиппом Красивым.

В-третьих, «нет обращения», то есть нет пополнения рядов, но сам автор проговорился, что пополнить ряды и даже «повысить свой градус» за хорошие деньги можно без особых трудностей... Так что сформулированные его профессором признаки религии как раз-таки налицо. Правда, *религии очень странной...*

Вот на «священной» однодолларовой купюре написано «In God We Trust» («В Бога мы верим» — почему-то именно с таким, обратным, порядком слов, необычным для английского языка.) Возникает вопрос: а Бог-то у нас кто? Браун отвечает: «Масоны не дают высшей силе четкого определения или названия. Господь, Аллах, Будда, Иисус... Масоны предпочитают более общие определения — Верховное существо или Великий Архитектор Вселенной, Такой подход позволяет масонам разных исповеданий объединяться». (Теперь, благодаря Брауну, стало понятно, из каких корней выросло дерево современного *экуменизма*[1], — из масонских.)

Итак, в Новом Свете исподволь закладывались начала «новой духовности». Отцы-основатели были, конечно, достаточно осторожны, чтобы в те «непросвещенные времена» взять и вот так прямо заявить простым людям — своим согражданам в Новом Свете: «Наш Бог — это не ваш Бог». По отношению к зарождавшемуся американскому обществу, которое изначально заявляло о себе как о строго христианском (протестантском), такое умолчание со стороны его вождей было вынужденной мерой. Нельзя же было признаться, что есть «одна истина» — для сильных мира сего и «другая истина» — для народа. Тогда время для этого еще не пришло, и народ бы не понял... (Идейные сподвижники отцов-основателей, остававшиеся в Старом Свете, были откровеннее и пошли дальше: так, например, крупнейшие деятели Века Просвещения, борясь против Церкви, не стеснялись отвергать и Бога — заодно уж... (Вольтер, Дидро и др.))

«Двойная религия» (одна в уме, другая — на языке) была продуманной политикой[2]. Истина же, вообще-то говоря, одна. Бог для всех Един, это правда, но понимание Его и Его взаимосвязей с человеком настолько различается в разных вероисповеданиях, что объединить их в масонстве может только нечто совсем иное...

...Оставляемому без Бога человеку надо было предложить что-нибудь на «освободившееся место». «Альтернативой» Творцу была объявлена *наука*. На Западе «процесс пошел» достаточно энергично еще в эпоху Возрождения, но вместе с действительными успехами науки в сознание людей стал намеренно и упорно внедряться *опасный миф* о Боге-противнике всякого знания, желающем держать человека в невежестве, и Его антиподе, якобы «из любви к человеку» дающем людям знания. (Однако, как позже выскажется философ Мэнли Холл, «если бы Бесконечный Бог не пожелал, чтобы человек стал мудрым, Он не снабдил бы его способностью к познанию». Но тот же философ мог бы добавить, что Творец, конечно, не желал,

[1] Экуменизм — первоначально движение протестантских церквей за объединение всех христианских церквей. Руководящий орган — Всемирный Совет церквей (с 1948 г.). Современный экуменизм — доктрина об объединении всех существующих конфессий и культов (включая откровенно языческие и сатанинские) в единую «мировую религию».

[2] В сегодняшнем западном мире надобность в двойных стандартах и умолчаниях уже отпала: с «отжившим христианством» там покончено, и теперь во имя «политкорректности» американский школьник не имеет права перекреститься перед важным для него экзаменом или соревнованием, а если хочет стать студентом университета, то должен помалкивать о своих христианских убеждениях, если таковые у него имеются. Чего ж вы хотите — «права человека»! Христианин там, как видно, ни звания человека, ни прав человека не заслуживает...

чтобы Его любимое творение — человек — употреблял эти способности во вред своей планете, своим собратьям и себе самому.)

Брауновский профессор, ярый пропагандист науки, раскрывает нам тайну существования «Мистерий Древности» — *оккультных знаний*, которыми владело древнее, возможно, еще допотопное, человечество и которыми в сегодняшнем мире владеют только «посвященные», то есть масоны. Простым же смертным остались лишь смутные «предания о тайной мудрости, переходящей из поколения в поколение... оберегаемой тамплиерами, розенкрейцерами, иллюминатами, алюмбрадами...».

О тамплиерах здесь уже вскользь упоминалось, а о розенкрейцерах, их «близнецах-братьях», профессор тоже поведал нам интересные факты: «Крест с розой — весьма распространенный у масонов символ. Например, один из градусов (ступеней посвящения) Шотландского устава называется «рыцарь-розенкрейцер» — в честь древних розенкрейцеров, внесших свой вклад в формирование масонской мистической философии... *Древний мистический орден Розы и Креста оказал огромное влияние на науку* и имел как загадочное происхождение, так и много общего с Мистериями Древности... Список розенкрейцеров, оставивших след в истории, — это энциклопедия гениев европейского Возрождения: Парацельс, Бэкон, Флад, Декарт, Паскаль, Спиноза, Ньютон, Лейбниц... Согласно доктрине розенкрейцеров, их орден «строился на древних эзотерических истинах, которые сулили величайшее духовное озарение...». То есть «тайная мудрость» могла и должна была наделить человека сверхъестественной силой, почти божественной.

Древняя тайная мудрость, продолжает профессор, «затем была якобы перевезена из Старого Света в Новый — чтобы избавиться от религиозной тирании», и сохраняется теперь масонами. Здесь мы опять наблюдаем у Брауна сбой логики: с одной стороны, «якобы перевезена», а с другой — повествование о странствиях «тайной мудрости» во времени и в пространстве. «Возникла она, по-видимому, в школах мистерий Древнего Египта и затем была скрыта, а потом вновь всплыла на поверхность в эпоху Возрождения, когда ее доверили группе выдающихся ученых из «мозгового центра» тогдашней Европы — Лондонского королевского общества, загадочно прозванного *«Невидимым колледжем»*. Этот тайный «колледж» быстро собрал в своих стенах величайшие умы человечества: в него входили, в частности, Ньютон, Бэкон (Старый Свет) и Бенджамин Франклин (это уже Новый Свет). Список других членов впечатляет не меньше: Цельсий, Хокинг, Бор, Эйнштейн. Все эти гении сделали огромный вклад в развитие науки, и многие убеждены, что их открытия были напрямую связаны с постижением древней мудрости, хранимой «Невидимым колледжем»... В 1936 году были обнаружены тайные рукописи Ньютона, потрясшие мир: оказалось, что этот великий ученый увлекался алхимией и мистицизмом».

Нужно отметить: Исаак Ньютон и сам свято верил в свое величие. Декан Вашингтонского национального собора говорит о нем: «...Он, как и древние адепты, считал себя равным Богу...» Профессор Лэнгдон подтверждает: «В Торе еврейский бог фигурировал под разными именами... но латинские переводы во избежание путаницы свели все многообразие к единственной фразе «Jeova Sanctus Unus» — «Единый Бог Иегова»... Под этим псевдонимом работал ученый с мировым именем, алхимик, член Лондонского королевского общества, розенкрейцер... из этой фразы при перестановке букв идеально складывается анаграмма Isaac Neutonuus (J=I , V=U)»... «*Этим великим умам свойственно было считать себя богами*», — с гордостью заключает профессор Лэнгдон. (Кстати, оправданно ли было подобное самомнение, если предположить, что они действительно пользовались уже «готовыми» знаниями?)

Правда, в защиту нескромного Ньютона можно привести интересный факт: «В личных бумагах Ньютона нашли письмо к Роберту Бойлю, где он призывал «хранить строгое молчание» касательно некоей открывшейся им тайны. «Об этом нельзя рассказывать, — писал Ньютон, — иначе мы рискуем нанести огромный вред человечеству». (Совершенно произвольно можно предположить, что в неких сохранившихся до того времени древних источниках речь шла о средствах массового уничтожения или о чем-либо подобном — и эти ученые смогли-таки оценить опасность подобных знаний для человечества. Это указывает все же на наличие у них нравственного чувства, которое напрочь отсутствовало и отсутствует у некоторых ученых более позднего времени.) Получается, что «мистерии древности» отнюдь не безобидны... При этом, вопреки им самим приведенному факту, Браун утверждает, что «почитаемая масонами наука хранит древние знания о том, как использовать их в самых благородных и великих целях». Но опять же, благородное и великое не нуждается в сокрытии...

Очевидно одно: еще в те отдаленные, пока еще христианские, времена многие западные, формально христианские, деятели политики и науки видели опасного противника... в Самом «Едином Истинном», претендуя на Его «лавры» и возлагая надежды не на Него, а на таинственную помощь из глубины веков...

Наука продолжала успешно развиваться, иногда в конфликте с католической церковью, но важно отметить, что многие выдающиеся ученые не только *не видели противоречия между наукой и верой* — не «конкурировали с Богом», — но оставались истинно верующими людьми (много примеров тому среди российских ученых). Открытия именно таких ученых оказывались наиболее полезными человечеству. Были, конечно, и другие ученые, особенно в естественнонаучных и гуманитарных областях, — в чьих трудах отсутствовали и Бог, и человеческая нравственность...

В XX веке великий физик Эйнштейн тоже скажет: «Религия будущего станет религией Космоса. Она преодолеет представление о Боге как Личности и откажется от теологии». Он выразил очень распространенную в научном мире тенденцию. Естественное стремление человека к знаниям стало зачастую (при несомненном влиянии масонов, одержимых «мистериями древности») приобретать явно *оккультный характер*. Достаточно вспомнить гитлеровское «научное» общество «Аненербе»: так соблазнительно было получить неограниченную власть над людьми, целыми народами и природой с помощью темных потусторонних сил!.. XX век, бесспорно, явил собой мощный рывок во всех областях науки, что, однако, не спасло человечество от двух кровопролитнейших мировых войн. Более того, наука обслуживала эти войны гораздо успешнее, чем насущные нужды мирной жизни. Бога страдающему человечеству она явно не заменила...

Особенно настораживает *технологический «бум»* второй половины XX века и начала III тысячелетия, в том числе безудержная компьютеризация и «виртуализация» подряд всего и вся. За три-четыре десятка лет наукой *вдруг* (и, возможно, неспроста) оказался *пройден путь больший,* чем за два предыдущих тысячелетия! Дальше — больше: предполагается, что в недалеком будущем искусственный интеллект и роботы *заменят человека*, и человек («венец Творения») вообще станет не нужен... А пока он «всего лишь» деградирует — умственно и физически. Вот вам и высокие технологии!..

И наконец, в своем романе «Утраченный символ» Дэн Браун преподносит нам «апофеоз» науки — *ноэтику*. Это название произведено от греческого «noos» — «внутреннее знание, душа, мышление».

Так что же такое «ноэтика»? Героиня романа Кэтрин, проводящая свои таинственные исследования, определяет «ноэтику» как «толчок к новой

форме мышления, новому духовному возрождению; катализатор поисков утраченной мудрости, которая наделит людей небывалой силой». В этом высокопарном определении «новой науки» сразу слышатся какие-то знакомые «старые» нотки... Ну конечно: это уже обещали человечеству, и продолжают обещать, его благодетели — розенкрейцеры, масоны и иллюминаты, современные «ньюэйджевцы»[1]; именно это обещают нам сегодня, пусть и в несколько других выражениях, маги и экстрасенсы разного толка. Определение же, данное этому явлению Калифорнийским институтом ноэтических наук, прямо подтверждает возникшую у читателя ассоциацию с эзотерикой: последнее слово науки — ноэтика — дает «прямой и непосредственный доступ к *знаниям, недоступным нашему разуму и обычным чувствам»*. Но если они недоступны разуму и чувствам — то как же к ним подступиться? Тогда должен быть кто-то, кто может организовать такой доступ?! Конечно, этот «кто-то» есть, и это старо как мир: «недоступные разуму и обычным чувствам» оккультные знания еще в седой древности получали колдуны и прорицатели путем потусторонних контактов! Только вот беда: контакты эти всегда заканчиваются очень плохо для такого «научного сотрудника»: его потусторонний «научный руководитель» не отпустит с миром его душу, пока тот не передаст свои «научные знания» кому-либо из близких — чтобы тот мог продолжить «научные исследования». Такой науке Бог, естественно, не только не помогает, но всегда был только помехой...

Некоторые «новые» выводы, к которым пришли эксперты Калифорнийского института, совершенно верны, но только... известны они давным-давно любому нормальному христианину. Приводится, например, высказывание Линна Мактаггарта: «Самый важный ингредиент для создания вселенной — это сознание того, кто ее наблюдает». (Смущает только слово «ингредиент» — оно более уместно в кулинарном рецепте.) Но гораздо раньше Мактаггарта, более трех тысяч лет назад, то же самое сказал пророк Моисей, только другими словами: «Вначале создал Бог небо и землю». И у него это звучит даже лучше. (Впрочем, калифорнийские ученые вряд ли имели в виду библейского Бога.)

Еще «открытие»: «сознание — субстанция, способная выходить за пределы тела, — это высокоорганизованная энергия, способная влиять на окружающий мир». Так ведь это бесспорное для христианина бессмертие души человека, которая способна (и должна) вести осознанное существование вне тела!.. Что же до способности сознания влиять на окружающий мир — так мы видим это в собственной повседневной жизни...

Однако есть и «открытия» другого рода — никак не накладывающиеся на христианские истины. «Гениальная ученая» Кэтрин, соединившая *науку и магию,* состоит, как и все масонство, в очень *напряженных отношениях с Богом.* Ей удобнее объявить богом человеческий разум. Под этот постулат подгоняется даже Евангелие — приводятся искаженные слова Христа (!): «Царствие Небесное в вас самих...». В Писании же сказано: «Царствие Божие внутри вас есть» совсем по другому поводу и с совершенно другим смыслом.

Возможности «бога» — человеческого разума кажутся исследовательнице безграничными, особенно если это *объединенный разум* человечества. Она объясняет: «Бог многочислен, потому что многочисленны людские умы». (Вспомним девиз «E pluribus unum».) Специалистка по «ноэтике»

[1] «New Age» («новый век» — *англ.*) — возникшее в западном мире на пороге III тысячелетия мистическое движение. Утверждает, что «по окончании христианской эры» человечество вступило в новую эру своего развития, когда каждый человек может и должен развить в себе сверхъестественные способности, вступая в мистические контакты с потусторонним миром.

нигде и никак не поясняет, однако, каким способом можно соединить все наши умы в «объединенный разум», и главное, — с какой целью.

В ходе длинной череды детективных перипетий ученая дама Кэтрин и профессор Лэнгдон героически спасают от безумного фанатика научные материалы, которые «представляли собой настоящий прорыв в науке — обширное собрание экспериментов, доказывающих, что человеческая мысль обладает реальной измеримой силой. Эксперименты демонстрировали результаты воздействия мысли на самые разные объекты... итоги исследования способны... изменить массовое сознание в масштабах всего мира». Ну вот, суть «ноэтики» начинает проясняться. Ключевая фраза здесь — *«изменить массовое сознание в масштабах всего мира»*, и она сильно настораживает. Тот факт, что объединенное мыслительное усилие большого количества людей может производить действительно сильное воздействие на материальный мир, — известен давно[1]. Но «изменить массовое сознание в масштабах всего мира»?.. Это сильно, даже чересчур. Сразу возникают все те же вопросы: Кому это нужно? С какой целью? Какими способами?..

Ученая дама озабочена объединением наших умов в какой-то «один ум», но ведь недаром существует поговорка «сколько голов — столько и умов», — то есть все мы очень разные по мировоззрению, национальным особенностям, культурным традициям, условиям жизни, и даже можем иногда отличаться сами от себя в зависимости от душевного состояния, меняющихся обстоятельств... Вот такое разнообразие и многообразие! Такими мы созданы и такими, очевидно, должны оставаться. Главное здесь — уважать в другом человеке человека и его права, но уважать по-настоящему, нелицемерно...

Можно, вероятно, заставить человеческую массу вопреки человеческой природе думать (и действовать) «в одном направлении» (нужном кому? для чего?), но для этого придется прежде «очистить» умы от всего накопленного человечеством опыта, то есть «лишнего груза» (мешающего кому? почему?). Потом уже в «очищенное коллективное сознание» можно закладывать и «нужное» содержание. Способы есть, и они «работают», как принято сейчас выражаться. Это может быть массовая обработка *психотропным оружием,* например, избавление от «излишков» нравственности и интеллекта (привет от господина Геббельса!). Это может быть *технологическая обработка* — например, массовая чипизация людского поголовья (ее можно произвести аккуратно, «без шума и пыли», в частности, через прививки)... Вопрос о том, хотят ли этого сами люди, вообще не ставится — подопытной человеческой «биомассе» иметь мнения (или того хуже — убеждения) не полагается...

Библейский Бог как Личность действительно неудобен масонству и опекаемой им науке (см. высказывание Эйнштейна), более того — мешает ему: если признать Его таковым, то тогда данные Им человечеству заповеди будет гораздо труднее подменить собственным *новым мировым порядком*. (На уже упоминавшихся Великой печати и купюре так прямо и написано по-латыни: «Novus ordo seclorum». Не об этом ли «новом порядке» так мечтали нацисты?) Гораздо проще вообразить Бога неким абстрактным «верховным существом», безразличным к судьбам мира. Если же при этом пользоваться еще и помощью своего бога, «великого архитектора»,

---

[1] Так, во время Второй мировой войны по приказу микадо послушные японцы стали одновременно возносить молитвы об отведении угрозы от их страны — и Шестой американский флот, не дойдя до берегов Японии, оказался напрочь разметан сильнейшим штормом.

и «мистериями древности», то задача «объединителей мира» может, как им кажется, совсем упроститься. Тогда уже приведение человечества к единому знаменателю, то есть преобразование его в *электронный муравейник*, пойдет полным ходом — технологические возможности для этого созданы...[1] (Не построение ли *«Новой Атлантиды»* подходит к своему завершению?)

Такова *логика развития науки* — в отрыве от Бога и человеческой нравственности...

Название романа изначально окутано флером загадочности, но и по ходу чтения романа полная ясность не наступает. Под *«утраченным символом»* Браун, по всей вероятности, подразумевает «мистерии древности», главной из которых автор объявляет *Слово* — так он называет Библию. Здесь опять обнаруживает себя очень приблизительная «ученость» автора, так как под *Словом*, *Логосом* в философской и мистической традициях всегда подразумевался Христос, к которому Браун явно никакой любви не питает. Поскольку западная цивилизация четко определяет себя как «постхристианскую», то Христос действительно является для нее «утраченным символом». Получилось знаменательно: автор романа этим своим названием сказал правду, сам того не желая...

Итак, *Библия*, в понимании Брауна, является важнейшей из «мистерий древности». «Досточтимый мастер» Питер Соломон говорит прямо: «Библия и Мистерии — одно и то же». То есть Библия исключительно почитаема масонами (и Брауном), но почтение это — особого рода, раздвоенное. С одной стороны, Библия у них — это кладезь мудрости, а с другой — собрание сказок и неправдоподобных выдумок (например, в Евангелии — повествования о деяниях Христа). Примирить это противоречие в масонском сознании возможно только одним способом: если не воспринимать Писание непосредственно, то есть в прямом смысле, а искать в нем тайный, переносный, смысл. Так и произошло: в определенных и «неопределенных» кругах очень давно существует, как правильно указывает Браун, «теория о том, что в Писании имеется скрытый подтекст, завуалированный символикой и иносказаниями». То есть, например, если в Книге Бытия сказано: «Вначале создал Бог небо и землю», — то имеется в виду не то, что сказано, а нечто совсем другое, что требует особого, изощренно глубокомысленного толкования...

Теория эта неоднократно подкреплялась практикой. Так, например, Френсис Бэкон, розенкрейцер, «создал авторизованный перевод Библии: он был убежден, что в Писании зашифрован скрытый подтекст, и предложил собственные шифры, которые изучаются по сей день». Один из авторов американской Конституции Томас Джефферсон «настолько был убежден в существовании скрытого смысла, что вырезал из страниц Писания все сверхъестественное и скомпоновал собственную библию, сокрушив искусственные нагромождения и оставив лишь подлинную основу». (Интересно: откуда такая убежденность в своей непогрешимости? Пообщался с самим пророком Моисеем и уличил его в обмане?..) Нужно отметить: еще в XIX веке в США сохранялась традиция вручать «библию» Джефферсона всем новоизбранным конгрессменам. И эта «библия» издается до сих пор...

Американские отцы-основатели были, однако, далеко не первопроходцами в деле «пересмотра» и произвольного *переписывания Библии.* Такое отношение к древнейшей Книге человечества, а затем и к Евангелию, они

[1] Свежайшая новость — узаконивание британской королевой системы слежения и собирания всех данных **о каждом** из ее подданных. Британцы пытаются слабо сопротивляться...

позаимствовали еще у создателей иудейских Талмудов. За перетолковывание собственного Священного Писания (!) иудейские «ученые» взялись еще в самом начале христианской эры. В последующие века иудейскими мистиками-каббалистами[1] создавались многотомные «комментарии» и «дополнения» к Библии, в результате чего собственно Библия постепенно оказалась *искажена* до неузнаваемости, затем вовсе упразднена и отвергнута иудейской верховной властью и самым навязчивым образом подменена в головах простых единоверцев *Талмудом*[2]. (Интересна судьба этого слова в русском языке: «талмудом» стали называть нечто весьма запутанное, неверно перетолкованное, имеющее целью затемнить истину, увести от нее.) Кроме извращения прекрасного древнего текста поражает в этих громоздких творениях еще и *чудовищное презрение к нормальной человеческой нравственности...*

«Христиане» масонского толка охотно продолжили «эксперименты» над ней (см. «библию» Джефферсона), а за ними последовали и современные служители «великого архитектора», вовсе «открестившиеся» от христианства и проповедующие «религию» совсем иного рода. Их-то «резидентом» среди любопытной и легковерной читательской массы и стал Дэн Браун — автор сверхпопулярного романного триптиха.

«Пересмотр» Писания успешно продолжается: пишутся и издаются (!) десятки теперь уже *«новых евангелий»*, в которых нынешние «евангелисты», используя методику иудейских талмудов, безбожно извращают священные тексты — всяк в меру своей духовной ущербности. Яркие примеры «талмудического» подхода к христианским понятиям преподнесла и брауновская «евангелистка от ноэтики». Понятие и слово «Бог» вызывает у нее сильнейшую аллергию, и потому она заменяет его «правильными словами» везде где может. Так, например, апостол Павел говорит о духовном совершенстве человека, которое человек, созданный «по образу и подобию», сам должен в себе воссоздать: «Вы — храм Божий», а читать надо, по ноэтике-то, «храм разума» и т. д. Толкования текстов даются самые произвольные. Вот у Матфея сказано: «Если око твое чисто, то все тело твое будет светло...», где под «оком» подразумевается нравственная устремленность человека, но имел он в виду, по ноэтике... «третий глаз» (!). Своеобразно и ноэтическое понимание «второго пришествия», описанного у Иоанна Богослова, — это «пришествие человека, час, когда человечество выстроит храм своего разума». Однако, наблюдая человечество третьего тысячелетия, приходится признать: от этого вожделенного часа оно все более удаляется... Разве что в созревших ныне условиях, по «ноэтической» методике, насильно прочистят ему коллективный мозг, основательно «засо-

---

[1] Каббала — мистико-оккультное учение иудейских раввинов, имеющее корни в учениях халдеев Древнего Вавилона.

[2] Тяжкая участь в творениях потомства выпала и самому автору Ветхого Завета — пророку Моисею. Например, в библиотеке Капитолия установлена величественная статуя Моисея... с рогами. (Такая же статуя работы Микеланджело находится в базилике Сан-Пьетро, подобные ей — во многих других местах.) Профессор Лэнгдон поясняет, что все дело здесь в «невинной ошибке при переводе Книги Исход с древнееврейского языка, которую допустил блаженный Иероним примерно в IV веке»: «...Оригинальный текст гласил, что у Моисея «лицо сияло лучами». Когда же римско-католическая церковь переводила Библию на латынь, то возникла фраза «рогато было лицо его». С тех пор художники и скульпторы, опасаясь упреков в отступлении от священного текста, стали изображать Моисея рогатым». Так, по странному совпадению, самому Моисею пришлось разделить участь своей Книги — подвергнуться столь чудовищному искажению. В случайность такого совпадения как-то плохо верится.

ренный устаревшими понятиями», и вложат в него то «новое», что сочтут нужным. (Если же кто вздумает воспротивиться — такому отщепенцу нажатием кнопки живо «перекроют кислород». Например, достаточно просто заблокировать карточку...) Такая вот грустная ирония...

...В романе имеется *жуткий персонаж* по имени Малах: его тело испещрено чудовищными татуировками, а сознание — садистскими фантазиями. Особенное отвращение у читателя вызывает его маниакальная ненависть к родным ему людям. Обманув «бедных доверчивых масонов», он проникает в их среду и ищет разгадку «утраченного символа». Конец его ужасен: его душу уносят ревущие демоны. Так наказал его «суровый, но справедливый» автор... но только не за изуверство и преступления, как мы могли бы подумать, а потому что он замахнулся на «святое» — масонство и масонов. В назидание тебе, читатель...

В «научных беседах» героев Брауна прозвучало признание, что «одним из столпов, на который опираются все «мистерии древности» (и масонская фразеология), является афоризм, обращенный к людям: «Разве вы не знаете, что вы боги?» Отличная приманка, подброшенная честолюбивым политикам, самонадеянным ученым, корыстным литераторам, бесчеловечным финансистам и просто себялюбивым посредственностям...

Это признание исключительно важно для понимания сущности масонства, но исключительно необдуманно со стороны «резидента» Брауна. Оно разом объясняет, почему так неприемлема «простая Библия» для ее «толкователей» и переписчиков. Ведь там прямо сказано, что слова «будете как боги» — это речь... сатаны, которой он соблазнил первых людей: толкнул их на недоверие и неблагодарность по отношению к Создателю и тем самым лишил жизни в раю, который был предназначен Богом для любимого Его творения — человека. С тех самых пор и доныне «враг рода человеческого» не оставляет людей своим «попечением», пуская в ход все, что в нашей жизни может работать на него: политику, науку, литературу, искусство, наше невежество и легковерие, нашу жадность до денег и душевную черствость, и главное — нашу гордыню и падкость на лесть («вы — боги»)[1].

Все очевиднее становится, что уже изготовилось править всем миром «всевидящее око» масонской пирамиды. Положение, конечно, тяжелое, но не безнадежное. Постепенно приходит ко многим людям понимание происходящего в мире. Все больше верующих начинают воспринимать масонское «око» как образ грядущего глобального правителя мира сего, антихриста, и все больше неверующих, но не лишенных здравого смысла, — как символ *глобальной системы управления миром*, которой вовсе не нужны «боги», а совсем наоборот: нужно единое и единообразное — глобализированнное — *человеческое стадо*, подкупленное и запуганное одновременно, которым легко управлять. А наша задача — в это стадо не превратиться. Так что еще поживем как люди — если будем настоящими людьми, мыслящими и нравственными...

[1] Время недомолвок в США пришло к концу. Официально существующий там «храм сатаны» 27 июля 2015 года установил в Детройте бронзовый памятник Бафомету высотой в 9 футов и весом около тонны. Предполагается затем перенести его в Капитолий штата Оклахома и установить рядом с монументом, посвященным библейским Десяти Заповедям.

Татьяна ШАМЯКИНА

Истоки символизма: животные

Фольклорно-литературно-культурологическое эссе

Предки и братья

В текстах народных сказок встречается множество противоречий, парадоксов, логических нестыковок. Например, в белорусском варианте известнейшей сказки «Царевна-лягушка» Иван не забирает лягушку, ухватившую его стрелу, к себе домой — она остается жить на болоте. Причем обычно в сказках пейзаж не описывается. Здесь же сказано: «Болото такое большое, что ни конца ни края не видно. Идет он, идет, а болото нигде не кончается». Типично полесский ландшафт, который почему-то понадобилось ввести в сказку. Однако удивителен ее конец. Иван, увидев лягушку в человеческом облике, бросился «на болото, забежал в ее хоромы (по-белорусски «каморы». — *Т. Ш.*), нашел там шкуру лягушки и сжег ее, поскольку эта шкура была ее заклятием». И на этом сказка заканчивается. То есть мистическая вещь уничтожена, заклятие снято — все хорошо, теперь остается только жить-поживать да добра наживать. Царевна не попадает в плен к Кощею, ее не нужно оттуда вызволять. Смысл сказки смещается к жилью лягушки. Но что же это за терем на трясине?

Или возьмем белорусскую сказку подобного же типа «Рак-царевич». Снова-таки царевич колдовством превращен в низшее существо. Для выполнения безумно сложного задания, данного его названым родителям, — строительства моста, рак призывает помощников — рыб и раков, которые собираются к нему «конные и пешие». Рыбы и раки — всадники?

В белорусской сказке «Сирота Иван, девушка-чародейка и пан» волшебный клубочек приводит Ивана к медведю. Доставив медведя к пану, Иван спрашивает: «Куда мне подевать вола?» Пан приказал пустить вола к коровам. На следующее утро все коровы оказались задушены — «один медведь стоит». То есть снова медведь, а не вол. Выходит, медведь и вол — одно и то же?

Таких загадочных мест в сказках великое множество, и не только в белорусских. Конечно, можно списать противоречия на забывчивость, отсутствие логики у необразованных информаторов — рассказчиков сказок. Но не все так просто. Обычно народные сказители, знатоки фольклора, стремились неукоснительно следовать традиции, по мере возможности повторяя все в точности, как слышали от своих предшественников. Однако в процессе многовекового или даже многотысячелетнего бытования сказок многие звенья неизбежно выпали. Отсюда нестыковки. Причем нивелировались, исчезали, искажались те моменты, которые отражали самые древние воззрения предков — тотемистические, анимистические, магические.

В основе сюжетов всех сказок — мифология. Она может быть невероятно древняя, но может оказаться и ближе к нам по истории, поскольку человек всегда и везде нечто значительное мифологизировал. Так, совмещение вола и медведя, безусловно, напоминание о древнейшем из европейских богов — Велесе-Волосе-Велсе-Уелсе, который беспрестанно менял облик в зависимости от ситуации, но в народной памяти остался преимущественно или в виде медведя (самое архаичное представление, идущее еще от неандертальцев), или быка-вола, очень нужного в хозяйстве наших предков. Названные арийцами по имени этого весьма

почитаемого бога представители касты *вайшьев* (земледельцы и скотоводы) даже украшали себя некими подобиями рогов. Возможно, отсюда — рогатые шлемы у викингов или своеобразно завязанные платочки с торчащими в виде рожек концами у женщин некоторых белорусских, украинских, русских регионов.

Что же касается сказки «Царевна-лягушка», то она считается самой таинственной в мировом фольклоре. Каких только ее интерпретаций не предлагалось — от архаических, но поразительно провидческих представлений о звездном небе до связи с параллельным пространством. Боюсь, что разгадать таинственный код сказки исследователям вряд ли удастся. Я же всего лишь напомню о некоторых персонажах мировой мифологии, которые, возможно, как-то приблизят нас к той мистической атмосфере, в которой данная сказка и многие подобные ей создавались.

У скифов верховная богиня, запечатленная в скульптуре, имела лягушечьи ноги. Греческая Ехидна — наполовину прекрасная женщина, наполовину змея — вместе с Гераклом, по версии Геродота, и породила Скифа, родоначальника великого народа, жившего не только на юге России и Украины, но и в Беларуси («лесные скифы»). В древних иллюстрациях к апокрифам Ветхого Завета первая жена Адама — Лилит — изображалась с хвостом и лапами ящерицы. Хозяйка Медной горы в сказаниях уральцев также имела обыкновение превращаться в ящерицу — рептилию, символизирующую связь с землей, с ее «костной» основой — скалами. Богиня Луны у китайцев за предательство мужа была превращена в лягушку. Самое поразительное — месопотамские изображения женщин со змеиными головами. Их многочисленные, найденные археологами, скульптурки стали доказательством для целого направления эзотериков, утверждающих существование расы рептилоидов (серпентоидов), полулюдей, полугадов, не только в древности, но и сегодня. Только живут они под землей, а впрочем, способны принимать человеческий облик — совсем как героиня «Царевны-лягушки».

Терем на болоте в белорусской сказке, конечно же, свидетельствует о глубоко *инфернальной* сущности лягушки, хотя и пожалел ее народ — девица, мол, заколдованная. Ведь болото, где подземные фракции (грязь) непосредственно выходят на водную поверхность, но затягивают в себя тех, кто на этой поверхности оказывается, — место жительства разной нечисти. И это прочно укоренившаяся мифологема на территории Европы.

Среди ученой братии в последнее время возникла версия о происхождении человека от вида, который вел полуводный образ жизни, — как лягушки на берегу пруда. Да и внешне лягушка, если поставить ее на ножки, похожа на человека. То есть лягушка — наш ближайший «аналог». Возможно, потому она появилась в сказке. Но на самом деле, мне кажется, идея более глубока и связана с теми полулюдьми-полурептилиями, о которых я упоминала выше. Можно вспомнить другие химерические создания, совмещающие человеческую и животную природу, — кентавра (у русских — китовраса), сирену, русалку, фавна, ламию. Дело не в генетических экспериментах мудрых богов-инопланетян, которые резвились на Земле, создавая в своих лабораториях разные ублюдочные формы, как утверждают многие современные фантазеры. А дело в чем-то более глубоком, воплощенном *символически* в химерах. Может быть, в том, что китайцы называют двумя душами в человеке — животной и собственно человеческой. Причем под животной душой не следует понимать инстинкты, а скорее, эмоциональную сферу. То есть в данном случае речь может идти о разделении функций правого и левого полушарий коры головного мозга или же о деятельности сознания и подсознания. А ведь у отдельных личностей есть еще *ангельская душа* — сверхсознание.

В сказке «Рак-царевич» иное: здесь сподвижники героя, спешащие ему на помощь верхом, — не настоящие раки и рыбы. По-моему, это названия тотемных родов, так же как и всем известные персонажи в сказках о животных. Лиса, медведь, волк, заяц — названия тотемов тех племен, которые проживали на нашей территории. То есть действующие лица в сказках — *персонификации* конкретных этносов, прячущихся за названиями тотемов.

Вообще тотемизм в сказках выявлен гораздо шире, чем представляют даже фольклористы. А явление это чрезвычайно древнее, ему, возможно, не менее 100 000 лет, потому очень живучее и мощное.

Да, в XX веке человек, как бы утверждая свою окончательную власть над природой, назвал зверей «братьями нашими меньшими» (Сергей Есенин). Но люди эпохи архаики считали животных не младшими, а старшими братьями, более того, предками. Они постоянно искали аналогии своих чувств и побуждений с природными объектами, стремились понять первопричины разных явлений действительности, в том числе самих себя. Ближе всего для наблюдения оказались звери — объект охоты, источник существования. А поскольку звери были сильнее и быстрее людей, последние стремились быть на них похожими.

Более того, «старшие братья» учили людей, как ни странно это звучит, красоте и творческим видам деятельности: строительству (бобры, пчелы, многие птицы, муравьи), прядению и ткачеству (пауки), пению (например, соловьи, жаворонки, канарейки), танцам (журавли).

Тотемизм — это обожествление животных, признание их своими родственниками, предками, вера, что семья, род, племя происходят от зверя или птицы. Явление тотемизма достаточно сложное, генезис рода мог вестись и от растения, и от других природных объектов, но наиболее распространенные предки — все же именно животные.

Почитание предков (сначала животных предков) — самый ранний тип верований. Тотемистические мифы — истории происхождения тех или иных семей, родов, племен, народов. Именно благодаря своему названию, идущему от имени животного предка, этносы отделялись друг от друга, стали ощущать свою особость. Произошла первая в истории человечества *идентификация* — явление, которое на данный текущий момент вновь чрезвычайно актуально для народов, уставших от язв глобализации.

В произведениях Фенимора Купера и Майн Рида, известных американских писателей XIX века, когда-то культовых авторов у нас, романтических советских подростков, индейцы постоянно с гордостью напоминали: «Мой тотем — орел», «Мой тотем — койот», то есть, называли своих предков, которых чрезвычайно почитали. Значит, тотем — еще не бог, а предок. Тотемизм предусматривает и отправление определенных обрядов, где миф всегда играл роль сценария.

Тотемизм и сегодня фиксируется у многих племен Африки, Южной Америки, Австралии, Полинезии. Связь членов племени с животным предком ныне видится как очень таинственное, безумно сложное психо-биологическое явление. Так, помню, в 1960-е годы много писали об африканских племенах «людей-леопардов» и «людей-крокодилов». Прошла серия громких, на весь мир, судебных дел об убийствах, совершенных членами названых племен в отношении представителей других родовых групп, причем убийствах с помощью тотемов. В самом деле, эти животные играют в племенах роль домашних, а также обожествляются. Но если леопард — «всего лишь» милая большая кошечка, то крокодил представляется абсолютно безмозглой рептилией. Однако дети из «его» племени спокойно купаются вместе с ним, чуть ли не лезут в пасть. Значит, глубоко на генетическом уровне в крокодилах запечатлено: людей данной крови не трогать! Такова, видимо, была связь и с другими тотемными животными у разных народов. Но кто заложил в них такую программу?

Заметим, что во многих европейских сказках герой рождается от животного, чаще медведя. Скажем, в испанско-французском регионе существует 130 вариантов сказок о браке человека и медведя. Это является *преамбулой* волшебных сказок. У белорусов на данный сюжет бытует одна из любимых в сказочном фольклоре — «Ивашка Медвежье Ушко». Причем после преамбулы последующие действия героя (обобщенно «Ивашки») в сюжете сказки никак с его происхождением не связаны, о его экстравагантном рождении в основном тексте даже не упоминается, однако сказки всех народов упорно и неизменно сохраняли такой необычный сказочный элемент — значит, он был очень важен. Кроме

того, животные *помощники героя* в волшебных сказках — безусловно, тотемные предки. Иногда на этом основан весь сюжет сказки типа «Кота в сапогах». Таким образом, тотемизм явственно прослеживается в *этнонимах* — названиях племен и народов, а также в таком серьезном (и добавим — таинственном, до конца не разгаданном) фольклорном жанре, как *сказка*.

Однако проявления тотемизма, связь человека и животного нашли отражение и во многих других явлениях культуры. Например, в *пищевых пристрастиях*. На Рождество у германо-скандинавских народов на праздничном столе красуется украшенная свиная голова, поскольку у древних германцев тотемом являлся вепрь. Впрочем, не только у германцев. Славяне тоже любят изделия из свинины и раньше закалывали свиней обязательно перед праздниками. Вспомним замечательную философскую новеллу белорусского писателя Михаила Стрельцова «Свежевание вепря». Приверженность украинцев к свиному салу вошла в анекдоты. Это — память о ритуальной еде.

Формирование ритуальности в пище можно проследить, скажем, на обрядности маленького сибирского народа кетов. Кеты полагают, что ведут свое происхождение от медведя. Потому раз в год, в том числе в наше время, они на медведя охотятся. Это самый важный праздник племени. Отрезанную и украшенную голову животного помещают на своеобразный алтарь — камень, пень (у немцев свиную голову — на праздничный стол), молятся перед ним, просят прощения за убийство туловища (дух же бессмертен и заключен как раз в голове), танцуют и поют. А в это время варится собственно тело медведя. Далее каждый, вплоть до маленьких детей, ест по кусочку мяса. То есть, вбирая в себя часть тотема, член племени сам становится немножечко данным животным, а значит, приобретает его силу, ум, ловкость и другие качества. Люди всегда знали, что человек есть то, что он ест.

В противоположность предыдущему тезису — пристрастию — наоборот, часто существует *табу* (запрет) на ту или иную пищу. Это настолько серьезно, что является основным догматом таких мировых религий, как *индуизм* (запрет на говядину, поскольку корова — священное животное), *иудаизм и ислам* (запрет на свинину, так как свинья — наоборот, нечистое животное). Значит, у каких-то племен считалось преступлением охотиться на тотем, наносить ему повреждения. Однако мифологическое мышление парадоксально — священное могло трансформироваться в нечистое. Главное — первоначальный запрет.

Одежда, украшения — шубы, кожаные изделия, ношение на шее бус из клыков, перьев, татуировки — также наследие тотемизма. Рога на шлеме еще до викингов описаны у Александра Македонского. Вообще для устрашения населения воины разных народов всегда стремились походить на животных. Юноша, прошедший инициацию в Древней Греции, носил шкуру льва. Возможно, в инициацию, то есть испытание силы и мужества, входило убийство льва или быка, что и совершили Геракл и Тесей. То же самое отмечается даже в наше время у африканского племени масаев, живущего близ самой высокой горы Африки — Килиманджаро. Их народная традиция, требующая убийства львов, сегодня чрезвычайно подрывает экосистему региона, грозит уничтожением редких прекрасных животных.

Изобразительное искусство всегда, начиная с палеолита, обращалось к образам животных. Существует целый жанр в живописи и скульптуре — *анимализм*. Здесь сложились свои традиции. Так, монархи в скульптуре всегда предстают на лошадях — это обязательное правило, утвердившееся еще в эпоху Античности.

В Беларуси достаточно много скульптур животных. Наиболее известны: бобр в Бобруйске; группы медведей в Могилеве и Гомеле; «птица-тройка» в Бресте; памятник животным, внесшим вклад в развитие медицинской науки, в Гродно; скульптурная композиция, навеянная мультфильмами из серии «Ну, погоди!», в Волковыске; пирамида из цирковых животных в Минске; огромное изображение зубра на границе Брестской и Минской областей. Именно животные — любимые персонажи у резчиков по дереву: запечатлены и в парковой скульптуре, и в дачной, и как элементы мебели. В послевоенное советское время существовала

трогательно-наивная традиция — устанавливать гипсовые раскрашенные скульптуры оленей, лосей, медведей на возвышенных местах вдоль шоссе. А почти во всех столовых и кафе в 1950-е годы неизменно висела картина-репродукция «Утро в сосновом лесу» Ивана Шишкина. Те же мишки представали на обертках конфет, любимых у детей.

Нельзя не отметить и *геральдику*: гербы многих родов, городов и стран включают в себя изображения животных. Это тоже непосредственное отражение тотемистических представлений. Например, на гербах столицы Германии Берлина, столицы Швейцарии Берна, белорусского города Сморгони и русского Ярославля изображен медведь (сам корень «бер» означает «медведь», отсюда «берлога»). В Китае, Корее, Вьетнаме, других странах Востока рисунки и скульптуры дракона как наиболее почитаемого животного, пусть и мифологического, встречаются повсеместно. Иногда животных изображают на деньгах — таковы «зайчики» в Беларуси в начале 1990-х годов. Часто животное, выступающее как символ, — настоящая рекламная находка: скажем, зубр — эмблема огромных грузовых автомобилей МАЗов. Но вообще белорусские тотемы-символы — зубр, аист, волк — используются явно недостаточно, а ведь их можно прекрасно обыгрывать при рекламе многих товаров и услуг.

Изображения животных встречаются даже в архитектуре, искусстве выразительно-символическом. Это так называемые *букрании* — капители колонн в виде голов быков и других животных; обязательные львы-охранители у входов дворцов, общественных зданий (на этом даже основан сюжет фильма «Необыкновенные приключения итальянцев в России» режиссера Эльдара Рязанова). В Кельне (ФРГ) есть здание библиотеки в виде фигуры слона.

В наше время *олимпийское движение* явно деградирует, вырождается, как и вообще *всё* в разлагающемся капиталистическом обществе, но традиция объявлять на каждую Олимпиаду символических животных пока остается. Это действие все той же глубоко укоренившейся традиции — находиться под опекой тотемных животных.

В *свадебных обычаях* многих народов также можно заметить элементы почитания тотемов. Например, у белорусов и русских мать жениха встречает молодых, воротившихся из храма, в меховой шапке, у поляков — в вывернутом кожухе. На шкуре или на кожухе мехом наружу обязательно сидели молодые за свадебным столом. Я помню, это было едва ли не единственным глубоко традиционным элементом на советской свадьбе. Ведь шкура символизировала тотем рода, к которому молодые, создающие новую семью, приобщаются. Правда, в советское время об этом уже никто не помнил, пока фольклористы, где-то в 1980-е годы, не занялись поиском корней народных обычаев и обрядов.

Несколько лет назад российские антропологи исследовали 15 000 русских *фамилий* и выявили наиболее употребительные. На первом месте, как ни странно, не Иванов, а Сидоров. Но показательно, что среди тридцати наиболее часто встречающихся половина происходят от названий птиц и зверей. Птицы все же на первых местах и вообще в большинстве. Так, Соколов и Лебедев занимают 5-ю и 6-ю позиции. Волков — на 11-м месте, Зайцев — на 14-м. У белорусов эти и подобные фамилии часто без окончаний — Волк, Заяц, то есть их генезис обнажен.

Животный календарь восточных народов, ставший основой звездного зодиака, был создан первоначально в Китае задолго да нашей эры (III тысячелетие), а затем распространился практически по всей Восточной Азии. В Китае, как и в других цивилизациях Древнего мира, становление календаря было связано главным образом с сельскохозяйственными потребностями. Китайцы издавна открыли эклиптику солнца и двенадцать зодиакальных созвездий, которые носили названия животных (а также птицы — петуха). Именем определенного животного называлось не только созвездие, но и год, месяц, период суток. Но самая важная единица времени — все же год. Циклы по двенадцать лет каждый — характерная особенность именно восточной культуры. Цикл начинался с года Мыши (крысы), кончался Свиньей. Сутки, кстати, тоже строились соот-

ветственно и включали 12 часов, а не 24. Новый год в Китае отмечается в первое полнолуние после вхождения Солнца в созвездие Водолея, что в переводе на привычный для европейцев григорианский календарь происходит не ранее 21 января и не позднее 19 февраля. Например, в 2017 году — Огненного Петуха — Новый год наступил 28 января.

Почему-то в Европе, в том числе в Беларуси, прижилась именно китайская календарная традиция. Но есть же еще и зороастрийская, идущая от древних арийцев. По ней 2017-й — год Верблюда. А по славянской, о которой, к сожалению, вообще никто ничего не знает, нынешний год — Красного Лиса.

Из тотемизма ведут происхождение *тропы*, в частности, сравнения в фольклоре и литературе. Это связано с тотемистическими представлениями об оборотнях. Люди верили не только в животного предка, но и в то, что некоторые их соплеменники могут превращаться в него. То же, что в сказках. У белорусов данное явление называется *волколацтвом* и нашло отражение в невероятном количестве быличек, мифов, легенд, вплоть до придания данной особенности реальному лицу — князю Всеславу Полоцкому.

Явление оборотничества — мировое и очень живучее. Некто мог быть человеком, но мог становиться, например, оленем. Бежит охотник за оленем и вдруг — нет оленя, перед ним человек. Отсюда недалеко до сравнения — «человек-олень», вновь актуализированного в сегодняшнем молодежном сленге. Сказки разных народов наполнены образами оборотней: скажем, ударилась уточка о землю — превратилась в красную девицу. Волк, помощник Ивана-царевича, мог превращаться в кого угодно. То же — в литературных сказках: «О царе Салтане» Александра Пушкина, «Калиф-аист», «Карлик Нос» Вильгельма Гауфа, «Дикие лебеди» Ханса Кристиана Андерсена. Образы оборотней встречаются и в других жанрах художественной литературы, особенно в китайской, а в белорусской — у Яна Барщевского, Павлюка Багрима. Неоднократно обыгрывался образ Всеслава Чародея у белорусских авторов конца XX века, когда у наших соотечественников проснулся интерес к собственной мифологии и истории. Среди современных ученых есть мнение, что в случае оборотничества имел место гипноз.

Явление *реинкарнации* также ведет свое происхождение от тотемизма. В индуизме, буддизме реинкарнация — основной, чрезвычайно важный догмат. Это вера о переселении души из тела в тело. Если человек грешен, его душа может вселиться в тело животного. Великие философы Греции Пифагор (VI век до н. э.) и Платон (V век до н. э.) верили в реинкарнацию. Пифагор полагал, что душа в своем развитии проходит через семь царств природы, последовательно бывая в камне, растении, насекомом, рыбе, птице, млекопитающем животном и человеке, затем цикл повторяется. Однако в теории античных мудрецов переселения душ происходят, так сказать, автоматически. А мировые религии *буддизм* и *индуизм* основываются на идее перемещения души в зависимости от грехов либо праведности человека (кармический закон). Но высший идеал — выпадение из вечного круга превращений, достижение нирваны, то есть слияние с Абсолютом. В журнале на русском языке «Индия» из номера в номер печатаются статьи о разных случаях реинкарнации. Вполне вероятно, что реинкарнационные представления существовали и у наших предков — славян-язычников. Об этом свидетельствует сохранившаяся вера в бабочек и птичек, в которых якобы переселились души умерших родственников.

Животные в религиях — важный пласт культуры, достаточно познакомиться с верованиями древних египтян. У них богиня Баст представала в облике кошки, Хатхор — коровы, верховный солнечный бог Гор — сокола либо с головой сокола. Христианство далеко отошло от этих представлений, и в нем таких примеров немного — Агнец Божий, Дух Святой в образе голубя. Но народное православие переполнено образами животных и птиц.

Разброс отношения к животным в религиях велик. Если в одной из конфессий Индии — джайнизме — страшным грехом считается нанести вред живому существу, то в архаических обществах всех континентов широко бытовала прак-

тика принесения в жертву духам локусов животных и птиц. *Строительная жертва* — явление повсеместное: как бы компенсация духу места за занятую людьми территорию. Даже в наше время на Полесье при строительстве бани обязательно забивают курицу или петуха. У арабов есть поговорка: «Кровь пролилась — опасности больше нет», то есть дух локуса умиротворен и не будет мстить.

Из фольклора животные персонажи перебрались в *литературные произведения*. Некоторые образы, особенно коней и собак, вошли в общий пласт мировой культуры: любимый Александром Македонским Буцефал, Росинант — конь Дон Кихота, Холстомер у Льва Толстого, Изумруд у Александра Куприна; собачка Муму у Ивана Тургенева, Каштанка у Антона Чехова, Монморенси в «Трое в одной лодке» Джерома Клапки Джерома — и еще десятки примеров.

Тотемизм — явление необычайно древнее, но настолько важное, что сохранило свое значение и в последующие эпохи. Это универсальное верование, один из важнейших этапов в развитии мифологии и религии, стало основой, как мы убедились, многочисленных процессов и явлений в культуре. Даже в XX веке сохраняются тотемистические представления. Особенно интересно их проявление в поэзии. Например, переселением душ интересовался создатель «черной фантастики» Густав Майринк. О реинкарнации говорит блестящий, к сожалению, недооцененный, советский поэт Николай Заболоцкий в стихотворении «Завещание»:

Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.
Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обовьет, печален и суров.
В его больших листах я дам приют уму,
Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли,
И ты причастен был к сознанью моему.

Да и вообще в поэзии отношение ко всему живому, особенно к животным, удивительно трогательное и окрашено именно почитанием их, как в тотемизме. У замечательного русского поэта Александра Яшина:

Не верю, что звери не говорят,
Что думать не могут певчие птицы,
Что только инстинкты у хитрой лисицы
И пчелы не знают, чего творят.

. . . .

Достойно ли царя природы делить
Всех в мире живущих
На высших и низших?
Порой и владыки разумом нищи,
Все относительно, может быть?
Высокомерие не к лицу
Ни великану,
Ни мудрецу.
В сосновом бору,
В березовой роще,
Где так многогранно желание жить,
Мне, сильному, только добрей и проще
И человечней хочется быть.
Мы видим не все со своей горы,
Чудес неоткрытых еще немало.
Боюсь, чтоб кичливость не помешала
Нам постигать иные миры.

Мысль поэта удивительно глубока. Мир животных издревле стыкуется с миром людей и потому на протяжении всей истории является объектом наше-

го пристального внимания и осмысления. Животные неизменно входят в круг человеческих интересов, удовлетворяя самые важные потребности человека: они помогали в труде, употреблялись в пищу, использовались для производства одежды, оружия, бытовых вещей. Они как будто бы чужие, далекие, а в то же время близкие, нередко — друзья. В наше время, отмечают социологи и психологи, отношение к домашним животным иногда оказывается более любовным и бережным, чем к близким людям. Но это уже прискорбно.

Люди и животные — единственные известные на сегодня одушевленные особи на Земле. Существование разумных плазмоидов пока наукой не доказано, хотя и подозревается. Но плазмоиды вряд ли способны возбудить к себе любовь. Человек всегда ощущал свою глубинную близость к животному миру, ко всем живым существам, включая не только естественные, функциональные связи с ними, но и связи собственно души, разума, духа. Где-то в истоках бытия все Божьи создания, в том числе homo sapiens, очень близки между собой. Наша связь — именно по истоку жизни, по одушевленности, по общности судьбы. Да и генетика подтверждает: у всего живого на Земле — единый генетический код.

Человек в общении с животными, в своем стремлении понять живое существо в конце концов начинал лучше понимать и самого себя. Через описание или изображение животных он психологически «овладевал» ими и миром в целом.

На протяжении последних столетий связи человека с природой, особенно со звериным царством, в значительной степени ослабли, чем и был озабочен поэт А. Яшин. Возвращение к мифологическому наследию (а в мифологии такие связи ощущаются особенно явственно), возможно, поможет нам, людям, углубиться в недра жизни, в собственную природу, найти смысл существования, увидеть себя частью мирового целого. Тем более, что в XX—XXI стст. были не только потери в наших отношениях с животными, но и значительные приобретения. Мы стали понимать, что звери живут не только инстинктами.

Заслуга русского физиолога Ивана Павлова в изучении животных огромна, но необходимо иметь в виду, что он делал опыты над особями, от рождения вырванными из привычного окружения, не имеющими опыта выживания в природе. И в таком случае исследования академика не могли объективно рассказать о действительном разуме тех же собак. А разум животных часто просто поражает — особенно тех, кто живет рядом с человеком. Сегодня мы понимаем, что и животные владеют своеобразным интеллектом (причем они все больше умнеют), а тем более чувствами. Их чувства часто даже более возвышенны, чем человеческие, как ни парадоксально это звучит. И хотя о животном мире написаны тысячи книг, мы его мало знаем. Видимо, потому, что смотрим на животных как бы с высоты ощущения своего величия, не делаем попытки понять их и забываем простую вещь: никогда бы человек не приручил ни одно существо, если бы оно не захотело этого само.

Беда и в том, что мы плохо помним собственную человеческую культуру, поскольку наши предки свои представления о животных — справедливые или не совсем — отразили все же очень широко, в огромном количестве форм: в мифах, искусстве, законодательстве, философии, науке. Изменение отношения общества к животным — с практического на более сердечное — произошло как раз во многом благодаря искусству; особенно велика тут роль художественной литературы, созданной на протяжении последних двух столетий.

Ищем истину в сравнении

Один из самых известных филологов второй половины XX века Дмитрий Лихачев говорил, что величайшим достижением XXI века будет расшифровка мифов. А поскольку сказки основаны на мифах, то и сказок. Не думаю, что это произойдет скоро, но полагаю, что сравнение сказок разных народов позволит хотя бы немного приблизиться к истине.

Сказки любого народа воплощают в себе идеал прекрасного, представления о добре и зле, нравственные ценности. Корпус сказок той или иной страны в наибольшей степени характеризует эту страну, но не в смысле конкретных географических и исторических реалий, а в смысле представлений странообразующего этноса о высшей справедливости и наилучшем устроении общества. То есть сказка, прежде всего, — народная мечта. Тем не менее исследователей фольклора не оставляет стремление понять онтологические истоки сказочного творчества, определить генезис конкретных сюжетов. Такого рода анализ имеет смысл вести на основе типологического сравнения сказок разных народов. В данном случае предмет разбора — сказки восточные и европейские. Широкий охват обусловлен древностью сказок, потому чем шире масштаб рассмотрения, тем вернее возможность найти в образах и ситуациях некую *изначальную основу*.

Вообще же поиск прошлого единства — языкового либо мифологически-магического — может сыграть самую положительную роль в формировании современного гуманистического мировоззрения, укреплении доверия и дружбы между народами разных, часто очень далеких друг от друга, регионов.

Китайские сказки не раз переводились на русский язык и многократно издавались. Причем в сборники включаются преимущественно те произведения, которые в наибольшей степени демонстрируют уникальность, неповторимость, оригинальность фольклорного творчества китайского народа. Тем не менее в отдельных случаях замечаются черты сходства некоторых китайских сказок с европейскими. Иногда это сходство поразительное.

Так, сюжет сказки «Властелин гранатового дерева» следующий. В сад бедняка Амтака повадился лис, который уничтожал урожай. Крестьянину удалось поймать лиса, и за свободу тот обещал человеку служить. Причем служба распространялась так далеко, что хитрый лис добыл хозяину имущество и жену-принцессу, обманывая короля относительно огромного богатства и влияния Амтака. Например, лис предложил крестьянину раздеться и войти в реку, а королю сообщил, что быстрое течение реки якобы смыло сорок верблюдов, на которых везли подарки монарху от их господина, сам же он чуть не утонул. Король приказал принести Амтаку богатые одежды, а затем и женил бедняка на своей дочери. И далее лис не допускал возможности разоблачить хозяина, продолжая усиленно работать на его имидж богача.

Фабула удивительным образом напоминает одну из самых известных сказок европейцев, записанную братьями Гримм, — «Кот в сапогах». Только в европейских вариантах невероятно хитрое и мудрое животное — домашнее, доставшееся герою в наследство, и по этой причине мотивация его поступков, искреннее желание помочь хозяину более понятны, чем в сказке китайской. При том, что кот вообще действует в немалом количестве сказок о животных, в том числе сказок белорусских и русских. В этих произведениях практически всегда кот умен, хитер, изворотлив, побеждает недоброжелателей в любых ситуациях.

То есть можно предположить, что одомашненный кот в европейском регионе заменил собою лиса — традиционного фольклорного, наиболее популярного персонажа народов Востока — китайцев, корейцев, японцев. С этой точки зрения получается, что европейские сказки возникли позднее, чем восточные, после широкого распространения домашних кошек в быту (это произошло, по официальным сведениям, где-то в VIII в. н. э.), а сюжет, возможно, принесен в Европу восточными торговцами по Великому Шелковому пути.

Однако не все так просто. Ведь и в европейских сказках, в частности славянских, лиса также — самый популярный из животного мира персонаж. Кот же по значимости — на втором месте. Молодая белорусская исследовательница С. В. Шамякина, рассуждая о причинах широкого бытования сказок с этими действующими лицами, предполагает, что на определенном этапе кот заменил собою тотем некоторых племен — рысь. И сегодня рысь — совсем не редкость в белорусских лесах. Продолжая эту мысль, можно утверждать, что кошачьи — лев, рысь, леопард, видимо, наиболее широко распространенные тотемы у индоев-

ропейских народов. Впрочем, и у индейцев Америки ягуар, пума — главные тотемы. Их значимость настолько велика, что столица древних инков город Куско (Перу) спланирован в виде огромной фигуры пумы.

Таким образом, представители семейства кошачьих явно имели не меньшее значение, чем лиса. Хотя сказок о лисе сохранилось больше. Причины этого неясны. Возможно, дело всего лишь в количественном факторе: лисы в лесах распространены все же шире, чем разные виды кошек, тем более, если учесть и северных песцов, близких по физиологии к лисам. Так, в русском варианте данного сюжета — сказке «Кузьма Скоробогатый» — действует снова-таки лиса.

Суть сказки в следующем. У бедного крестьянина Кузьмы лиса повадилась красть кур. Пойманная с поличным, обещала человеку служить. Обманом завлекла во дворец царя «сорок сороков» волков, медведей, соболей, куниц — и все от имени Кузьмы, якобы богача. Совершенно так же, как в китайском и европейском варианте, Кузьма оказывается без одежды в реке. Затем женится на царевне. А когда царь с дочкой и зятем отправились посетить имение Кузьмы, лиса завела их во дворец царя Змиулана, которого хитростью принудила спрятаться, что позволило незваным гостям распоряжаться имуществом хозяина. А затем Змиулана — явно дракона (в европейском варианте — людоеда) — и вообще убили. То есть лиса за курочек заплатила Кузьме богатством и женитьбой на царской дочери.

Вообще же лиса и кот — не только умны, но и по характерам несколько схожи — игривы, задорны, что могло оказаться немаловажным в том случае, если сказки о животных использовались в целях *дидактически-образовательных* — учили детей поискам выходов из самых разных жизненных ситуаций.

Вывод относительно данных сказок, думаю, такой: скорее всего, здесь вряд ли имело место заимствование, а сказки «Кот в сапогах», «Властелин гранатового дерева», «Кузьма Скоробогатый» созданы на основе общего, чрезвычайно древнего источника, в котором речь не шла о богатстве и статусе, а о женитьбе с задействованными в ритуале тотемными животными.

Мысль о прасюжете невольно возникает при сравнении японской сказки «Земляника под снегом» и русской «12 месяцев», известной нам по замечательному пересказу советского поэта Самуила Маршака. В японской сказке злая мачеха посылает падчерицу зимой за земляникой, но не для королевы, а для себя. Старик-волшебник (явный японский Дед Мороз) помогает бедной девушке, а злую мачеху и ее дочь превращает в лис (в русской сказке — в собак). Некогда единый евразийский сюжет в Японии обеднен, так как слишком уж далеки Японские острова от общего источника мифологическо-сказочных фабул.

Зато чрезвычайно богата их разработка в индийских литературных эпосах «Махабхарата» и «Рамаяна». В них можно встретить буквально тысячи мотивов и образов, известных нам по европейским сказкам. И хотя создание эпосов западные исследователи относят ко II—I тыс. до н. э., эти грандиозные по объему произведения, безусловно, намного старше, а в указанный период всего лишь принесены на территорию Индии продвигающимися по ней ариями.

От понятия «арий», «ариец» мы не должны отказываться только лишь по той причине, что немцы-нацисты объявили себя арийцами. Ведь многие народы в своем движении с севера России на юг Азии называли себя «ариями» — это зафиксировано в письменных источниках, стало быть, термин научный. Влияние арийцев прослеживается не только в Индии и Иране, но и в других странах, в том числе на востоке Евразии.

Корейская сказка «Кхончхи и Пхатчхи» соединяет в себе европейскую «Золушку» (здесь девушка также теряет расшитую туфельку, по которой принц ищет невесту) и русскую «Крошечку-Хаврошечку». Несчастной падчерице, угнетаемой мачехой, помогает черная корова — дух ее умершей матери.

Лаосская сказка «Добрый Кхампха» вся строится на сотрудничестве людей и животных. Бедный парень вызволяет из ловушек разных зверей, вплоть до слона, который дарит ему свой бивень. В бивне живет фея, которая становится женой героя. Однако прекрасную жену пожелал отнять злой король (сюжет, известный и

в славянских сказках). От постоянных агрессивных акций властей Кхампха обороняют спасенные им животные. Более того, их побуждения и действия — благодарности, самопожертвования — становятся примером и для людей.

Многие восточные сказки включают отдельные эпизоды, знакомые по европейским сказкам. Так, в чрезвычайно сложно сюжетно разработанной сказке «Девушка-павлин» бог вод в виде черной рыбы был освобожден из сетей героем, за что последний получил возможность реализовывать свои желания.

Рыба в фольклоре — более редкий персонаж по сравнению, скажем, с птицей, но тем не менее в мировой мифологии встречаются чрезвычайно интересные образы рыб и морских существ. Так, бог-рыба в индийской мифологии спас первочеловека Ману, аналога Ноя, во время Всемирного потопа. Бог в виде человека-рыбы Оаннес в шумерской мифологии дал людям все культурные блага, обучил сельскому хозяйству, ремеслам, строительству, астрономии. В европейских сказках рыба (то ли золотая, видимо, карп, то ли щука) исполняет желания того, кто дарует ей свободу. Присутствие такого же персонажа в китайской сказке «Девушка-павлин» указывает на происхождение сказки из мифа о первопредке — культурном герое, где как раз рыба, вернее, бог-рыба, и является первопредком.

В этой же сказке девушка-павлин, купаясь в озере, сбрасывает, как и ее сестры, на берегу перья. Мотив девушек-уточек, девушек-лебедей чрезвычайно распространен в славянских сказках (Царевна-лебедь у А. Пушкина) и восходит к космологическим мифам, в которых создателями мира выступают водоплавающие птицы — утка, селезень, гагара, гусь как существа, связанные и с землей, и с водной средой, и с воздухом, то есть с основными первоэлементами сущего.

Причем философский смысл китайской и подобных ей славянских сказок состоит, как мне кажется, в утверждении идеи о сложности взаимной любви и соединения в семейном союзе представителей разных миров. Хотя это как раз то, что в тотемистических мифах еще представлялось реальным. Впрочем, такое соединение остается желанным и на новом этапе развития сознания. Поскольку девушка-павлин, или девушка-уточка, или царевна-лягушка — это и есть представители иного мира, различным антагонистам главных героев (в китайской сказке — злому министру) оказывается легко обвинить героиню в колдовстве. Мотив наговора на царицу использует и А. С. Пушкин в известнейшей «Сказке о царе Салтане». Но это уже, безусловно, позднейший в фольклоре исторический пласт.

Сказок об оклеветанных или по иной драматической причине покинувших своих мужей необыкновенных героинях достаточно много как на востоке, так и на западе Евразии. Сюжет об их исчезновении и поиске — один из самых архетипических. Как известно, чаще всего исследователи видят в данном сюжете календарный исток: героиня (скажем, в греческом мифе Персефона, украденная Аидом) воплощает собой уходящее лето. Правда, в немалом числе мифологических систем встречается и мужская ипостась летнего божества — Осирис, Думузи, Адонис, Ярило. В этих случаях богов ищут любящие женщины — вспомним русскую сказку «Финист Ясный Сокол». В любом случае это наиболее распространенный сюжет, где животные и птицы задействованы обязательно и многоаспектно.

Иногда путешественник-человек остается в чудесном царстве, то есть в некой запредельной реальности. Так произошло с Данилой-мастером в уральских сказах Павла Бажова, созданных исключительно по фольклорным источникам. Инфернальная сущность, часто в виде ящерицы или змеи, — Хозяйка Медной Горы, олицетворение власти над земными недрами, влюбившись в талантливого человека, оставляет его у себя внутри горы, делая при этом несчастным. Но то же самое случается и с каменотесом Ваном в китайской сказке «Сад нефритовой феи»: по воле своей любимой — феи наиболее ценимого в Китае камня нефрита — он пропадает внутри горы, Обители бессмертных. Союз мужчины с богиней, символизирующей земные недра, — это, как мне видится, воплощение идеи о связи людей с окружающим ландшафтом, нерасторжимом единстве человека и природы.

Еще более сложна философия тибетской сказки «Правитель и маг», а сюжет весьма специфичен — он о маге, способном погрузить любого человека в иллюзию, которая не приносит постоянного счастья, а дает лишь временное забытье. Идея произведения восходит к древней философии брахманизма, усвоенной и буддизмом, — о майе-иллюзии, которая и есть мир. Майя «означает, что нечто — реальность — существует, но мы воспринимаем и видим ее неверно, в ложных формах» (А. Грицанов). Эта идея, актуализированная в XX—XXI вв., часто обыгрывалась в американских, европейских и советских кинофильмах-сказках и фэнтези. Но в принципе она не была широко распространена в европейской философии. Однако в упомянутой китайской сказке встречается и другая основополагающая идея — в виде очень древнего и важного образа дерева, «ветви которого с плодами находятся в небесах, а корни — в подземном мире». Это редкий случай *прямого* изображения в сказке Мирового (Космического) Древа, самой важной мифологемы в развитых мифологиях мира. В европейских сказках она угадывается в своих *ипостасях:* яблони с молодильными яблоками или чаще дуба, где сохраняется сундук со смертью Кощея, либо «дуба зеленого» у Лукоморья, как бы «вмещающего» в себя все мифологические образы и сюжеты. Вообще же данная мифологема — символическое представление о Мировой Оси.

Таким образом, в китайских сказках мифологическая основа иногда более обнажена, чем в сказках европейских, где она скрыта под многочисленными историческими и культурными наслоениями. Европейский мир более динамичен и изменчив, потому бывает сложно вскрывать многочисленные исторические пласты фольклорных произведений. Восточная цивилизация более стабильна, традиционна — вплоть до XX века, — потому здесь легче отыскивается древняя подоснова, которая, впрочем, не перестает быть таинственной.

В китайской сказке «Волшебная парча» используется сюжет, известный по очень многим европейским сказкам, — о путешествии героя по просьбе старых родителей за некими волшебными вещами. В славянских сказках это обычно живая вода или молодильные яблоки. В китайской сказке сын отправляется по свету искать парчу с изображением райской страны, вытканной его матерью. Причем двое старших братьев не выдержали испытания сложной дорогой, соблазнились богатством и отказались от поиска, и лишь младший прошел через все тяготы пути. Кроме этого мотива есть в сказке персонаж, который роднит китайскую сказку с очень многими славянскими, — лошадь. В принципе лошадь не часто встречается в китайском фольклоре. Но в данном случае без ее помощи, как и в европейских сказках, невозможно преодолеть невообразимые для человека препятствия, например, огненную гору. Лошадь здесь, как и в сказках индоевропейцев, выступает посредником между мирами. А сказка в целом, безусловно, является переосмыслением солярного, шире — космогонического мифа: чудесная парча в ней символизирует, как представляется, собственно космос, скорее, то измерение, куда попадают души человеческие после смерти. Посредниками между разными измерениями в сказках очень часто выступают животные, вернее, духи предков в виде животных.

Любое путешествие в сказке, как доказал Владимир Пропп, — путешествие «на тот свет». В китайских сказках эта основа более явственна, поскольку «в основе китайских духовных учений лежала и лежит не стройная, четко выстроенная религия (или религии) с постулатами и догматами, но особый вид медиумизма — прямого, непосредственного общения с духами» (А. Маслов). Именно мир духов, и соответственно, место, где они обитают, — по настоящему волновали древних китайцев, как и другие восточные народы, что и нашло отражение в сказочном творчестве. Видимо, то же можно сказать о сказках европейцев. Однако конкретные фактуры сказок разных народов отличны друг от друга. При этом во многих произведениях можно вычленить мифологическую основу, и это становится важным подспорьем для изучения этапов становления человеческого сознания.

Искусство суждения

Ирина БОЖОК

Эссе: (не)свободный жанр

Настоящих эссе мало. Нередко бывает так: это коротенькое слово «отвечает» за все тексты, которые ни авторы, ни издатели не знают как назвать. Эссе — это жанр, с этим практически никто не спорит, но почему-то художественное, критическое (и журналистское) или «рабочее» (при поступлении в вуз, на работу и т. п.) эссе считаются абсолютно разными вещами, никто даже сопоставлять их не берется. Все дело в недостатке исследователей? Или в невозможности создания универсальной теории жанра? Видимо, последняя помогла бы определиться и поспособствовала бы развитию эссе. В статье речь пойдет не столько о теории, сколько о сущности эссе и его авторах, о парадоксах истории и парадоксах текста, и о произведениях (к сожалению, далеко не обо всех), которые соответствуют этому жанру.

Возникновение эссеистики существенно отличается от зарождения других литературных жанров. Само появление эссе парадоксально. Древнегреческий философ Плутарх записал беседы опьяненных вином мужчин и решил, что они достойны всеобщего внимания. Японская фрейлина Сэй Сёнагон развлекла читателей подслушанными разговорами из жизни императорской семьи. А французский философ М. Монтень оставил свои мысли на бумаге, чтобы все помнили не только его образ, но и знали о его внутреннем мире.

Очевидно, что неоднозначность и парадоксальность возникновения жанра наложили отпечаток на всю историю его развития. Именно поэтому в современном литературоведении остаются открытыми проблемные вопросы отнесения того или иного произведения к жанру эссе.

Говоря об историческом становлении каждого жанра, стоит отметить, что это процесс долгий, постепенный. «Отцом» очередного нового жанра принято считать того, кто создал произведение типичной формы.

Родоначальником жанра эссе считается французский писатель-философ Мишель де Монтень, который в 1580 году издал «Essai» («Опыты»). Естественно, что «Опыты» — «произведение, породившее жанр эссе, но само по себе уникальное в жанровом отношении». Что же касается теоретических аспектов жанра, то некоторые исследователи художественной публицистики в качестве образца древнего эссе приводят библейскую Книгу Экклезиаста. По содержанию, форме и функциональности эту книгу действительно можно назвать эссеистической.

Однако уже в I веке, в самом начале тысячелетия древнегреческий философ Плутарх создал две книги, которые могут претендовать на первенство в зарождении эссеистики. Плутарх не был оригинальным писателем, он собирал и обрабатывал то, что другие мыслители написали до него. Но форма и традиция записи текстов многие столетия влияли на развитие литературного творчества. В своих собраниях «Пир семи мудрецов» и «Застольные записки» Плутарх попытался максимально точно передать разговоры древних философов. По тому или иному вопросу писатель делился и своими собственными мыслями.

О чем говорят мужчины? Вопрос весьма интересный и даже актуальный. Не так давно вышел одноименный фильм, который пользуется невероятной популярностью. Тематика древних бесед мало отличается от современных: женщины, серебро, болтливость, любопытство, любовь, суеверия и пр. В одном из споров мудрецы решают вопрос о том, стоит или нет молодому человеку жениться на красивой вдове, которая старше и опытнее его. Мысли древних мудрецов актуальны и сегодня: «<…> подобно тому, как влагаемое в нас природой влечение к хлебу и другой пище ограничено мерой достаточности, а излишество в этом получает название обжорства или чревоугодия, так женщина и мужчина от природы нуждаются в даваемом ими друг другу удовлетворении». И дальше: «Ведущее к этому влечение достигает такой силы, что становится яростным и неудержимым, <…> а желания, устремленные на женщину, в лучшем случае завершаются преходящим телесным наслаждением».

Произведения Плутарха состоят из множества небольших эссеистических рассуждений различных авторов. Например, Фалеса: «Можно ли сказать, что время всего старше? Ведь время есть и прошедшее, и настоящее, и будущее; и то время, которое для нас будущее, несомненно моложе нынешних и людей, и предметов».

В X веке, на другом конце света, в Японии возник похожий на эссе жанр. Фрейлина императорской свиты Сэй Сёнагон написала книгу «Записки у изголовья». На страницах этого произведения отразилось эстетическое мировосприятие современной ей эпохи. Сэй Сёнагон делилась своими мыслями и наблюдениями над дворцовыми событиями.

Кроме того, автор «Записок у изголовья» является тонким психологом и мудрым философом. Она сумела точно ответить на многие вопросы: «Что вселяет уверенность?», «Что человек обычно не замечает?», «Что утратило цену?» и т. п. В размышлении о «Самом печальном на свете» Сэй Сёнагон замечает, что хуже всего — это знать, что люди не любят тебя. А «самая высшая радость в этом мире — это когда тебя любят и твои родители, и твои господа, и все окружающие люди». Интересен взгляд японки и на мужчин: «Мужчины, что ни говори, странные существа. Прихоти их необъяснимы. Вдруг один, к всеобщему удивлению, бросит красавицу жену ради дурнушки...», автор также приводит пример хладнокровия мужчины по отношению к влюбленной женщине. Все эти древние рассуждения из далекой нам страны актуальны и в современном мире.

Нельзя не заметить, что история возникновения «Пира семи мудрецов», «Застольных записок», «Опытов» и «Записок у изголовья» «говорит о том, что основой, причиной или толчком к появлению такой литературной формы, как эссе, послужило некое «жизненное содержание», сходная общественная (и личная) потребность, общая для таких несхожих культур, как западная и дальневосточная» (А. Дмитровский).

Приметы эссеистического жанра в белорусской письменности появились в XII веке. И это скорее закономерность, а не случайность. Наиболее благоприятными условиями для выражения личного мнения автора следует считать произведения полемической литературы. Так, литературовед и переводчик древней литературы И. Саверченко «первым полемическим трактатом в белорусской литературе» считает произведение митрополита Георгия под названием «Спрэчка з лацінай: 27 абвінавачанняў».

К жанру эссе примыкает научно-популярное произведение К. Транквилиона-Ставровецкого «Люстра багаслоўя», напечатанное в 1618 году и, по мнению современных литературоведов, относящееся к «философско-публицистическому трактату». Однако содержание произведения значительно шире, оно выходит за рамки приведенного определения, так как содержит научные выводы. «Люстра багаслоўя» стало качественно новым явлением в идейной палитре древней белорусской литературы. Именно с этого произведения началось постепенное

избавление от провиденциализма (представление обо всех вещах и явлениях как о результате предначертанности Божьей), что существенно повлияло на возможность писателей открыто выражать собственное мнение.

Всемирно известные «Опыты» М. Монтеня были написаны в эпоху Возрождения. Это время активного познания Вселенной и человека. В основе эссе — индивидуализация восприятия. В предисловии «К читателю» автор представляет публике самого себя, раскрывает и узнает собственное «Я»: «Но я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо, а себя самого. Мои недостатки предстанут здесь как живые, и весь облик мой таким, каков он в действительности, насколько, разумеется, это совместимо с моим уважением к публике. Если бы я жил между тех племен, которые, как говорят, и по сей час еще наслаждаются сладостной свободою изначальных законов природы, уверяю тебя, читатель, я с величайшей охотою нарисовал бы себя во весь рост, и притом нагишом. Таким образом, содержание моей книги — я сам <…>». С этого времени особенностями эссе становятся самоанализ, рефлексия.

На протяжении всей своей книги М. Монтень неоднократно обращается к объяснению и оправданию своей затеи: «Так писали о себе всего лишь два или три древних автора, да и то, не зная о них ничего, кроме их имен, не берусь утверждать, что они писали совершенно в таком духе, как и я. С тех пор никто не шел по их стопам. И неудивительно, ибо прослеживать извилистые тропы нашего духа, проникать в темные глубины его, подмечать те или иные из бесчисленных его малейших движений — дело весьма нелегкое, гораздо более трудное, чем может показаться с первого взгляда. Это занятие новое и необычное, отвлекающее нас от повседневных житейских занятий, от наиболее общепринятых дел. Вот уже несколько лет, как все мои мысли устремлены на меня самого, как я изучаю и проверяю только себя, а если я и изучаю что-нибудь другое, то лишь для того, чтобы неожиданно в какой-то момент приложить это к себе или, вернее, вложить в себя».

В искусстве XVI века произошла коренная смена в создании художественного образа, литературный герой из «прошлого» перешел в «нынешнее». Была разрушена большая дистанция между автором и читателем. В эссеистике открытость между автором и читателем стала жанровым принципом. «Это искренняя книга, читатель. Она с самого начала предуведомляет тебя, что я не ставил себе никаких иных целей, кроме семейных и частных. Я нисколько не помышлял ни о твоей пользе, ни о своей славе. Силы мои недостаточны для подобной задачи,» — так честно и откровенно начинает свои записи М. Монтень. Автор пытается найти новую форму разговора с читателем, стремится нарушить традиционные каноны и правила. Через века жанр сохранил тот же способ достижения своей цели — при помощи прямого авторского выражения, без создания вымышленных героев, фальшивых событий или выстроенного сюжета.

Объяснение дает и Плутарх в своих «Застольных записках»: «<…> забывать огулом все, что говорилось за вином, не только противоречит дружескому сближению участников застолья, но отвергается примером знаменитейших философов — Платона, Ксенофонта, Аристотеля, Спевсиппа, Эпикура, Притана, Иеронима, Диона Академика: все они сочли достойным труда записать речи, которые велись в симпосиях. Ты высказал мнение, что и нам следует собрать все заслуживающее этого из наших собеседований, происходивших и у вас в Риме, и у нас в Греции за обеденным столом и за кубком». Хотя Плутарх и не был первым в отражении в тексте авторского «я», но говоря о том, что и другие записывали, и друг его считает нужным записать, писатель явно и сам подразумевает необходимость записи мыслей.

Косвенно выраженную цель записей Плутарха можно найти в седьмой книге «Застольных записок», где писатель рассуждает о необходимости достойных

и полезных бесед за столом. «Мы же приучили себя к таким речам, которым открыт выход куда угодно», — говорит Плутарх.

В послесловии «Записок у изголовья» Сэй Сёнагон также не ориентируется на строгие литературные каноны: «Ведь я пишу для собственного удовольствия все, что безотчетно приходит мне в голову. Разве могут мои небрежные наброски выдержать сравнение с настоящими книгами, написанными по всем правилам искусства? И все же нашлись благосклонные читатели, которые говорили мне: «Это прекрасно!» Я была изумлена».

Сэй Сёнагон ставит перед собой цель поделиться своими чувствами и наблюдениями: «Это книга замет обо всем, что прошло перед моими глазами и волновало мое сердце»; М. Монтень центральным «героем» называет самого себя, «следы моего характера и моих мыслей». Свою роль в нюансах выражения мысли играет и гендерный фактор, но суть эссеистики становится неизменной.

Тем не менее, в русской литературе встречаются произведения, подобные «Запискам у изголовья». Это «Календарь природы», «Глаза земли» М. Пришвина, «Итальянские записи», «Один на один с осенью» К. Паустовского. В белорусской литературе близкие по форме и содержанию «Абразкі» Зм. Бядули. М. Пришвин, например, в поисках новой формы выражения мыслей избрал собственный очерк, но замечал: «Мы будем понимать под очерком особенное, специфическое отношение автора к своему материалу как в смысле подчинения ему, так и, скажем, оволения». Главное здесь «отношение автора» и «оволение», что очень близко к законам эссеистического жанра. Последние произведения К. Паустовского критики называют «метапрозой» или «художественной эссеистикой», в то время как сам писатель в письме к М. А. Келлерману писал: «Это новое, на мой взгляд, заключается во внутренней свободе названных рассказов, не связанных ни сюжетом, ни той или иной обязательной композицией <…>. Как определить жанр тех вещей, о которых я упомяну? Не знаю. Это — не рассказы в точном смысле слова, не очерки и не статьи. Это — не стихотворения в прозе. Это — записи размышлений, простой разговор с друзьями».

Это верно, что автор интересен только тогда, когда знает больше, чем читатель. Ведь создателями лучших эссе являются лица образованные и умные, разносторонне развитые и эрудированные. Например, М. Монтень получил превосходное домашнее образование, затем окончил колледж и стал юристом; известный белорусский эссеист И. Абдиралович получил несколько высших образований — техническое и филологическое.

За долгое время своего существования эссе почти не изменилось. Несмотря на незначительные формальные изменения, содержанием эссе остается личность писателя, а точнее — впечатления и раздумья автора, результат личного самоанализа. Эссе имеет собственный особый метод, способ объединения формы и содержания, который «предопределен личным мифом автора, его индивидуально-мифологической картиной мира, самой структурой личностного существования». В своей философско-публицистической статье о «ни к чему не подобном» жанре эссе А. Эльяшевич утверждает, что «в основу эссеистической структуры всегда заложена какая-то драма. Нет эссе без явной или сокровенной полемики с миром, без непринятия его отвратительных сторон, без апелляции к высшей справедливости и правды».

За время своего становления от древних времен, от «Опытов» М. Монтеня до современности жанр эссе стал более парадоксальным. Уже в начале XX столетия парадокс (мысль, мнение, которое резко расходится с общепринятыми взглядами, противоречит, на первый взгляд, смыслу) становится обязательным атрибутом жанра. Со временем практически исчезли примеры из истории и были заменены на философские универсалии, да и самих примеров стало значительно меньше, что в свою очередь поспособствовало уменьшению размера произведений. Благодаря своей эрудиции М. Монтень сочинял свои тексты почти полностью из

примеров исторических событий, в свою очередь читатель получает целостный продукт и делает соответствующие выводы. Именно в выборе примеров и проявляются эссеистический замысел и суть личности автора. Так, в эссе «О том, как ценой жизни убегают от наслаждений» автор приводит тезисы насчет ценности жизни, которые вызывают условного читателя на спор, а затем подает пример из истории, когда один епископ навлек смерть на свою дочь, чтобы лишить ее наслаждения и искушений, а потом помолился и о смерти жены, чтобы та не скучала в этом мире. М. Монтень не дает никаких комментариев, оставляя читателя в раздумьях. Примерно таково и современное эссе.

Скорее всего, выводы относительно структуры эссе вызовут дискуссии и будут приняты неоднозначно. Так, эссе М. Монтеня состоит из следующих элементов: собственного мнения или тезиса (который близок к парадоксу), примеров, утверждения общественного поведения на рассматриваемую тему и редко — вывода. Несмотря на внешнюю свободу формы, современное эссе почти всегда имеет логическую, продуманную структуру. Так, можно выделить пять основных элементов, из которых должно состоять эссе: введение, три части и заключение. Введение содержит мини-схему для всего эссе, автор привлекает внимание читателя; часто тезис, высказанный во введении, является парадоксальным, шокирует читателя, вызывает его на внутренний диалог с автором. В первой части эссе высказывается самый сильный аргумент, самый яркий пример или иллюстрация. Вторая часть обычно наполнена множеством примеров, доказательств авторского аргумента. Задача третьей части — показать обратную сторону тезиса также положительно, чтобы у читателя не осталось вариантов для опровержения основной мысли эссе. В заключении автор обобщает материал, формулирует тезис, заявленный во введении, только уже в публицистическом стиле, заставляя тем самым читателя согласиться с высказыванием, поверить в его правильность.

Эссе — интересный и впечатляющий жанр, это своеобразная игра мыслей автора и условного читателя, в котором писатель стремится убедить в своей правде.

Таким образом, зарождение жанра эссе происходило с древних времен. Эссеистическими можно назвать библейскую Книгу Экклезиаста, «Пир семи мудрецов», «Застольные записки» Плутарха, «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон. Почти окончательное оформление жанровых черт произошло в творчестве французского философа М. Монтеня. В «Опытах» ярко проявилось содержание эссе — «я сам» (М. Монтень); закрепился небольшой размер произведений; определились структурные элементы, которые в дальнейшем незначительно видоизменились; выделился принцип жизненности и основной метод объединения формы и содержания, который основан на личном мифе автора.

Интересно, что вышеуказанные произведения не имели взаимовлияния, но им присущи подобные жанровые черты. Значит, возникновение эссе в художественной литературе абсолютно закономерно.

Дальнейшее развитие эссеистики носит спорадический характер. Белорусская эссеистика во всем — явление парадоксальное.

Философское эссе Игната Кончевского (Абдираловича) «Адвечным шляхам» (1921 г., написано более чем через 300 лет после знаменитых «Опытов» М. Монтеня) является первым белорусским произведением, созданным в жанре эссе. На момент издания книги автору было всего 25 лет (парадоксальный факт для эссеистики 1920-х годов, так как к жанру эссе писатели обращаются обычно в значительно старшем возрасте, делятся своим опытом). Эссе было написано в период переоценки ценностей, активного формирования национальной идентичности, поэтому стало важным этапным словом в становлении историко-культурологических традиций.

Второе издание эссе «Адвечным шляхам» было напечатано только через 68 лет после первого, в 1989 г., затем — в 1990 г. Очевидно, что судьба книги

незавидная и — парадоксальная. Белорусская литература на протяжении почти 70 лет была лишена знакового произведения нашенивского периода. Сильное в идейном плане, высокоинтеллектуальное произведение не имело возможности воздействовать на становление жанра эссе и на развитие всей белорусской литературы. Потенциал эссе И. Абдираловича очень большой. Так, уже после первого издания в 1924 г. вышло эссе В. Самойлы (Сулимы) «Сим победиши!..», написанное под очевидным воздействием эссе «Адвечным шляхам». Возобновленное издание эссе И. Абдираловича после 1989 г. и по сегодняшний день продолжает существенно воздействовать на эссеистическую традицию (И. Бобков, «Каралеўства Беларусь», В. Акудович, «Віртуальная Беларусь», В. Козько, «Дзікае паляванне ліхалецця», М. Мартысевич, «Бег, альбо Нацыя эмігрантаў» и др.).

В своем интервью за 2010 г. литературовед и писатель П. Васюченко назвал эссе «Адвечным шляхам» книгой, которая играет судьбоносную роль в формировании белорусской нации. Мы наблюдаем один из распространенных парадоксов в истории белорусской литературы: книга, которая имеет ключевое значение в формировании национальной (и мировой) эссеистической традиции, в самый плодотворный период литературного творчества в Беларуси — XX в. — оставалась спрятанной в спецфондах и неизвестной.

Тем не менее, почти через столетие эссе И. Абдираловича остается актуальным произведением, переиздание которого напомнило писателям про мощный потенциал жанра эссе. Успешной реализации идеи текста И. Абдиралович достигает с помощью ряда языковых литературных приемов, стилистики, структуры, наполнения фактами и многого другого. В 2010 г. эссе И. Абдираловича было издано на немецком языке.

Вторым белорусским эссе стало произведение Владимира Самойлы (Сулимы) «Сим победиши!..», написанное в Вильне в 1923 г., изданное там же через год, в 1924 г. в «Заходняй Беларусі: зборніку грамадзскае мысьлі, навукі, літэратуры і мастацтва Зах. Беларусі». В 1992 г. произведение вышло в журнале «Нёман» в переводе на русский язык В. Конона. Парадоксально, но на сегодняшний день эссе на родном языке не переиздано.

Эссе Сулимы — серьезное и глубокое философское произведение. В нем нашли отражение идеи Фихте с его «философией свободы», библейская философия, теория Духа по Гегелю, рассуждения Канта про «абсолютное зло», схема «преступление — наказание» Ф. Достоевского и др.

Исторические события, связанные с перестройкой, кардинальными изменениями в национальном сознании, а также пограничья исторических времен парадоксально воздействуют на развитие литературы. Так, постоянное колебание — временное и пространственное (количественное и качественное) — стало идейной основой написания эссе И. Абдираловича «Адвечным шляхам». В дальнейшем эта проблема нашла свое отражение и в эссе Сулимы «Сим победиши!..». Если И. Кончевский предлагает найти свой серединный путь между Западом и Востоком, то В. Самойло предлагает следующее — заботиться о самобытности и работать на идею созидания собственно белорусского, ценного для сегодняшнего времени и будущего, а не на идею разрушения идеалов других людей.

Так Сулима видит один из оптимистических путей выхода из пограничного положения. Поэтому в эссе «Сим победиши!..» идея уравновешенности звучит с самого начала: «Добро и зло — что бы ни говорили крайние оптимисты и крайние пессимисты — как следует уравновешенно в нашем мире.

— В этом наилучшем из миров, — прибавят оптимисты.

— Среди наихудших, — скажут пессимисты».

Гуманистическая идея гармонии, сбалансированности, созидания является культуроцентрической в истории любого народа, если эта история не омрачена идеей анти-/псевдогуманистической.

В эссе Сулимы уникальным образом соединяются библейское и светское начала. Переводчик произведения на русский язык В. Конон видит в тексте аллюзию к евангельским афоризмам, которые стали девизом христианских подвижников, миссионеров, проповедников и просветителей. Поэтому название произведения на русском звучит как «Сим победиши!..». Как замечает В. Конон, «побеждает тот, кто несет крест свой, через страдания обретает духовность, творческий дар, преобразующий мир в добре, истине и красоте».

Закономерным явлением в белорусской эссеистике становится осмысление «национальной идеи» («нацыянальнае пытанне» — у И. Абдираловича, «русский вопрос» — у М. Бердяева). Сулима под национальной идеей понимает свободу, причем такой же национальной идеей, по мнению автора, охвачены все угнетенные и разделенные народы. «Не может быть никакого сомнения в том, — утверждает Сулима, — что идея национального освобождения, идея независимости народа, создания им для себя и из самого себя своего собственного государства — идея верная и справедливая». После 1930-х годов обращение к национальному вопросу в истории белорусской литературы трансформируется в тему патриотизма, и только в 1980-х, в творчестве В. Короткевича, а затем в 1990-х годах, в произведениях сообщества «Тутэйшыя», понятие национального вмещает в себя не только идеи 1920-х годов, но и дополняется атмосферой нового исторического периода.

Наверное, самое притягательное в творчестве В. Жилки — это парадоксальность. И прежде всего — в эссе.

Эссе В. Жилки характеризуются острой актуальностью, свободой, логичностью мысли. Это субъективные эссе, в которых, тем не менее, значительное место занимает система аргументированных, логических, неоспоримых доказательств: «Хто кажа, што ноч чорная? Ноч сіняя, як Мудрасць і Адвечнасць. Ноч мудрэй дня. Ноч — глыбіня. Кожная жанчына стае цяжарнаю ноччу. Мы ўсе пачатыя ўначы». Жанрообразующим фактором авторского эссе выступает парадокс. Свойственным элементом композиции эссе В. Жилки является довольно продолжительная (насколько позволяет размер) экспозиция, обязательно с провокационными тезисами, которые побуждают условного читателя к диалогу. Вывод обычно представлен философемой. В. Жилка путем переубеждения «навязывает» читателю авторскую версию, создавая иллюзию объективности.

Писатели с большим творческим потенциалом (К. Чорный, М. Горецкий, Я. Купала) к жанру эссе (как это ни парадоксально) не обращались. Советский период в истории этого жанра характеризуется публицистичностью и лиризмом произведений. В жанре эссе работали М. Стрельцов, М. Зарецкий, Я. Брыль и др. Первыми «новыми» эссеистическими пробами стали произведения В. Короткевича. Характерными чертами эссеистического наследия писателя являются парадоксальность, наличие дополнительного объекта, лирических отступлений, комментариев, цитирования. В текстах сильное субъективное начало, вместе с тем, эссе В. Короткевича масштабные по тематике и затрагивают общечеловеческие проблемы.

Эссе Р. Бородулина «Існасць» (1995 г.) — одно из наиболее совершенных в художественном отношении. Произведение относится к вопросу самоопределения нации, разработанному уже в первом белорусском эссе И. Абдираловичем. Объединяет два эссе и наличие подзаголовка. Р. Бородулин уточняет название фразой «Да абрысаў беларускай душы». Эссе доносит до читателя идею самобытности нации. Р. Бородулин в «Існасці» раскрывает суть белорусской души, которая воплощена, в первую очередь, в мифологии и языке: «Біяграфічныя звесткі душы народнае ў казках і ў песнях, у прыказках і прымаўках, у абрадах, у календары народным, у захаваным паганстве, дакладней, у жывучых рэштках ягоных».

Начиная с 1990-х годов в эссеистике остро поднимается вопрос национальной идентичности. Значимым событием в истории белорусской литературы стало

эссе В. Орлова «Незалежнасць — гэта…». Произведение было переведено более чем на 20 языков мира. Как справедливо отметил украинский писатель А. Ирванец, стиль эссе В. Орлова напоминает манифест.

Сильная национальная идея отражена и в современной украинской эссеистике. Примером может служить эссеистика Г. Водички («Анафема республіці», «Ворог не візьме наш гордий народ!», «Кордони раю», «Немовлята гриль», «Портрет грядущого Цезаря», «Селекція загрозою»).

Белорусская эссеистика сегодня переживает значительный подъем. Многие лучшие достижения современных литераторов отражены именно в жанре эссе. Только, как ни парадоксально, критики труды популярных белорусских эссеистов «примерами» жанра не считают.

Самый спорный вопрос возникает с философом Валентином Акудовичем. Все книги автора называют сборниками эссе, хотя многие литературоведы с этим не согласны. Наиболее полное представление о творчестве писателя дает книга «Прачнуцца ранкам у сваёй краіне» (2015), где собраны произведения разных лет. Например, термином «эссе» подписал свое произведение «Загадка Вінцэнта» В. Сивчиков. Название отсылает к «Загадцы Багдановіча» М. Стрельцова. Однако ни один, ни второй текст к жанру эссе не относятся. Книга А. Аркуша «Аскепкі вялікага малюнку», в которой (по словам издателя) собраны «основные концептуальные эссе», не содержит ни одного «признака» жанра. В ней есть статьи по истории и литературе, автобиографические записи, заметки — но все они не очень похожи на эссе. Это говорит о неизученности жанра, о недостатке теоретической базы, которая помогла бы выделить границы эссе и содействовать его развитию.

Калейдоскоп современной эссеистики пестрит разнообразными видами и формами жанра, эссе может быть единичным в творчестве писателя, а может составлять все его литературное наследие. Современные создатели художественного текста, отрицая жанровые классификации и теоретические исследования, специально указывают на то, что они создают. В результате в произведениях появляются фразы типа «просто запись мыслей».

В 2005 г. было издано эссе Ю. Патюпы «LATERNA MAGICA» (1996). В переводе с латинского — «Волшебный фонарь». В центре внимания автора — феномен любви. Эссе является примерным произведением для литературной традиции 1990-х, написано оно в стиле так называемой «шизолитературы». Это время в искусстве характеризуется синтетичностью, поэтому закономерным в эссеистике является обращение к научным данным, определениям. Здесь аналитичность сочетается с хаотичностью, а логичность трансформируется в парадоксальность.

Наряду с экспериментальными эссе в последнее десятилетие XX века появлялись и традиционные повествовательные примеры жанра. Самое знаменитое произведение — эго-эссе Л. Дранько-Мойсюка «Стомленасць Парыжам».

В 2007 г. вышла книга Л. Рублевской «Шыпшына для пані», которая представляет собой органичное сплетение стихотворений и эссе. В центре внимания автора — образ сада, аллюзия к библейскому раю, возвращение к первообразу. В контексте развития современной белорусской эссеистики «садовый» цикл Л. Рублевской является примером жанра «информационного эссе», характерными чертами которого являются максимальная информативность, спрятанный субъективизм, сильная концовка, немногочисленные, но нужные и направленные на реализацию основной идеи сентенции, отсутствие парадокса или философемы в начале текста. Отличие информационного эссе — в своеобразном осмыслении автором действительности: здесь философские взгляды выражаются через предметы и факты, которые эссеист выбирает для высказывания своих представлений.

Виктор Козько, писатель очень вдумчивый и серьезный, в 2009 г. издал книгу эссе и публицистики «Дзікае паляванне ліхалецця», в которой осмысляются

вопросы морали и национальной идентичности, а также развития белорусского общества. В. Козько — эссеист-аналитик, его произведения отличаются глубиной мысли и философичностью.

Эссеистика В. Козько особенная. Во всей истории развития жанра, пожалуй, больше не встречается такого тесного сплетения художественности и эссеизма, абсолютной неотделимости одного от другого. Этот факт впечатляет и подталкивает на более детальное рассмотрение произведений автора.

В документальном фильме «Знаки судьбы» В. Козько признается, что в своей книге «Дзікае паляванне ліхалецця» он пишет просто о себе, ему нравится и хочется писать. Почти то же звучит и во вступительном слове к неизданному трехтомнику: «Я пішу для сябе. І таму кожны мой радок — твой, чытач. Я спадзяюся на гэта і таму ніколі не перачытваю тое, што напісана мной, бо бачу сябе там распранутым. Гэта тваё — мой боль і мая радасць». Такие отношения к художественному творчеству и объясняют отсутствие центральной идеи, которая бы формировала концепцию книги. Скорее всего, подписывая произведения как «эссе» или «публицистику», автор и составители сборника решили указать на свободный характер повествования, реалистичность и гражданскую направленность написанного.

Не сдерживаемая жанровыми канонами наррация приобретает форму очерка, воспоминаний, слова и, безусловно, эссе. Масштабность последнего — одна из особенностей современной литературной традиции, которая, в свою очередь, повторяется через столетие после эссе Сулимы и И. Абдираловича. Но в начале XX в. большая форма была на пользу раскрытию идеи, необходимо было подробное объяснение действительности, развитие читательской культуры. Сегодняшняя же ситуация требует другого масштаба — краткое, лаконичное эссе оказывается более действенным (сравним с эссе В. Орлова «Незалежнасць — гэта…»). Этим можно объяснить отсутствие отзывов и исследований, посвященных «Дзікаму паляванню ліхалецця».

Дело в том, что как автор В. Козько всегда был «около событий». В первую очередь это касается военной тематики. Писатель не описывает боевых действий, но присутствие ужаса войны, соответствующая психология героев, их эмоциональное состояние очевидны. Не описывая конкретных событий, В. Козько точно передает атмосферу того или иного времени. Как это происходит: автор выступает наблюдателем исторических событий, описывает их, дополняя собственными комментариями, а затем переносит продолжение действия на жизнь в природе. Этот прием трансформации автору удается лучше всего. В то время как другим авторам необходимо «искать» меткое сравнение или метафору, В. Козько свободно «мыслит природой». Ярким примером может служить произведение «Дзікае паляванне каралёў сталіншчыны». Несколько охотников решили пострелять в аистов, которые собрались улетать в теплые края: «…буслінае гняздо ўзляцела разам угару. Памкнула ўгару дымным воблакам пылу і пер’я, чорна-ссохлымі суччамі-галавешкамі, белаю пенай шырока распасцёртых птушыных крылаў. Здавалася, пякучы слуп полымя і агню выхапіўся з макаўкі дуба і пайшоў у сіняе неба. Дуб стрэліў агнём у сонца і падпаліў сам сябе. То з вышыні нябёс лілася ўжо на яго кроў бусла і бусліх, мёртвых, абезгалоўленых <…>. Разлучаныя з жыццём птушкі ўсё ж паспелі выкінуцца з гнязда і, акрапляючы крывёю лістоту і вопратку сваіх забойцаў, спланіраваць на зямлю, упасці пад дубам каля ног магутнага ўладара, цара прыроды — чалавека. Бусел і бусліха, бацькі».

«Птичьими образами» В. Козько говорит постоянно. Вот, например, строки из «Азвярэння, амаль крамлёўскай гісторыі»: «Гаспадарлівыя буслы, зладзеяватыя сарокі. А іншых птушак над вёскаю і не відна, і не чутна. Мо самі пцічане служаць тут замест іх. Былі некалі людзьмі, а цяпер ператварнуліся ў птушак. Падобна, у варон, вельмі старых варон. Самі старыя, старыя іх гнёзды». Метким является и примечание автора насчет сходства птиц и деревенских детей: «Вяско-

выя дзеці. У іх тварах, здаецца мне, ёсць штосьці ад задуменнага здзіўлення і засяроджанасці птушак, асабліва <…> буслоў». Образность, символичность — черты, не характерные для жанра эссе. Но опять же заметим, что для В. Козько это естественная речь. Сравнения и символы увеличивают масштаб содержания, дают возможность читателю самому додумывать идею. В то время как в жанре эссе автор стремится доказать правильность собственного мнения.

Использует автор и архаичный символ яблока рядом с женщиной, но углубляет значение, описывая проколотое яблоко около рта мертвой женщины. Ужасная, мрачная картина деревенского захоронения проецирует свою энергетику на рождение повсеместного страха (сравним с притчей В. Быкова «Страх», в которой тоже все и всё было подчинено Страху).

Глубокое воздействие на читателя оказывает «Сенакос у канцы красавіка». Здесь серьезно-шутливая борьба деревенских мужиков за право косить траву разворачивается на фоне Чернобыльской зоны (сравним с «Дзяўчынай пад дажджом» В. Короткевича, где девочка веселится под радиоактивным дождем).

Объектом всей исторической эссеистики В. Козько является человек. На гуманистический характер произведений указывают многочисленные рассуждения о личности («эссе в эссе»). Автор замечает, что на каждое новое поколение в связи с техническим прогрессом приходится все меньше и меньше временного пространства. Человек всегда находится в движении, и ему грозит «озверение». Писатель видит не только отдельного человека, но и миллиарды жизней на планете, в которых «кто-то невидимый» разочаровался на стыке тысячелетий.

Эссеистика В. Козько — это произведения об истории и культуре. Писатель продолжает традиции В. Жилки, Сулимы, И. Абдираловича и одновременно представляет свою форму исторического эссе.

Среди многих биографических произведений Ф. Сивко, помеченных автором как «эссе», таковыми являются «Выспа смерць», «Сволач паводле Брэма» и, возможно, «Хата». «Выспа смерць» — это философские рассуждения автора над извечным вопросом жизни и смерти. Ф. Сивко обращается к истории своей семьи, рассказывает об отношении предков к смерти, о существовании культуры смерти, которая намного сильнее, чем кажется. По словам автора, «нараджэнне — таямніца, якая дзверы адчыняе. Смерць — таямніца-інтрыганка. Яна ўваход у сваю таямніцу вартуе так надзейна і зачыняе перад нашым носам так спрытна, што ўявіць, што там далей, за тымі дзвярыма, — рэч не толькі нерэальная, а нават, з увагі на слабасць чалавечае натуры, — шкодная. Выспа ж — на тое і выспа, каб існаваць асобна. Нават ва ўяўленні». Традиция жанра эссе проявилась в произведении «Сволач паводле Брэма». Текст строится на анафоре «сволач». Такой принцип построения текста встречался в эссеистике В. Жилки, В. Орлова, А. Рязанова. Ф. Сивко составляет своеобразный психологический портрет людей типа «сволочь». Часто автор сравнивает поведение сволочи с повадками животных: «Сволач баіцца і ўсялякімі спосабамі пазбягае галоснасці. Ніводная сволач прылюдна не прызнаецца, што гэта яна загадала «не згадваць» і «не пушчаць», і напусціць на справу такога туману, што ніякі дазнаўца не дасць рады праз яго прадрацца. Як жук-лізун, што выкідвае з сябе жоўты камуфляжны пыл, каб ім жа прыкрыцца». Однако автор признает необходимость существования таковых, иначе откуда можно было бы взять критерии оценки поступков людей. Таким образом Ф. Сивко подталкивает читателя к рассуждениям более масштабным, к вопросу о добре и зле. Эссеистические произведения Ф. Сивко основаны на личном опыте жизни, на рассказах о родных местах, о предках, о языке. Закономерно, что его частные примеры созвучны примерам из жизни многих людей.

Среди новых значительных произведений жанра можно назвать «Каляндар Бахарэвіча» (2014), который состоит из 366 эссе — о событиях, личностях и фактах истории. Сам автор в предисловии к книге пишет: «Матэрыял, з якога зроблены гэты каляндар, называецца вечная памяць».

Кроме художественной эссеистики в последние десятилетия становятся распространенными литературоведческие эссе (Л. Голубовича «Сыс и кулуары», И. Шевляковой «Сапраўдныя хронікі поўні», И. Штейнера «Кому без человека нужно слово», И. Саверченко «Блеск короны» (эссе из книги), А. Андреева «Вы еще хотите стать писателем?» и др.).

Литературно-критические эссе Л. Голубовича «Сыс и кулуары» (2010) представляют интерес не только как произведения информативного, критико-теоретического характера, но и как произведения высокой художественной культуры. В центре внимания — писатели, которые нашли путь к сердцу автора. Среди персоналий не только классики и знаменитые современники, но и простые талантливые писатели, с которыми был знаком автор эссе. Благодаря авторскому «я», ярко проявленному в каждом эссе, четко прослеживается отношение Л. Голубовича к каждому из своих «героев».

Пять эссе — «Кнігі», «Чытачы», «Паэзія», «Проза», «Крытыка», в них автор не размышляет над судьбой и развитием указанных объектов, а говорит о себе, о своем опыте или характеризует конкретные книги и произведения. Каждое из названных эссе имеет свой подзаголовок: «Мае літаратурныя ўніверсітэты», «З уласнага вопыту», «Развагі нанач», «Прага рэвізіянізму» и «Роздум» соответственно. Почти в каждом литературно-критическом эссе присутствует субъективное критическое примечание относительно творчества того или иного автора, что, безусловно, привлекает внимание читателя.

Эссеист хоть и волен, но действует продуманно и целенаправленно. И. Шевлякова тоже убеждена, что «аўтар кнігі «Сыс і кулуары» выяўляе імкненне да літаратурна-крытычнай «фармулізацыі», высноўвання дакладных, лаканічных і максімальна змястоўных вызначэнняў сутнасці тых з'яў найноўшай літаратуры, якія для яго асобасна важныя».

Сам Л. Голубович в эссе об Алесе Рязанове признается: «І тое, што зараз я тут буду пісаць, — гэта не крытыка, не агляд, а тым больш не панегірык вядомаму аўтару. Гэта суб'ектыўнае разважанне над яго шматгадовай творчасцю і неардынарнай асобай». В этом случае Л. Голубович приуменьшает свое мастерство эссеиста. Все его эссе очень продуманные, логичные, особенные, целостные и идейные.

Так или иначе, написать настоящее, интересное эссе дано не каждому писателю. В собраниях сочинений практически любого автора, где-нибудь в последнем томе, непременно найдется несколько текстов, помеченных словом «эссе». Однако не всегда с этим можно согласиться. И все же радостно, что появляются эссе, написанные с уважением к тексту, читателю, традиции.

С точки зрения рецензента

Нас возвышающая память

После войны прошло уже много лет, но о ней все равно все пишут и пишут. Пережитое за четыре года войны — это целая жизнь поколения людей, для которых война стала судьбой. Для незнающих или забывших напомним, что для фронтовиков один день войны равнялся трем дням мирной жизни. А разве не был он таким же — по большому счету! — для мирного населения нашей страны, оказавшегося в оккупации, в руках безумного нацистского зверя?! Профукали, просвистели начало войны тогдашние стратеги…

Писать о войне сегодня нужно еще и потому, чтобы не казалось многим нынешним, что люди, прошедшие сквозь ад Великой Отечественной, не так думали, не так любили, не о том мечтали. Молодые люди Страны Советов были лучше нас, тверже, чем мы, крепче любили свою Родину-мать. Потому и победили, не отдали свою страну на разгром и разграбление. Чудовищно, но, наверное, чтобы понять, что есть добро, а что — зло, оценить человека с позиций нравственности, душевной зрелости, посылаются народу такие тяжкие испытания.

Но чтобы осознать истинные масштабы трагедии, нужно увидеть судьбу конкретного человека на фоне мирового пожарища. Это мы видим в новой книге известного белорусского поэта, писателя, переводчика, литературоведа и публициста, лауреата многих литературных премий Михаила Позднякова — «И нет ничего дороже».

Магистральной темой книги является тема Родины, родной земли, Быховщины, где родился писатель. Произведения о ней пронизаны неподдельной сыновней любовью и глубоким лиризмом.

Откроем новую книгу. В нее включены повесть «Выход всегда есть…» и несколько рассказов, посвященных теме Великой Отечественной войны, мужеству советских людей в борьбе с нацистской Германией. Каждый из них отражает маленькие судьбы в большой истории нашего Отечества.

Повесть «Выход всегда есть…» — небольшая по объему, но «населена» людьми обильно. Запоминаются не

только центральные персонажи, такие, как капитан Зыков, его жена Валентина, мать и родные сестры Василия Зыкова, командир партизанского отряда майор Федор Сухов, комиссар капитан Николай Звонарев, немецкий шпион старлей Новиков, но и многие другие «второстепенные» герои, например, дядя Павел и тетя Настя, отец и мать друга нашего героя, старлей-танкист Андрей Иванов, рабочие-грузчики на железнодорожных станциях Минска и Могилева, которые помогли капитану Зыкову добраться до Быхова, откуда было уже недалеко до родного дома, старлей Алексей Иванов, партизан-разведчик Иван Лозовой и другие.

Но расскажем обо всем по порядку. С чего начинается повесть? Первые дни войны. Гитлеровцы рвутся на восток. Тройка краснозвездных бомбардировщиков под командованием капитана Василия Зыкова штурмует немецкую танковую колонну на шоссе Минск—Могилев, чтобы дать возможность нашим войскам вкопаться в землю и занять оборону за рекой Березина.

Идут потрясающие воображение бои, когда небо смешивается с землей и безумный огонь выжигает все на своем смертоносном пути. Немудрено в этой кровавой сече дрогнуть, испугаться, бежать, лишь бы только спастись. Но пилоты, ведомые капитаном Зыковым, бьются насмерть.

— Молодцы, парни! — крикнул обрадованный командир. — Еще разок для уверенности «угостим» как следует крестовую сволочь! — Он видел, что его стрелок Иван Караваев, казалось, слился с пулеметом, поливая фашистов меткими очередями.

Вслед за ними ураганными ударами прессовали врагов экипажи старших лейтенантов Виктора Савельева и Николая Гончарова.

Горят вражеские танки, попавшие в огневую ловушку. Наступление гитлеровцев на этом участке фронта приостановлено. Но быстрые «мессеры» одну за другой подбивают наши тихоходные машины, гибнут пилоты.

— Подбили, гады! — выругался командир. Он потрогал рукой радиста. — Игорь, покинуть самолет! — Но радист был мертв, с левого виска, заливая молодое, красивое лицо, струилась алая кровь. Стрелок также не подавал признаков жизни.

— Прощайте, боевые друзья! Я отомщу за вас, — тихо произнес капитан и спрыгнул вниз. Через несколько десятков секунд его самолет врезался в землю, взметнув вверх столб огня и дыма.

Зыков был уже почти на земле, когда немецкий истребитель пронесся над куполом парашюта и дал длинную пулеметную очередь.

Несколько пуль прошили парашют, а две больно обожгли правую ногу.

Из экипажей трех машин в живых остается один капитан Василий Зыков. Перевязав раны, он решает пробираться в родные быховские края. Только там он сможет подлечиться, а затем искать партизанский отряд. Другого решения нет, так как фронт быстро откатился на восток.

Несмотря на трагизм положения, капитан Зыков твердо уверен в нашей победе. Об этом он говорит девушке-комсомолке, которую спас от рук гитлеровского насильника:

— Отступаем временно. Верь и односельчанам скажи, что рано или поздно будут убегать фрицы под нашими ударами быстрее французов в 1812 году. Нас, славян, наш народ победить невозможно!

Через несколько дней наш герой добрался до хаты, в которой жили родители его друга. Там ему оказали срочную медпомощь: дядя Павел и тетя Настя обработали раны на ноге, перевязали свежими бинтами. Накормили, дали продуктов с собой. Подобрали штатскую одежду, а военную форму до поры до времени спрятали в укромном месте.

На прощание дядя Павел сказал:

— Залечишь раны, а там видно будет… Говорят, группы наших бойцов и командиров в лесах остаются и партизанскую войну начинают. Еще навоюешься, парень… Война будет продолжительной и жестокой... Но Россию им не взять… Наши с Урала,

из Сибири подтянут силы, дадут по зубам. И здесь народ сидеть не будет сложа руки… Только вот кровушки прольется море…

Так оно все и было. Потом.

Знающие историю немцы уже тогда с тревогой глядели в будущее. Дескать, русские медленно запрягают лошадей, но зато потом быстро едут!

Но не успел капитан дойти до родного порога, как был схвачен полицаями. Удивительно, война только-только началась, а эти негодяи уже повылазили на поверхность! Один из таких предателей и опознал Зыкова, назвав его красным командиром, а заодно и — комиссаром.

После подвалов и застенков, где допрашивали Зыкова, его направили в лагерь смерти под Молодечно. Там на голой земле, окруженной квадратом колючей проволоки и сторожевыми вышками с пулеметами, находились тысячи измученных раненых и больных красноармейцев. Здесь они были обречены на смерть. Выжить могли только те, кто переходил на службу к гитлеровцам — в батальоны так называемых «хиви», то есть «помощников», или в полицаи.

Вместе со своим товарищем по несчастью, старлеем-танкистом Андреем Ивановым, капитан Зыков договорился совершить побег, который, к счастью, удался.

Мимо гудевшего и гремевшего, светившегося ночью огнями аэродрома, — должно быть, гитлеровцы хотели тем самым показать, что «русские большевики» им уже не страшны, — он пришел в свое село Ямное. Конечно, незабываемы для Зыкова были моменты встречи с родными и любимой девушкой.

На Востоке гремела и полыхала самая жестокая в истории кровавая война, а здесь, в лесной деревушке, гремела свадьба, заливались гармошки, звучали песни, гудели танцы. Что ж, жизнь брала свое.

Бойкая тетка Зося на свадьбе Василия Зыкова и Валентины выдавала «номера»:

Покахала Васіля,
Афіцэра-лётчыка.
Беражыцеся пасля,
Ворагі-налётчыкі.

А вот очередная Зосина смелая частушка, которую пела вся деревня:

Будзем так мы весяліцца,
Каб задумаліся фрыцы
І вужы-паслугачы,
Як адсюль ім уцячы…

Люди тогда еще не в полной мере осознали ужас происходящего — на страну надвинулось нацистское рабство, очень скоро не только за такие частушки, но даже за косой взгляд немцы платили жесточайше — сжигали деревни, вешали и расстреливали людей.

Быстро отметелила, отгудела студеными ветрами, отскрипела жгучими морозами первая военная зима.

Раны почти зажили, и Василий Зыков стал искать партизанский отряд. Конечно, родные не хотели, чтобы сын, который чудом остался в живых, снова покинул их. Переживала и Валентина, которая была уже беременна. Но долг, считал Зыков, превыше всего. Не смеет офицер-летчик отсиживаться дома, когда его боевые товарищи, вся страна сражается с врагом!

К действию Зыкова подтолкнул и разговор с местным старостой.

— Здорово, земляк! Отвоевался? Давно пора было. Подлечишься, работу подыщем… А может, старшим полицаем к нам пойдешь? Аусвайс, паек, дойчмарки и все такое. Заживешь — кум королю… — завлекал Зыкова староста.

— Я клятву давал и Родину не предаю, как некоторые.

— Ну-ну, посмотрим! Отлетал свое… Крылья обломали… Учти, что немцы офицеров Красной Армии не жалуют. Узнают — к стенке поставят. Где ногу зацепило? Обо всем спросят, все припомнят… Будь готов к ответу. У тебя всего две дороги. Одна — к нам, на службу победоносной германской армии, а вторая — на тот свет…

— Не пугай! Пуган уже с лихвой, — огрызнулся Василий. — Наши вернутся обязательно… Вот тогда и спросят, как это ты, председатель сельского совета, фашистам прислуживать стал?

— Завтра же стать на учет, оружие, если принес, сдать! Иначе немцы никого не пощадят… Без разрешения из деревни никуда не перемещаться. Жду к нам на службу!

И это были не просто слова. На дверях бывшего сельсовета появились объявления. За неподчинение — смерть. За несвоевременную сдачу налога, за саботаж, за сопротивление и помощь партизанам, за несдачу оружия и радиоприемников — смерть. Расстрел и сожжение дома…

Но и партизаны были наслышаны о нем и вскоре пришли за Василием. Командир отряда майор Федор Сухов, комиссар капитан Николай Звонарев встретились с Зыковым, обстоятельно поговорили. Капитану Зыкову, как местному жителю, хорошо знающему округу и немецкий язык, поручили организовать партизанскую разведку. Был определен план разведки вражеских гарнизонов в Быхове и окрестных деревнях, выхода на связь с подпольщиками в Быхове.

Здесь начинается почти детективная история. Возле штабной землянки комиссар познакомил Василия Зыкова с бородачом — старшим лейтенантом Новиковым, командиром хозгруппы. Что-то в его облике показалось знакомым Василию. Но выяснять, разгадывать времени не было: нагрянула боевая работа. И все срочно, быстро. Пришлось разведать подходы к мосту на перегоне железной дороги Быхов—Жлобин: враг вел здесь интенсивную переброску военной техники и живой силы. Схему подходов и режим охраны вовремя передали подрывникам. Мост взлетел на воздух, и эта важная железнодорожная магистраль была на месяц прервана. Разведана численность вражеских гарнизонов во многих селах Быховщины. Завербованы старосты некоторых деревень. Люди, над которыми нависла угроза ареста, приводились в отряд. Награбленные продукты питания отбивали у немцев и полицаев и раздавали местному населению. Было собрано и припрятано в лесу немало оружия. Росла численность партизанского отряда…

В форме немецкого обер-лейтенанта Зыков вместе со своим помощником Иваном Лозовым «инспектирует» работу старост и других немецких прислужников в ряде деревень. От них он узнает о тех, кто саботирует распоряжения немецких войск, получает списки сочувствующих Советской власти. Позже часть патриотов влилась в ряды партизан, другие активно помогали им, оставаясь пока в деревнях.

Но однажды во время очередной «инспекции» Василий Зыков был схвачен полицаями. Уже по их радостным репликам: «Попалась, партизанская сволочь!» — капитан понял, что его выдали. Но кто? Из деревни не могли, да и не успели бы предупредить немцев; связной — человек свой, проверен уже не раз и не два. Кто-то «стукнул» из отряда? Вот это теплее… Знали о Зыкове четверо: командир, комиссар, начштаба и… командир хозгруппы старший лейтенант Новиков!? Вообще, какого черта при всех командир отряда поручает ему секретные задания? Зачем, например, командиру хозгруппы знать о его секретной работе? Ошибка! Но все-таки, откуда ему, Зыкову, знакома физиономия этого бородача Новикова?..

В тот раз капитану Зыкову очень повезло: он смог уйти от «бобиков» после почти невероятной схватки с пятью или шестью предателями. По возвращении в отряд попросил своего опытного и надежного помощника Ивана Лозового осторожно проследить за Новиковым: «Что-то не доверяю я ему. Чует мое сердце, что наш командир по хозчасти не тот, за кого себя выдает».

Затем снова партизанские будни: разведка и походы на «железку». Вернувшись после выполнения очередного боевого задания, Зыков узнал, что из расположения отряда исчез Иван Лозовой. Капитан опросил партизан,

которые в тот день находились вместе с Лозовым, и пришел к выводу, что тот из расположения лагеря не отлучался. Значит, решил Зыков, его подозрения в отношении Новикова оправдываются. Сердце заныло: неужели Лозовой в чем-то ошибся и был убит предателем?

Своими подозрениями капитан Зыков поделился с командиром отряда:

— Неужели он? Не верится даже. Ведь мы отбили его у немцев, когда те вели его на расстрел, — удивился майор Сухов.

— Не исключено, что «расстрел» этот был специально придуман фашистами, чтобы внедрить таким образом своего человека в партизанский отряд…

— Подожди, а как он мог сообщить немцам о твоем задании?

— А по рации?

— Ну что ты, Василий. Своему радисту я доверяю, проверен не единожды.

— А если у Новикова своя рация где-то припрятана? — высказал предположение Зыков.

Решили проверить подозрение. На срочном совещании майор Сухов сообщил командирам — а на самом деле только Новикову! — что утром следующего дня на опушке леса возле деревни Подкленье состоится очень важное совещание командиров партизанских отрядов нескольких районов Могилевщины. На совещании планировалось выработать стратегию совместных ударов по оккупантам, по уничтожению их коммуникаций.

Все обрадовались, но более всех почему-то Новиков. С чего бы это? Но капитан Зыков, ясное дело, понимал, что к чему. Конечно, если бы шпион был поумнее, сложил бы один плюс один, то не попался бы на удочку: о таком важном совещании должны знать единицы, а не десятки людей. Но Новикову очень уж хотелось выслужиться перед своим немецким начальством, получить повышение в должности. Жадность фраера сгубила — так, кажется, говорится.

После совещания все разведчики затаились по укромным местам вокруг расположения партизанского отряда. Так и есть! Новиков вскоре проскользнул в лес и спрятался под елью. Там и взяли предателя. После допроса стало понятно, куда исчезли некоторые связные, где был убит предателем Иван Лозовой… Новиков получил по заслугам.

Тогда же Зыков узнал, что с Новиковым они были в одном и том же концлагере — в Молодечно. Оттуда Новиков и пошел на службу к немцам.

А сами гитлеровцы, уже предвкушавшие захват «коммунистических бандитов», попали в засаду возле деревни Подкленье, потеряли немало живой силы и техники. Еще больше немцев погибло, когда они решили уничтожить лагерь партизанского отряда. Там они наткнулись на минное поле и пулеметы партизан…

Капитан Зыков мужественно сражался с гитлеровцами до конца 1943 года. Участвовал во многих боях и вылазках на железную дорогу. Но самому ему не удалось встретиться с солдатами победоносной Красной Армии, чтобы затем снова влиться в их ряды, сесть за штурвал краснозвездного бомбардировщика. В середине декабря 1943 года капитан Зыков погиб в бою с карателями возле одной из деревень Быховского района. Похоронили отважного партизана-разведчика и боевого летчика на кладбище возле родной деревни.

И здесь не обошлось без предательства. Кто-то из местных «стукнул» карателям, те налетели на деревню, сожгли часть домов. Местных жителей долго держали под дулами пулеметов. Все допытывались: кто же похоронен в свежей могиле? Но ответа так и не получили. Хотя все знали! Бросив на могилу героя гранату, немцы убрались восвояси…

Из эпилога мы узнаем, что главные персонажи повести не вымышлены. Все они — близкие родственники писателя. Здесь символичен заключительный аккорд повести: дочь главного героя Зыкова Галина Васильевна (по мужу — Ларутина) жила и трудилась

в военном городке в Быхове (а здесь, между прочим, был огромнейший аэродром, на котором базировались грозные ракетоносцы стратегической авиации. В советские годы даже шутили, что гербом Быхова надо сделать мичмана на велосипеде, которых тогда здесь было больше всех и которые ранним утром на велосипедах спешили к КПП). У Галины Васильевны двое детей — сын Анатолий и дочь Ольга.

Анатолий — полковник Вооруженных Сил России, Ольга — военнослужащая Белорусской армии. Быть может, таков сегодня символ единения двух братских народов!

На мой взгляд, повесть «Выход всегда есть...» — сильное патриотическое произведение, которое будит «чувства добрые», заставляет задуматься над историей Отечества, над истоками нашего патриотизма.

Писатель делает зримым и величественным само определение «Великая» — Великая Отечественная война. Герои повести «Выход всегда есть...» меньше всего думают, что они герои. Но их дела говорят о них лучше любых слов. Перед нами проходит целая галерея ярких народных характеров — суровый, целеустремленный капитан Василий Зыков, верные Родине и присяге майор Федор Сухов, капитан Николай Звонарев, партизан-разведчик Иван Лозовой, дядя Павел и тетя Настя — родители друга нашего главного героя, старлей-танкист Андрей Иванов.

Коллективный герой повести — партизанский отряд и поддерживающие его советские люди, оказавшиеся на временно оккупированной территории, — на поверку отнюдь не представляют собой некую однородную массу, в нем живут и сражаются с врагом люди самых разных профессий и национальностей, биографий и возрастов. Что ни характер, своя судьба.

В книгу «И нет ничего дороже» включены также рассказы, эссе, юморески.

Рассказы — изумительные, теплые.

Вот рассказы «На полдороге» и «От судьбы не уходят» — о девушках, которых мы, юноши, любили, но которых потеряли — по недоразумению, по робости, по гордыне… А за них, говорит нам писатель, надо было сражаться, не останавливаться на полдороге…

В рассказе «От судьбы не уходят» молодой человек Игорь, приехавший на экскурсию в Москву из Беларуси, во время посещения Музея Антона Павловича Чехова познакомился с юной Наташей из Днепропетровска. Встреча — единственная, но она настолько сильно впечатлила юношу, что он искал Наташу многие годы. Нашел ее адрес через одиннадцать лет — в книге отзывов, в Музее А. П. Чехова, что на Садово-Кудринской. Игорь уже собрался написать ей письмо. Но рука остановилась — а зачем писать?! Ведь прошло много лет. И он, и она (наверное!) имеют семьи, детей. Неизвестно, как будет воспринята запоздалая весть.

Щемящая боль от потери звучит в словах Игоря: «А еще, разве можно вернуть далекое, неповторимо-чистое, что объединяло нас тогда в Москве. Не исключено, что, потеряв друг друга, мы приобрели больше — незамутимую юношескую мечту, самое светлое воспоминание, веру в большое, красивое и бессмертное чувство… И может случиться так, что все это тысячи раз вознесенное и возвышенное погаснет, растворится в будничности и перестанет подпитывать неисчерпаемой энергией нетронутой красоты…» Какая здесь глубина авторской мысли и чувства!

«Письмо домой» — это рассказ о буднях брестских пограничников, стоящих на пути прорывающихся на запад опасных преступников, террористов, просто мигрантов, желающих пожить на халяву в богатой западной стране. Командир тревожной группы младший сержант Николай Соловьев выполняет свой долг, задерживает опасного нарушителя границы.

Рядовой Куделин из рассказа «Старший лейтенант» покончил с собой — не смог вынести предательства любимой девушки, которая ушла к другому. Но виноватым в гибели солдата оказался дежурный офицер, который не поднял тревогу сразу, а дотянул дело до утра,

полагая, что солдат вернется утром из самоволки.

Между прочим, проклятое письмо предательницы привезла сыну сама мать. Зачем? Разве не знала, что сын ее такой ранимый и после ухода отца от матери в детстве второго предательства может не пережить?!

Писатель делает верный вывод: «Время какое-то наплевательское пришло. Грубость, безразличие, бездушие нередки между людьми… Как будто сдвинулось что-то важное, святое, главное…» И, к сожалению, не в лучшую сторону. Автор говорит читателям: «Люди, задумайтесь, остановитесь, покайтесь!..»

В рассказе «И нет ничего дороже…» автор повествует о трагедии родной деревни Забродье, что в Быховском районе, которую отселил не ужасный Чернобыль, а безголовая и бездушная воля больших и малых чинуш. Деревню Забродье, как, впрочем, и многие другие, они сочли «неперспективной». Но кто позволил им перечеркнуть волю и выбор предков? Ведь наши предки строились на самых красивых, удобных для жизни и работы местах. Цветущих, звенящих жизнью, надеждами и счастьем. Были разрушены большие трудолюбивые, дружные семьи. Именно они, эти чиновники, оказались никчемными, неперспективными (!) руководителями.

И что ж в остатке? Автор сообщает, что из 34 хат деревни ныне осталось 4. Печальный итог хозяйничанья «перспективных» руководителей!

С ностальгией автор вспоминает свое деревенское детство. Как праздновали Пасху. Не забыть старого деда Ивана, деда Марко, дядю Авраама и дядю Михаила… Дедушка Иван Фомич Поздняков в годы Первой мировой войны был солдатом Российской Императорской армии. Попал в немецкий плен при отступлении наших войск из Польши. Могучий двухметровый пленник работал в хозяйстве бауэра, да так работал, что хозяйка его выделяла и отличала (рассказ «Дед Иван»). Запомнилась Мише дедова приверженность к немецкому порядку и дисциплине…

Старшекласснику Мише запомнилась встреча с Героем Советского Союза маршалом авиации Степаном Акимовичем Красовским, их земляком, который однажды посетил их школу и рассказал много интересного о борьбе советских пилотов с гитлеровскими стервятниками. Степан Акимович Красовский успешно командовал 2-й и 17-й воздушными армиями в боях на Кавказе, в Сталинградской и Курской битвах, в освобождении Украины, Польши, Чехословакии, в Висло-Одерской, Пражской и Берлинской операциях. Коснулся и своего участия в Корейской войне 1950—1953 годов — против американских захватчиков. Какими восхищенными глазами Миша и его одноклассники смотрели тогда на маршала!

Ревность, измена, мечты о любви, размолвки и примирения, грусть и счастье — все это есть в книге, которая выражает в своих строчках житейскую мудрость, широту славянской натуры, глубокую грусть и нежность женской души. Именно этим людям, многие из которых — близкие родственники писателя, обязаны мы тем, что держим сегодня в руке эту книгу.

Кстати, о тиражах многих сегодняшних книг. Что это за тиражи — 200—300 экземпляров на полноценную книжку? Да этого не хватит, чтобы просто раздать и подарить ее друзьям-товарищам. Книги — не мною сказано — это не товар, не бизнес, а средство духовного общения народа. Недаром христианская религия запрещает торговцам вход в храм!

Мне кажется: не будет успехов в экономике, в науке, других сферах жизни современного общества, если кардинально не изменится отношение к культуре, в том числе к литературе и к книге. Не на словах, а на деле!

Библиотека Минского городского отделения Союза писателей Беларуси пополнилась прекрасной книгой. Прочитайте ее — она сделает вас мудрее.

Валерий АЛЕШКО

Литературное содружество

«Вуайинаньше» *стремится разорвать языковые барьеры...*

В последние годы расширились контакты белорусских и китайских книгоиздателей. Делегации из Беларуси участвовали в книжных выставках в Китае. Китайские книгоиздатели, писатели — постоянные гости традиционной февральской книжной выставки-ярмарки в Минске. О формате отношений в области книжного дела, о возможных перспективах мы беседуем с господином Пэн Дунлинем — директором Издательства «Обучение и исследования на иностранных языках».

— Уважаемый господин Пэн, вы сравнительно недавно побывали в Беларуси. Как вы считаете, насколько перспективно сотрудничество Беларуси и Китая в области книгоиздания?

— В феврале этого года я в составе делегации китайских издателей приезжал в Беларусь, чтобы поучаствовать в XXIV Минской международной книжной выставке-ярмарке. Рад, что удалось провести целый ряд встреч. Во время визита мы встречались с белорусскими издателями, сотрудниками учреждений высшего образования, академических институтов. Состоялся очень плодотворный разговор в Министерстве информации Республики Беларусь. В беседе с белорусской стороны участвовали заместитель министра информации Александр Карлюкевич, директор-главный редактор Издательского дома «Звязда», ряд писателей, руководителей белорусских масс-медиа. Мы обсуждали конкретные планы сотрудничества: перевод книг, произведений художественной литературы на китайский язык — с белорусского, на белорусский — с китайского; торговлю авторскими правами; выпуск совместных изданий и ряд других вопросов. Да, сегодня сотрудничество между нашими странами в области книгоиздания только начинается. Напомню, что толчок был получен в 2015 году, когда китайская сторона принимала участие в февральской книжной выставке как страна — почетный гость.

— Какие книгоиздательские проекты кажутся вам наиболее перспективными в формате развития белорусско-китайских отношений?

— Думаю, что в первую очередь следует обратить внимание на перевод классической литературы и организовать совместные книгоиздательские проекты в сфере актуальных, современных общественно-политических, социально-экономических тем. Китай и Беларусь — две страны, где активно поддерживаются исторические культурные традиции. Оба наших народа почитают, уважительно относятся к классической литературе. Знаю, что в Беларуси внимательно изучают классическую китайскую литературу.

В 2015 году правительства наших стран подписали меморандум относительно развития «Проекта перевода и публикаций классических литературных произведений Китая и Беларуси». Сейчас этот меморандум реализуется. В то же время, насколько я понимаю, белорусы желают знакомиться через книгу с современным Китаем, хотят узнать все характеристики, все достижения такого процесса, как политика открытости и реформ в Китае.

И на выставке в 2015 году в Минске, и на последующих выставках — в 2016 и 2017 годах — именно китайским книгам такого направления и уделялось особое внимание. Многие читатели Беларуси открыли для себя содержательный сборник статей и выступлений председателя КНР Си Цзиньпина «О государственном управлении». Мы привезли в Минск эту книгу и на русском, и на китайском языках. Конечно же, видно, что посетители интересуются книгами о народных нравах и обычаях китайцев. Большое внимание привлекает детская литература.

— Знаю, что ваше издательство готово открыть филиал в Беларуси. Как вы себе это представляете? Что в плане решения этой задачи считаете первоочередным?

— Чем мы руководствуемся? Прежде всего мы понимаем, что благодаря такой работе расширится не только рынок обучения китайскому языку, не только расширятся представления белорусов о китайской культуре… Действительность такова, что Беларусь может стать площадкой для получения представлений о Китае в других странах. Особенно — в СНГ, где понимают русский язык, где ждут книгу на русском языке.

Мы собираемся открыть филиал нашего издательства в Минске, чтобы организовать более тесное сотрудничество с местными издательствами и ВУЗами Беларуси. Расстояния между нашими странами не близкое. И без местной услуги, без логистики в вашей стране, без учета некоторых особенностей национальной экономики, национального производства сложно организовать высококачественные службы для работы с Беларусью на удалении. Надо изучать и понимать ваш книжный рынок, попытаться заглянуть в сердца и мысли ваших читателей, надо понять, для кого конкретно мы будем работать.

Наш филиал мог бы активизировать работу по реализации «Проекта перевода и публикации классических литературных произведений Беларуси и Китая». Возможно, мы создали бы с белорусской стороной совместный издательский отдел. К примеру, отдел китайского языка и культуры в одном из белорусских государственных издательств. Верю, что это принесло бы совместную пользу, было бы взаимовыгодным сотрудничеством.

— И все-таки, какую художественную литературу Китая, на ваш взгляд, следовало бы перевести на белорусский язык и издать прежде всего?

— Китай обладает историей пятитысячелетней цивилизации. Наша страна имеет богатые литературные традиции. Всему миру известны высокие достижения китайцев в области стихосложения, в драме. И, возможно, так сразу сложно что-то выбрать. Но ведь надо начинать… Я бы посоветовал перевести сборник «Ши цзин», книгу «Лунь Юй», поэзию времен династии Тан, произведения сунской эпохи, созданные в жанре ритмической прозы.

— Наверное, в Китае плохо знают белорусскую литературу… В связи с этим хотелось бы спросить: насколько правильным вы считаете издание

белорусской художественной литературы на китайском языке? Может быть, следовало бы начать с издания страноведческой литературы о Беларуси?

— Во-первых, китайские читатели очень хорошо знают русскоязычную литературу в целом и литературу советского периода. Согласен, что с белорусской литературой больше знакомы специалисты… Но хотел бы напомнить, что в Китае отдельными книгами выходили произведения белорусских авторов Янки Купалы, Якуба Коласа, Янки Мавра, Василя Быкова, Кондрата Крапивы, Аркадия Кулешова, Максима Танка, Алеся Адамовича, Владимира Колесника, Янки Брыля… Сейчас изданы все или почти все книги лауреата Нобелевской премии белорусской писательницы Светланы Алексиевич. Думаю, что работа над переводом художественной литературы и издание страноведческой литературы должны идти параллельно. Это будет содействовать общим задачам, связанным с идеей знакомства китайцев с Беларусью, народом Беларуси.

— Расскажите, пожалуйста, немного о своем издательстве…

— Издательство работает на решение задач по преподаванию и исследованиям в Китае иностранных языков. Сокращенное название — «Вуайинанше». Наше издательство создано в 1979 году. Учредитель издательства — Пекинский государственный университет иностранных языков. Книги мы выпускаем более чем на 40 языках народов мира. В штате издательства — больше 2800 сотрудников. Каждый год мы выпускаем книги более 5 000 наименований. «Вуайинанше» — самое большое университетское издательство в Китае, как и вообще самая большая издательская организация по выпуску книг на иностранных языках.

— Издаете ли вы классическую литературу других стран?

— У нас сложились хорошие отношения с более чем 300 издательствами Англии, Франции, Германии, России, Канады и других стран. Мы издаем очень много классической литературы других стран. Кстати, как правило, делаем это по рекомендации своих зарубежных коллег. Например, в прошлом году выпустили сборник стихотворений известного албанского поэта Дилетеро Алгола «Мать Албания». Стихотворения на китайский перевел господин Чжэн Энбо. В сборнике — 100 стихотворений и 5 поэм. Эта книга вышла в рамках реализации «Проекта перевода и публикации классических литературных произведений Китая и Албании». Надеемся, что в ближайшее время выпустим и новые переводы классической белорусской литературы.

— Насколько внимательны сегодня китайцы к зарубежной литературе? Или все-таки они отдают предпочтение своей, национальной литературе?

— Я думаю, что китайцы также любят зарубежную литературу, как любят и свою, китайскую. Наш читатель и наш издатель понимают, что произведения несут в себе важные художественные, общественные идеи, независимо от того, на каком языке они написаны. Настоящие художественные произведения — отражения тех характерных черт, какие могут рассказать о времени и пространстве, глубокое осмысление авторами человеческой жизни, отношений общества и искусства. Серьезные книги вобрали в себя опыт человеческой жизни на протяжении многих столетий. Опыт, без знания которого нельзя двигаться по пути развития и прогресса.

Наши предшественники сказали: не тратьте золотое время на бессмысленные дела. Единственно полезное занятие в этой жизни — это чтение. Уважение к чтению уже традиционно в течение нескольких тысячелетий китайской жизни.

Да, некогда имелась определенная настороженность по отношению к зарубежной книге. В последние годы китайцы проявляют особую терпимость к зарубежным литературам, повышается градус принятия зарубежных писателей. Конечно же, существует и немало проблем. Иногда целые литературы оказываются «за бортом» китайского внимания. Но как раз у «Вуайинанше» такая миссия и задача: «Записывать человеческую цивилизацию, соединять культуры разных народов в

единую мировую культуру». Мы стремимся разорвать языковые барьеры, упрочить литературные и культурные связи между Китаем и другими странами. И для этого создаем, моделируем благоприятную среду. Сама структура нашего издательства позволяет делать это достаточно эффективно и с пользой для Китая и других стран-партнеров.

— Уважаемый господин Пэн, позвольте задать несколько коротких вопросов в плане блиц-опроса… Назовите своего любимого писателя. Из числа китайских авторов…

— Мой самый любимый писатель — это прозаик, публицист, литературовед Лу Синь. Он родился в 1881 году, умер в 1936-м…

— Белорусский скульптор Заир Азгур много десятилетий назад вылепил его бюст…

— Признаться, не знал об этом. Лу Синь — современник непростого, самого исторически важного отрезка китайской истории. Отрезка преобразований… Он — великолепный литературовед, один из основоположников современной китайской литературы. Великий мыслитель. Всю жизнь посвятил рассмотрению проблем китайской общественной жизни. Великий революционер, он осмелился бороться со старым мрачным временем, увлеченно поощрял многие инициативы патриотически настроенной молодежи.

— А ваш любимый зарубежный писатель?

— Француз Ромен Роллан. Дело в том, что я получил университетское образование по специальности «французский язык». Хорошо знаком с французской литературой разных столетий. Среди множества интересных французских писателей мне больше всего по душе творчество Ромена Роллана. Он жил во время, омраченное Первой и Второй мировыми войнами. Но это не помешало ему прославлять идеалы гуманизма, устремления человека, человечества к доброму и прекрасному. Он стремился восстанавливать общественную мораль, понимал, как много от этого зависит в целом — само понятие сохранения жизни на нашей планете. Это Ромен Роллан сказал, что «в мире только один героизм: любить жизнь по-прежнему после того, когда ты уяснишь реальности жизни». И эта фраза — мой жизненный девиз.

— Какую книгу вы неоднократно перечитывали?

— Стоит книга того, чтобы еще вернуться к ее повторному прочтению, или нет, — это очень важный критерий в оценке книги. Я считаю, что таких книг существует достаточно много. И, наверное, у каждого — свои, согласно его мировоззрению, — пристрастия к повторному прочтению. С накоплением жизненного опыта в разном возрасте мы при чтении одних и тех же книг получаем разные впечатления. Каждый раз видим нечто новое. Находим те детали, которые в какое-то время упустили. Для меня такими книгами являются «Сон в красном тереме» и «Война и мир».

— С кем в китайской поэзии вы сравнили бы Александра Сергеевича Пушкина?

— Ли Бо и Пушкин являются самыми известными в мире романтическими поэтами. Мы называем Ли Бо «гением поэзии». О Пушкине иногда говорят так: «Солнце в русской литературе». Разница между ними — в столетия. Но у них много общего, величина таланта соединила их и для меня. Их стихотворения наполнены притягательными фантазиями. В их поэзии главное место отведено прославлению свободы, устремлениям к высоким мечтам. И оба прожили беспокойные, но величественные по содержанию, насыщенности событиями жизни.

— Какую книгу зарубежного автора вы бы посоветовали прочитать каждому китайцу?

— Думаю, что надо обязательно хотя бы раз в жизни прочитать «Гаргантюа и Пантагрюэль». Там полно и смелости, и мудрости, и горести, и печали.

А сейчас я стремлюсь открывать все новые и новые книги белорусских писателей. Надеюсь, что наше издательство сможет много сделать, чтобы приблизить китайцев к осмыслению Беларуси через хорошие и знаковые книги белорусских авторов.

Беседовал Кирилл ЛАДУТЬКО.
Пекин—Минск

Литературное содружество

Поколение друзей: туркменские встречи

Назови сегодня кому-либо из литературной молодежи Беларуси эти имена — с недоумением пожмут плечами. А то, может быть, и вообще широко откроют глаза: зачем, мол, вспоминать никому не известных или совсем забытых поэтов, прозаиков… Тех, кто никаким образом с нашими национальными историей, литературой не сопричастны…

Но давайте все-таки не будем спешить, а заглянем в прошлые времена, не такие уже от нас и далекие. Совершим своего рода обратное путешествие во времени. Хотя бы — всего на несколько десятилетий назад. Лично мне не так уж и сложно это сделать. Хотя бы потому, что я как раз и жил в Туркменистане в середине 1980-х годов, с августа 1985-го по апрель 1988 года, и с того времени внимательно слежу за литературным процессом в Каракумском крае, и по мере скромных возможностей изучаю туркменскую литературу всех времен. Случается, что источником информации становится случайная встреча. Благо в Минске учатся тысячи студентов из Туркменистана. А вот пресловутый Интернет не так уж и богат свежей информацией о туркменской литературе, особенно — о сегодняшнем литературном процессе в Каракумском крае.

Но для начала — несколько важных фактографических штрихов…

1985 год. В Ашхабаде выходит отдельным книжным изданием поэма участника Великой Отечественной войны, корреспондента газеты 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда» Аннакули Маметкулиева о белорусском партизане и подпольщике Константине Заслонове. Первый раз она была издана — тоже отдельной книгой — еще во время войны.

В этом же году выходит в Ашхабаде книга очерков публициста, литературного критика Владимира Пу и партийного работника, публициста, литературного критика Олега Кузьмина «Люди огненной судьбы», где рассказывается о том, что в Беларуси в годы Великой Отечественной войны сражались с фашистами туркменские писатели Чары Аширов, Вячеслав Курдицкий, Сейитнияз Атаев… Из этой книги можно узнать, что на 3-м Белорусском воевал поэт, литературовед, доктор филологических наук Рухи Алиев. Кстати, в творческом багаже яркого национального художника слова есть стихотворение, посвященное капитану Гастелло и его подвигу. И написано, заметим, это произведение в военное время. Рухи Алиев — и автор стихотворения «У односельчан Якуба Коласа». Освобождал Беларусь от немецко-фашистских захватчиков и командир стрелковой роты гвардии старший лейтенант Чары Аширов, впоследствии — народный писатель Туркменистана. Первые свои крупные поэтические произведения — поэмы «Разлука» и «Кровавая борьба» — Чары Аширов опубликовал еще в 1930 и 1933 годах. Воевал в Беларуси, участвовал в освобождении Витебска и Полоцка кавалер трех орденов Красной Звезды прозаик Ашир Назаров. После Великой Отечественной войны служил в туркменской редакции газеты Туркестанского военного округа «Фрунзевец». Есть в книге В. Пу и О. Кузьмина и очерк, посвященный поэту-фронтовику Ата Ниязову, который перевел на туркменский язык книги стихотворений Янки Купалы и Якуба Коласа. А увидели они свет еще в 1941 году.

1986 год. Газета «Эдебият ве сунгат» публикует большое интервью с секретарем Союза писателей Туркменской ССР известным прозаиком Тыркишем Джумагельдыевым о белорусско-туркменских литературных связях. Он, конечно же, очень хорошо отзывался и о белорусской литературе, и о литераторах, которых знал,

с которыми поддерживал отношения, и о перспективах развития белорусско-туркменских связей.

1987 год. Газета «Эдебият ве сунгат» публикует перевод стихотворения народного поэта Беларуси Пимена Панченко «Поэма гнева и ненависти». Перевел народный поэт Туркменистана Керим Курбаннепесов.

В том же, 1987 году во втором номере журнала «Совет эдебияты» выходит статья о белорусско-туркменских литературных связях. С того времени в 1987—1988 годы статьи такого общего, обзорного характера появляются в газетах «Яш комммунист», «Октябрын ялкымы», «Знамя Октября», «Ташаузская правда», «Туркменская искра».

И таких примеров сопричастности туркменских и белорусских писателей, белорусской и туркменской литератур достаточно много… Взять хотя бы творческую, жизненную судьбу народного поэта Туркменистана Керима Курбаннепесова (родился в 1929 году, умер в 1988-м). Еще в юности Керим познакомился с военным журналистом Дмитрием Песляковым — уроженцем Беларуси. А в начале своей творческой дороги, оказавшись на семинаре молодых писателей в одной из Прибалтийских республик, — с Нилом Гилевичем. И Керим-ага, и Нил Семенович (один — в Ашхабаде, второй — в Минске) рассказали мне одну и ту же историю… Вечером, после семинарских занятий, молодые поэты продолжили в общежитии свои споры, дискуссии. И каждому из них не только самому хотелось утвердиться, но и свои национальные литературы достойно представить. Но каждый из них классиков чужих знал, разумеется, по переводам. Нил Гилевич читал Махтумкули, вероятно, по сухим переводам Шенгели. А Керим Курбаннепесов не был в восхищении от знакомства с Купалой в переводах на русский… Словом, белорус снял с пьедестала Великого Фраги — Махтумкули. А туркмен прямолинейно высказался о Купале, о том, что не такой уж он и великий, хотя к тому времени был уже издан и туркменский сборник белорусского классика (в 1941 году) в переводах Ата Ниязова… Годы занятий поэзией, знакомство с лучшими переводами Махтумкули и Купалы мнения белорусского и туркменского литераторов изменили. Но эпизод такой все-таки был…

В домашней библиотеке Керима Курбаннепесова было немало книг белорусских писателей. Я и сам видел их по корешкам, снимал с простых, деревянных полок — сборники произведений Максима Богдановича, Максима Танка, книги с автографами — Алеся Жука, Миколы Калинковича… Во второй половине 1980-х годов ашхабадское издательство «Туркменистан» выпустило авторскую антологию поэтических переводов Керима Курбаннепесова «Букет дружбы». Нашлось в этом книжном букете место и белорусским цветкам — стихотворениям Максима Танка, Евдокии Лось, Нила Гилевича, Василя Зуенка…

Керим Курбаннепесов

Керим-ага был хорошо знаком, дружен с белорусским публицистом, краеведом Миколой Калинковичем (1950—1990), уроженцем Лунинецкого района Брестской области. Тот жил в Ашхабаде в 1979—1984 годы, да и потом не раз приезжал в столицу Туркмении. И я с Миколой встречался в Ашхабаде не единожды — в сентябре и ноябре 1985 года, июне 1986-го, январе 1987-го… Много переписывался с ним, когда Микола жил в Москве, а затем в Тбилиси. В Ашхабаде были изданы книги М. Калинковича «Не обрывается земная связь», «Имя мое — Свобода», «Возвращение рассветной рани»… Здесь он задумал свой документальный роман «Керкинский бастион». Микола много печатался в туркменских газетах (особенно — в «Комсомольце Туркменистана» и журналах. В Ашхабаде он написал свои документальные повествования «Лунинец», «Палескія дні Аляксандра Блока» (эти книги были изданы уже в Минске).

В своей ашхабадской усадьбе по улице Карпинской Керим-ага принимал белорусских писателей Алеся Жука, Алеся Емельянова. Это о Кериме Курбаннепесове сказал классик туркменской литературы Герой Социалистического Труда Берды Кербабаев: «Есть у нас Керим; его надо знать — это большой поэт; он соединяет в себе мудрость, сохраненную веками, и то, что еще только придет к нам в будущем. Этот поэт на перепутье всех трех времен»…

Очень ответственно отнесся Керим Курбаннепесов к переводу стихотворения народного поэта Беларуси Пимена Панченко «Поэма гнева и ненависти». И хотя у него был поэтический перевод, опубликованный в «Нёмане», туркменский мастер слова попросил меня сделать подстрочник, а при встрече — попросил почитать текст на белорусском, что я с большим удовольствием и выполнил. И когда литературно-художественная газета «Эдебият ве сунгат» (кстати, в номере, где Беларуси были посвящены две газетны страницы формата А3) опубликовала это высокого звучания гражданское стихотворение, многие читатели восприняли опубликованное произведение как оригинальный текст известного и любимого ими туркменского поэта. Кериму-ага звонили из всех уголков Туркменистана буквально несколько дней, о публикации говорили, критики упоминали перевод в своих выступлениях… Всех взволновало само содержание, сопричастность высказанного Пименом Панченко, а затем пересказанного туркменским поэтом, с Туркменистаном, с теми непростыми общественными, социальными, духовными явлениями, которые происходили рядом с ними, в горячем и родном Каракумском крае…

Поколение друзей… Иначе я и не назвал бы то сообщество, которое формировало многонациональную советскую литературу в течение более полувека. И не только так называю по той причине, что в городах и весях разных республик трудились исключительно друзья. Нет, конечно же, они спорили, даже ссорились между собой. Во многом были не согласны друг с другом, словом, жили обычной жизнью со всеми ее составляющими. У каждого было много своего, индивидуального в восприятии окружающей действительности, осмыслении того, каким должно быть общее мироздание Советской страны. Но в главном для меня как читателя они были друзьями. Моими друзьями... Их книги открывали мир широкий, способный и наши национальные приоритеты утверждать, нас возвышать. Перед Европами и Азиями, перед Америками и Африками… Они помогали раздвигать горизонты. И делалось это сообща, в единстве устремлений. Часть писателей этого поколения друзей повстречались мне в Туркменистане. С ними, их книгами я постигал мир во всей его красоте и гармонии, во всех его противоречиях и нестыковках, мир, убеждающий в том, что жить надо в согласии, в любви и справедливом отношении друг к другу…

Там, в Туркменистане, я благодарил судьбу, что не только читаю их, туркменских писателей, книги, отдельные произведения, но имею ежедневную возможность встречаться с их авторами… С Керимом Курбаннепесовым, Каюмом Тангрыкулиевым, Клыч Кулиевым, Тоушан Эсеновой, Нарклычем Ходжагельдыевым, Огультеч Оразбердыевой, Атамурадом Атабаевым, Аннаберды Агабаевым, Нарклычем Атаевым, Комеком Кулиевым, Нобаткули Реджеповым, Акмухаммедом Вельсапаровым, Касымом Нурбадовым, Какабаем Курбанмурадовым, Какалы Бердыевым, Курбанниязом Дашкыновым, Азатом Рахмановым, Пирнепесом Овезлиевым, Сапаром Ураевым, Агагельды Алланазаровым, Газель Шакулиевой, Соной Язовой, Курбаном Чолиевым, Аллаяром Чуриевым, Оре Дашкыновым, Хаджи Какалиевым, Курбандурды Курбансахатовым, Ата Атаджановым, Атаджаном Таганом, Дангатаром Бердыевым, Аннали Бердыевым, Арабом Курбановым, Биби Ораздурдыевой, Евшаном Аннакурбановым, Ширали Нурмурадовым, Рахимом Эсеновым, Какалы Бердыевым… За эти встречи и сегодня, спустя десятилетия, благодарен судьбе.

Каждая из встреч открывала, приносила мне все новые и новые открытия, новые факты, что связывали Туркменистан и Беларусь прочными узами литературной дружбы.

Так я узнал о дружбе Алеся Жука и Атаджана Тагана. Отрадно, что прозаик Атаджан Таган, которому уже скоро 80 лет, и сейчас работает в национальной литературе. Его роман «Чужой» — о судьбе пленного французского офицера, — из тех книг, которые долго не потеряют свою актуальность. Еще в первом своем романе — «Крепость Серахс» — писатель, невзирая на все советские «красные флажки», разные идеологические и цензорские ограничения, прикоснулся к

вопросам национального суверенитета туркмен. На мой взгляд, оба произведения достойны перевода на белорусский язык. А сам Атаджан Таган — переводчик романов Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби», Д. Лондона «Мартин Иден», А. Камю «Посторонний», С. Моэма «Луна и грош»… Место Атаджана Тагана — среди величайших писателей Азии, рядом с киргизом Чингизом Айтматовым и турком Орханом Памуком…

Поэт Сапар Ураев в 1980-е годы, к примеру, рассказывал о своей работе над книгой переводов на туркменский язык произведений народного поэта Беларуси Максима Танка. Книга увидела свет в 1989 году.

Нарклыч Ходжагельдыев гордился, что перевел на туркменский романы Ивана Гавриловича Чигринова — «Плач перепелки» и «Оправдание крови». Нарклыч-ага дружил с Миколой Калинковичем, много помогал ему в публикациях на страницах журнала «Совет эдебияты», где работал заместителем главного редактора. И я благодарен уважаемому прозаику, переводчику, литературоведу, который оказал мне содействие, помощь в моих «белорусских» выступлениях на страницах литературно-художественного журнала.

Детский поэт, переводчик, литературовед Курбан Чолиев рассказывал о своей дружбе с белорусской переводчицей Любовью Филимоновой. Она, кстати, подготовила и издала в Минске сборник стихотворений Курбана Чолиева. Работала над переводом по подстрочникам и с туркменского оригинала. Во время учебы в Литературном институте в Москве Любовь Филимонова познакомилась с туркменскими студентами, часто приезжала в Ашхабад. Любовь Филимонова — и переводчица на белорусский стихотворений Амандурды Джанмурадова. Они были опубликованы в альманахе «Далягляды» в 1977 году.

Переводчиком эссе, миниатюр Янки Брыля в газете «Эдебият ве сунгат» выступил поэт и литературный критик Какабай Курбанмурадов. Кстати, в 1988 или 1989 году он гостил в Беларуси — в Доме творчества «Ислочь». А рассказ Алеся Жука перевел на туркменский тогда молодой еще прозаик Евшан Аннакурбанов.

Какалы Бердыев вспоминал, как тогда они ездили по пустыне с белорусом Алесем Адамовичем. Результатом их работы стали публикации в журналах «Совет эдебияты», «Полымя», «Дружба народов». В

Атаджан Таган

одном из аулов повстречались со слепым туркменским поэтом Ата Салихом. Может быть, тогда, слушая рассказы о Беларуси из уст Алеся Адамовича, и проникся Какалы Бердыев интересом к Беларуси, к творчеству народных песняров Якуба Коласа, Янки Купалы, а спустя годы рассказал об их творчестве туркменскому читателю?..

А в Ташаузе — это областной центр, расположенный неподалеку от Узбекистана, возле Каракалпакстана, — жил и работал белорус Михась Карпенко. Известный публицист и поэт, он многие годы редактировал областную партийную газету «Ташаузская правда». В Ашхабаде и Нукусе (столица Каракалпакстана) вышел добрый десяток его поэтических книг. Многие их страницы — на белорусскую тему. Стоит вспомнить, что начало творческого пути Михася Федотовича — в Беларуси, в Гродно. Первая публикация стихотворений — в «Гродзенскай праўдзе», на белорусском языке. Первым наставником в творческой работе, в поэзии для Михася Карпенко был известный западнобелорусский поэт Михась Василек.

В Ашхабаде в 1970-е годы жил и работал белорусский прозаик, драматург, публицист, детский писатель Василь Ткачев. Мне не довелось с ним встречаться в Туркменистане. Но уже из его рассказов во время встреч в Беларуси знаю, как его поддерживали детские писатели Азат Рахманов, Пирнепес Овезлиев, другие туркменские литераторы. Фактически многие рассказы из книги Василя Ткачева «День в городе» написаны в Ашхабаде.

Агагельды Алланазаров и Микола Метлицкий в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны. Минск, 2017г.

А «Казан» и вовсе написан на туркменскую тему. Кстати, именно Василь Ткачев познакомил — пусть себе и заочно — белорусского коллегу Миколу Чернявского с туркменским поэтом Азатом Рахмановым. С того времени Микола и стал переводить туркменскую поэзию для детей на белорусский — стихотворения Окджемал Омаровой, Азата Рахманова, Касыма Нурбадова, Каюма Тангрыкулиева, Нуры Байрамова…

…Пройдут годы. Но те, 1980-е, те литературные встречи — и сегодня в моей памяти. Сейчас я счастлив, что в когорту моих туркменских друзей добавились новые поэты и прозаики — Аннамухамед Киршен, Чемен Аннабердыева, Бягуль Аннабаева, Максат Бяшимов… Рад, что с их творчеством удалось познакомить белорусских читателей через публикации в журналах «Полымя», «Маладосць», «Бярозка», «Вясёлка», газетах «Літаратура і мастацтва», «Пухавіцкія навіны», «Зара над Друццю» и современного белорусского читателя. Вышли книги стихотворений и рассказов для детей Агагельды Алланазарова, Касыма Нурбадова. На белорусский язык переведен роман Курбандурды Бердымухаммедова «Имя доброе нетленно». В белорусских периодических изданиях увидели свет стихотворения, рассказы Касыма Нурбадова, Комека Кулиева, Агагельды Алланазарова, Бердыназара Худайназарова… Издана книга «Літаратурнае пабрацімства: Беларусь — Туркменістан». В портфеле белорусских издательств — рукописи книг Агагельды Алланазарова, Атаджана Тагана. Отрадно, что в Туркменистане ценят это, стараются развивать и усиливать сложившиеся переводческие связи. В журналах «Каракум» и «Дунья эдебияты» («Мировая литература»), газете «Эдебият ве сунгат» вышли белорусские подборки классической и современной белорусской поэзии и прозы. В последнее время в переводе на туркменский опубликованы произведения Олега Ждана, Янки Купалы, Якуба Коласа, Владимира Короткевича, Максима Танка, Сергея Законникова, Владимира Некляева, Миколы Метлицкого, Алеся Бадака, Адама Шостака… Много внимания организации переводческих связей отдают ответственный секретарь журнала «Каракум» прозаик Бягуль Аннабаева, редакторы отделов журнала «Дунья эдебияты» Максат Бяшимов, Аннамухамед Киршен, известный туркменский поэт и переводчик Нобаткули Реджепов. Он, в частности, осуществил новые переводы стихотворений Янки Купалы, Максима Танка, Владимира Некляева, Сергея Законникова…

Радуясь развитию, укреплению литературной дружбы между далекими друг от друг странами, думаю о том, что время требует новых творческих проектов, которые бы развивали творческое партнерство, позволяли рассказать читателям о Туркменистане и Беларуси. Сегодня очень

ограниченным тиражом выходит некогда журнал-миллионник «Дружба народов», который раньше традиционно был внимателен к постсоветским литературам. Вряд ли больше 2—3 экземпляров этого периодического издания попадает в Беларусь. К своему стыду, не знаю, поступает ли журнал в Туркменистан. И если даже кто-то из белорусских или туркменских авторов попадает на страницы «Дружбы народов», то вряд ли эти произведения становятся известными в других постсоветских странах. Возможно, целенаправленно подготовленный «туркменский номер» на страницах «Нёмана» и выполнил бы задачу по знакомству белорусского читателя с туркменской литературой. Учитывая многие сложности в решении этой задачи, вероятно, следовало бы серьезно подготовиться к выбору произведений для перевода. Почему бы для начала не провести белорусско-туркменский писательский «круглый стол» в рамках международных отношений Беларуси и Туркменистана?.. Правда, нечто похожее попыталось реализовать Министерство культуры Беларуси во время Дней культуры Беларуси в Туркменистане в декабре 2015 года. Разговор с участием и Министерства культуры Беларуси, гостей из Беларуси, самих туркменских писателей (знаю: участвовали в нем Агагельды Алланазаров и Алесь Бадак) тогда состоялся достаточно знаковый, возможно, где-то и не совсем парадный. Но по традиции все ограничилось декларациями. Стоит отметить, что решение белорусско-туркменского «круглого стола» даже попало в отчет белорусского правительства, были даны определенные поручения. И через какое-то время правительство поинтересовалось — а что же с организацией взаимных переводов? Вот только интересоваться, как они реализуются, по большому счету не у кого. Министерство культуры мало что представляет в механизме подобной работы с участием литературных журналов и государственных книжных издательств. Фактически на одном лишь Издательском доме «Звязда» лежит весь груз международной литературно-художественной работы…

Впрочем, не стоит дальше посыпать голову пеплом, упорно искать крайних. Проблема не в том, чтобы определить ответственных, виновных… В чем же здесь и чья вина?!. Проблема в другом — нужен активный творческий коммуникат. Дело способно развиваться, быть дееспособным, творческим только тогда, когда в нем участвуют люди инициативные. Заинтересованные. Знающие и определяющие цели такой работы. Потому, наверное, и не стоит ждать директивных указаний. Надо использовать индивидуальную творческую инициативу, надо искать главные, наиболее содержательные произведения и вовлекать в процесс их перевода лучших переводчиков. А вот уже результатом работы как свершившимся фактом можно поделиться с любым министерством и ведомством. Если, конечно, в их стенах понимают и осознают цену народной и литературной дипломатии.

Возможно, уже сейчас следовало бы начать подготовку к созданию антологий современных туркменской поэзии и прозы на белорусском языке. Начало уже положено. Туркменскую прозу время от времени переводит Ирина Кочеткова. Стихотворения туркменских поэтов — Микола Метлицкий (подборка Сапармурада Овезбердыева в журнале «Полымя» и в его авторской антологии переводов поэзии народов мира — «Лучнасць»), Мария Кобец (стихотворения Чемен Аннабердыевой, Аннамухамеда Киршена). Важно, правда, понять, что именно сегодня составляет основу развития современной туркменской литературы, кого из поэтов и прозаиков, печатающихся сегодня, с наибольшим интересом воспринимает читатель у себя на родине. Составление и издание такого рода антологий требует подробных комментариев и обстоятельной вступительной статьи. Восстановление системы литературных связей невозможно без осмысления того, что происходит не только в литературе, но и в целом в национальной культуре Туркменистана. И осуществить это могут лишь только настоящие мастера художественного слова, способные открыть чужую страну и полюбить ее народ.

Нужна организация насыщенных, спланированных поездок. Праздные встречи на книжных выставках не приносят нужных плодов. Да и на выставки чаще в Ашхабад ездят издатели или книготорговцы, которые вряд ли интересуются развитием как будто чужой национальной литературы. Ездили же в свое время Рыгор Бородулин, Янка Сипаков, Виктор Шимук в Туркменистан «за очерками»… И результаты были существенными — появлялись новые публикации, поэты привозили из поездок стихотворные циклы. Как, к примеру, — Бронислав Спринчан, Геннадий Пашков, Павел Мартинович…

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

ТЕЛЕВНОЙ Сергей Владимирович. Родился в 1959 г. на хуторе Графском Ставропольского края. Окончил Российскую академию народного хозяйства и гражданской службы при Президенте РФ и филологический факультет Северо-Осетинского государственного университета. Печатался в газетах «Литературная Россия», «День литературы», журналах «Сибирские огни», «Южная Звезда», «Дарьял», «Бийский вестник», «Нижний Новгород», «Книголюб», «Венский литератор», «Белый ворон» и др. Лауреат всероссийских и региональных журналистских конкурсов, дипломант Международного литературного конкурса им. П. П. Ершова. Живет в г. Моздок (Северная Осетия — Алания).

КАМЕЙША Казимир Викентьевич. Родился в 1943 г. в д. Малые Новинки Столбцовского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик, переводчик. Автор многих книг для детей и взрослых. Лауреат Литературной премии имени Аркадия Кулешова. Живет в Минске.

КИСЛИК Валерьян Залманович. Родился в 1935 г. в Витебске. Окончил геолого-географический факультет Белорусского государственного университета. Автор множества научных статей и нескольких монографий, написанных в соавторстве. Печатался в журнале «Нёман». С 1999 года живет в Германии.

РАДАШКЕВИЧ Александр Павлович. Родился в 1950 г. в Оренбурге (Россия). В 1978 г. эмигрировал в США, а в 1983-м перебрался в Париж. Поэт, эссеист, переводчик. Автор десяти книг поэзии, прозы и переводов. Официальный представитель Международной Федерации русскоязычных писателей во Франции. Живет в Париже.

СМИРНОВ Михаил Иванович. Родился в 1958 г. в г. Салават (Республика Башкортостан). Получил среднее техническое образование. Печатался в средствах массовой информации Республики Башкортостан, московских и зарубежных изданиях и др. Лауреат и дипломант ряда литературных премий, в том числе Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» за 2007, 2008, 2009 годы, Международной премии «Филантроп» за 2010 год. Живет в г. Салават.

ДЖО АЛЕКС (Сломчинский Мацей). Родился в 1920 г. в Варшаве (Польша). Польский писатель, переводчик и драматург. Автор псевдоанглосаксонских детективов и милицейских повестей, среди которых «Я третий нанесла удар», «Лабиринты смерти», «Пусть найдут своих врагов», «Черные корабли», «Серая тень» и др. Кавалер Ордена Возрождения Польши. Умер в 1998 году в Кракове (Польша).